

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

N 9

St. Petersburg
2014

**ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН**

№ 9

С.-Петербург
2014

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014.

№ 9. 208 с.

ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-86007-773-7

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: «DMITRY BULANIN», 2014. N 9. 208 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (ответственный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель отв. редактора)

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor)

Рецензенты: доктор исторических наук Ю. Е. Березкин, доктор исторических наук Г. В. Длужневская

Editorial referees: Doctor of Historical Sciences Yu. E. Berezkin, Doctor of Historical Sciences G. V. Dzhzhnevskaya

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стеганцева, Е. В. Бобровская

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Bobrovskaya

Оформление обложки: Г. А. Кузнецова

Layout: G. A. Kuznetsova

В № 9 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В статьях Л. Б. Вишняцкого, Н. Ф. Соловьевой, Е. Г. Старковой, Е. В. Галишевой и К. А. Глазова, А. З. Бейсенова, В. И. Распоповой, А. В. Курбатова и С. В. Бельского впервые вводятся в научный оборот новые или ранее не опубликованные материалы памятников Средней Азии, Северного Кавказа, Центрального Казахстана, Западной Украины и Северо-Запада России разных эпох – от древнего каменного века до средневековья. В статьях А. А. Мalyutiной и М. В. Саблина, А. М. Гасановой и А. Батасовой с помощью трасологического, спектрально-аналитического и статистического методов получены новые данные об обработке кости в неолите, металлообработке эпохи бронзы и структуре пространственного распределения сельских поселений античного времени. Историографии западного ареала трипольской энеолитической культуры посвящена обширная статья В. В. Терехиной, Н. Н. Скакун и Е. В. Цвек. Находки степной керамики периода поздней бронзы на древнеземледельческих поселениях подгорной полосы Копетдага подробно рассмотрел В. А. Алёшкин. В работах К. К. Шилика и С. С. Миняева затронуты проблемы соотношения сведений исторических источников и данных археологии. С. В. Воронятков продолжил дискуссию о постзарубинецких хронологических горизонтах, а А. Е. Мусин проанализировал возможные византийские импульсы в культуре раннесредневековой Западной Европы.

В разделе «Хроника» приводится информация о международной трасологической конференции, а также о расширенных заседаниях Ученого совета Института, проведенных совместно с Отделом палеолита и Отделом истории античной культуры и посвященных научному вкладу крупных зарубежных и отечественных исследователей – Х. Кимуры, Е. Г. Кастаняна и Е. И. Леви. Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 9th issue of the «Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences» presents papers reflecting the newest developments in research ideas and empirical inquiries in archaeology and ancient history. The papers by L. B. Vishnyatsky, N. F. Solovyova, E. G. Starkova, E. V. Galishcheva with A. K. Glazov, A. Z. Beisenov, V. I. Raspopova, and A. V. Kurbatov with S. V. Belskiy introduce new or as yet unpublished materials from Central Asia, Northern Caucasus, Central Kazakhstan, Western Ukraine, and Northwestern Russia, dating from different periods from the Early Stone Age to the Middle Ages. The papers by A. M. Gasanova, A. Batasova, and A. A. Malyutina with M. V. Sablin provide new data on the Bronze Age metallurgy, spatial structure of Antique settlements, and bone working in the Neolithic, respectively, obtained with the help of spectral analyses, statistics, and use-wear studies. V. V. Terekhina, N. N. Skakun and E. V. Tsvet give an extensive historiography of archaeological research in the western area of the Tripolye Eneolithic culture. The finds of the steppe pottery from the Late Bronze Age farming settlements of the Kopet-Dag foothills are considered in detail by V. A. Alekshin. K. K. Shilik's and S. S. Minyaev's works deal with problems of relationships between written and archaeological records. S. V. Voroniatov raises an issue of the Post-Zarubintsy chronological horizons, while A. E. Musin uses archaeological and historical sources to trace the Byzantine impacts on the Early Medieval culture of Western Europe.

The section of «Chronicles» informs about the International Tracological Conference, as well as a number of extended sessions of the Institute Academic Board held together with the Paleolithic Department or the Department of the History of Classical Culture and dedicated to the scholarly contributions by H. Kimura, E. G. Kastanyan, and E. I. Levi. The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-86007-773-7

© Институт истории материальной культуры РАН, 2014

© Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014

© Авторы статей, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Л. Б. Вишняцкий.</i> Материалы по каменному веку Бадхыза (коллекции Г. В. Иванова)	9
<i>А. А. Малютина, М. В. Саблин.</i> Выбор сырья и первичная обработка костяного и рогового материала торфяниковой неолитической стоянки Усвяты IV	21
<i>Н. Ф. Соловьева.</i> «Танцовщица» середины IV тыс. до н. э. – уникальная терракота из раскопок Ёылгынлы-депе (Юго-Восточный Туркменистан)	31
<i>Е. Г. Старкова.</i> Статуэтки трипольского поселения Немиров (об одном типе антропоморфной пластики)	41
<i>В. В. Терёхина, Н. Н. Скакун, Е. В. Цвек.</i> Основные направления в изучении западного ареала трипольской культуры (историографический очерк)	54
<i>Е. В. Галищева, К. А. Глазов.</i> Составной дольмен в бассейне р. Сочи	70
<i>А. М. Гасанова.</i> Историко-аналитическое исследование кинжалов из памятников среднего бронзового века Азербайджана	76
<i>В. А. Алёкин.</i> Степная керамика эпохи бронзы в слоях древнеземледельческих поселений подгорной полосы Копетдага	82
<i>А. З. Бейсенов.</i> Поселения раннесакского времени Центрального Казахстана	92
<i>А. В. Батасова.</i> Классификация античных сельских поселений Таманского полуострова VI–начала V в. до н. э.	103
<i>К. К. Шилик.</i> Геродот и плавание по Борисфену	114
<i>С. С. Миняев.</i> Чжаоский полководец Ли Му и его борьба с «сюнну»	123
<i>С. В. Воронятов.</i> Постзарубинецкие хронологические горизонты (постановка вопроса)	132
<i>В. И. Распопова.</i> Здание VII века в Пенджикенте	141
<i>А. Е. Мусин.</i> К возможным византийским импульсам в Западной Европе IX–XI вв.: комплекс христианских древностей из Тура (Франция)	152
<i>А. В. Курбатов, С. В. Бельский.</i> Изделия из кожи в погребениях грунтового могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье	161

ХРОНИКА

<i>Н. Н. Скакун, В. В. Терёхина.</i> Международная конференция «Особенности обработки органических материалов в верхнем палеолите–мезолите Евразии»	169
<i>С. А. Васильев, С. Н. Астахов.</i> Присуждение степени почетного доктора ИИМК РАН профессору Хидзаки Кимура	173
<i>Х. Кимура.</i> Возможности социальной интерпретации погребений периода позднего дзёмона (по материалам памятников Кашиваги В и Каринба в г. Энива, Хоккайдо)	175
<i>В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев.</i> Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Е. Г. Кастанаян (1910–1991)	183
<i>В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев.</i> Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Е. И. Леви (1903–1996)	185

<i>Ю. А. Виноградов.</i> Елена Ивановна Леви (1903–1996) (по поводу 110-й годовщины со дня рождения)	187
<i>Н. В. Головачева.</i> Такой она мне запомнилась (памяти Елены Ивановны Леви)	197

AD MEMORIA

<i>С. А. Васильев.</i> Памяти Зои Александровны Абрамовой (19.03.1925–29.10.2013)	200
Список сокращений	202
Список авторов статей, опубликованных в «Записках ИИМК РАН», № 9	204
Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»	206

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>L. B. Vishnyatsky</i> . Stone Age materials from Bathyz (G. V. Ivanov's collections)	9
<i>A. A. Malyutina, M. V. Sablin</i> . Choice of raw material and primary treatment of bone and antler at the Neolithic peat-bog site of Usvyati IV	21
<i>N. F. Solovyova</i> . «Woman dancer» from the middle of the IV millennium BC: An unique terracotta figurine from the excavations of Ilgynly-depe (Southeastern Turkmenistan)	31
<i>E. G. Starkova</i> . Statuettes from the Tripolyan settlement of Nemirov (about a type of anthropomorphic figurines)	41
<i>V. V. Terekhina, N. N. Skakun, E. V. Tsvek</i> . Principal directions in the study of the western area of the Tripolye culture (an historiographical essay)	54
<i>E. V. Galishcheva, K. A. Glazov</i> . Composite dolmen in the Sochi river basin	70
<i>A. M. Gasanova</i> . Historical analytical study of daggers from the Middle Bronze Age sites of Azerbaijan	76
<i>V. A. Alekshin</i> . Steppe pottery of the Bronze Age from the ancient farming settlements of the Kopet Dag foothills	82
<i>A. Z. Beisenov</i> . Settlements of the Early Saka period in Central Kazakhstan	92
<i>A. V. Batasova</i> . Classification of the antique rural settlements of the Taman' peninsula (VI–early V centuries BC)	103
<i>K. K. Shilik</i> . Herodotus and the Borisphenus voyage	114
<i>S. S. Minyaev</i> . Zhao military leader Li Mu and his struggle against «Xiongnu»	123
<i>S. V. Voroniatov</i> . Post-Zarubintsy chronological horizons (issue formulation)	132
<i>V. I. Raspopova</i> . VII century building in Pendjikent	141
<i>A. E. Musin</i> . Probable Byzantine impacts on Western Europe in the 9 th –11 th centuries: an assemblage of Christian devotional objects from Tours (France)	152
<i>A. V. Kurbatov, S. V. Belskiy</i> . Leather articles from the burials of the Kylälahti Kalmistomäki cemetery (Northwestern Ladoga Lake region)	161

CHRONICLE

<i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina</i> . International conference «Working of organic materials in the Upper Paleolithic and Mesolithic of Europe»	169
<i>S. A. Vasiliev, S. N. Astakhov</i> . Conferral of the degree of Doctor Honoris Causa upon Professor Hideaki Kimura	173
<i>H. Kimura</i> . Social interpretation of the Late Jomon cemeteries (with particular reference to the Kashiwagi B and Karinba sites at the town of Eniwa, Hokkaido, Japan)	175
<i>V. A. Goroncharovsky, S. V. Kashaev</i> . Extended session of the Academic Board and Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of E. G. Kastanyan (1910–1991)	183
<i>V. A. Goroncharovsky, S. V. Kashaev</i> . Extended session of the Academic Board and Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of E. I. Levi (1903–1996)	185
<i>Yu. A. Vinogradov</i> . Elena Ivanovna Levi (1903–1996): on the occasion of the 110 th birth anniversary	187
<i>N. V. Golovacheva</i> . My recollections of Elena Ivanovna Levi	197

AD MEMORIA

<i>S. A. Vasiliev</i> . In memory of Z. A. Abramova (19.03.1925–29.10.2013)	200
List of abbreviations	202
List of authors	204
Instructions to contributors	206

СТАТЬИ

МАТЕРИАЛЫ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ БАДХЫЗА (КОЛЛЕКЦИИ Г. В. ИВАНОВА)¹

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ

Ключевые слова: *Бадхыз, Южный Туркменистан, мустье, мезолит, неолит.*

Keywords: *Bathyz, South Turkmenistan, Mousterian, Mesolithic, Neolithic.*

Бадхызом именуется территория между реками Теджен и Мургаб на юго-востоке Туркмении. Это пустынное холмогорье, являющееся северной частью предгорий Паропамиза. Западная часть Бадхыза, представляющая собой сильно расчлененную горную область, поднимается до 1267 м, но в основном для региона характерны высоты от 500 до 1000 м. В северном направлении Бадхыз понижается и переходит в пески Каракумы. Характерной чертой рельефа является наличие множества бессточных впадин и крупных гряд с разделяющими их долинообразными понижениями.

История изучения каменного века Бадхыза пока предельно коротка. Дисковидные нуклеусы и отщепы, определенные В. А. Рановым как мустьерские (Лузгин, Ранов 1966: 93), были найдены геологами в 1958 г. у родника Рахматур близ границы с Ираном (Береговая 1984: 48). В 1962 г. небольшие коллекции предположительно неолитических каменных изделий были собраны в четырех пунктах в северо-западной и центральной частях Бадхыза (Крижевская, Мандельштам 1968). Наиболее же продолжительные и результативные поиски были проведены ленинградским археологом Германом Васильевичем Ивановым (1944–2002) в 1977, 1978 и 1988 гг. Ему удалось обнаружить ряд палеолитических и более поздних местонахождений в западных, центральных и восточных районах Бадхыза. После смерти Г. В. Иванова его коллекции хранились в отделе палеолита ИИМК РАН. В 2014 г. они были переданы автору этой статьи для введения их в научный оборот.

В единственной печатной работе, посвященной итогам разведок Г. В. Иванова, материалам каменного века уделено всего два небольших абзаца с информацией общего характера (Иванов 1979). Ни карт, ни рисунков, ни описаний

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00345-а.

вещей в публикации нет. Никаких архивных материалов – дневников или отчетов – обнаружить не удалось. О локализации находок приходится судить в основном по шифрам на камнях, сопоставляя их с топонимами на подробных картах тех районов, где велись поиски. В отдельных случаях никаких соответствий обнаружить не удается (камни с шифром «Тур. I»), но для большинства местонахождений все же можно определить точные (Пинхан, Даш-Гую) или хотя бы приблизительные (Ислим, Эгри-Чев) координаты. Ниже эти материалы описываются в порядке их расположения с запада на восток и севера на юг (рис. 1).

Тур. I (место не определено). Такой шифр имеют 3 предмета из окремненного сланца. Один из них, возможно, не является артефактом, зато два других представляют собой весьма выразительные скребла на отщепках: поперечное и двойное (рис. 2, 4). Последнее имеет крупную гладкую естественную площадку.

Пинхан (несколько пунктов в районе горы Пинханчешме на юго-западе Бадхыза, примерно в 6 км к востоку от северной оконечности Зюльфагарского хр.). Всего в коллекции 54 предмета, из них 35 не имеют явных признаков искусственного раскалывания. Несомненных артефактов – 19 экз. Выделяется серия из 7 сравнительно крупных отщепов без ретуши или с ретушью утилизации (рис. 2, 2, 3). У четырех из них гладкие ударные площадки (одна в форме «лягущей птицы»), у одного – линейная, еще у двух площадки не сохранились. Два изделия из этой группы по форме и огранке спинок идентичны леваллуазским подтреугольным снятиям (рис. 2, 3). Пластин – 3 экз. (рис. 2, 1), все они без следов

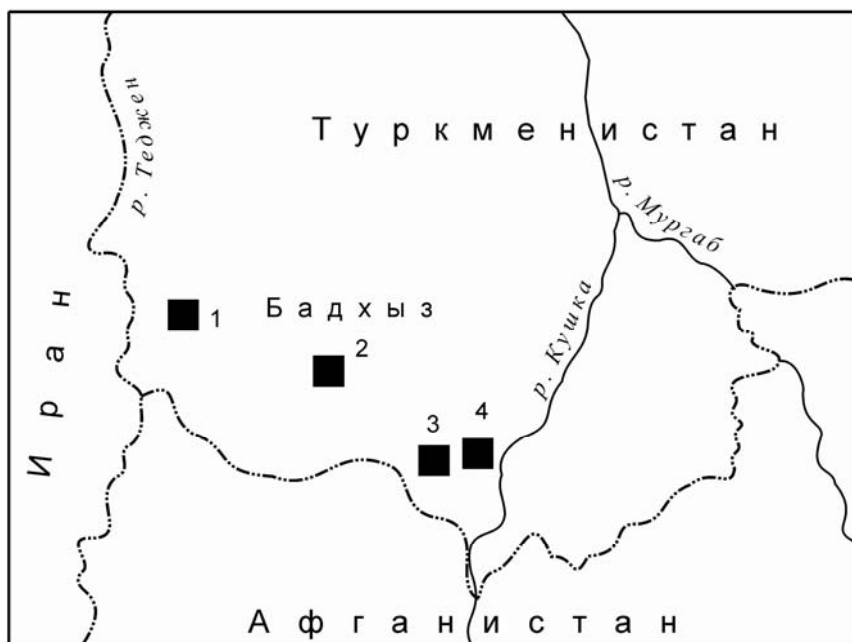

Рис. 1. Основные местонахождения каменного века Бадхыза: 1 – Пинхан; 2 – Даш-Гую; 3 – Ислим; 4 – Эгри-Чев (3, 4 – локализация предположительна)

Fig. 1. Stone Age sites of Bathyz mentioned in the text: 1 – Pinkhan; 2 – Dash-Guyu; 3 – Islim; 4 – Egri-Gev (3, 4 – conjectural localization)

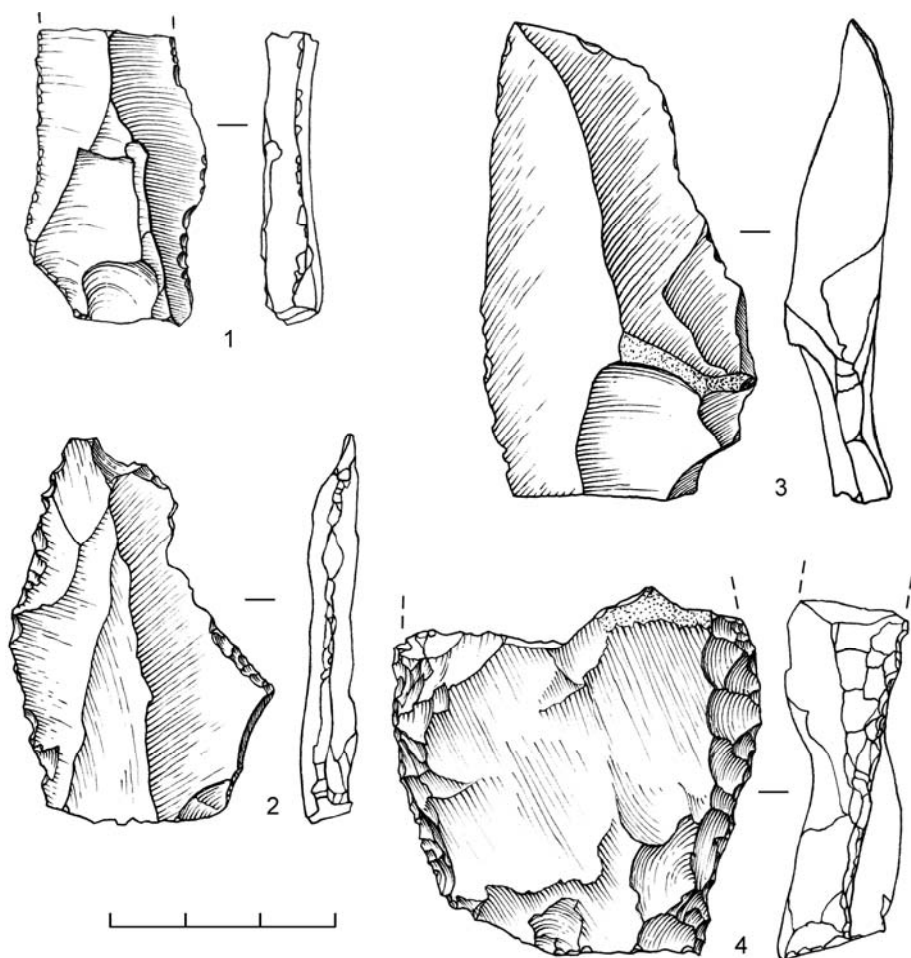

Рис. 2. Каменные изделия: 1–3 – Пинхан; 4 – Тур. I²
 Fig. 2. Stone artifacts: 1–3 – Pinkhan, 4 – Tur. I³

вторичной обработки, у двух из них ударные площадки гладкие, у одной – двугранная. Изделий с ретушью 2 экз. – обломок отщепа с двугранной ударной площадкой и массивный скол. Другие находки представлены остаточным плоским однофронтальным нуклеусом, нуклевидным предметом с негативами бессистемных снятий и 5 мелкими аморфными сколами. В качестве сырья использованы песчаник, кремнистый сланец и окаменелое дерево.

² Рис. 2–4 выполнены А. К. Очередным и К. Н. Степановой, рис. 5 – А. К. Очередным, К. Н. Степановой и Г. Г. Сорокиной, рис. 6 – Г. Г. Сорокиной.

³ Figs. 2–4 – drawings by A. K. Ocherednoi and K. N. Stepanova; fig. 5 – drawings by A. K. Ocherednoi, K. N. Stepanova, G. G. Sorokina; fig. 6 – drawings by G. G. Sorokina.

Акар-Чешме (примерно в 8–10 км к юго-востоку от Пинханчешме). Всего 1 артефакт – сравнительно крупный (~ 6 × 4 см) андезитовый отщеп с гладкой площадкой.

Три коллекции, зашифрованные как «Геш-К.», «Геш-К. I» и «Геш-К. II», происходят, вероятно, из района колодца Дашкуи, находящегося на территории Бадхызского заповедника, примерно в 3 км к югу от восточной оконечности хр. Дузенкыр. В публикации Г. В. Иванов называет это местонахождение Даш-Гую, и я далее следуя принятому им написанию.

Даш-Гую. В коллекции представлено 168 предметов, включая 14 неопределимых обломков, половина которых не имеет явных признаков искусственного раскалывания. Нуклеусов – 8 экз.: 5 торцово-клиновидных для пластинок и микропластинок с подготовленными одним-двумя сколами ударными площадками (рис. 3, 14); 1 торцовый на продолговатом сколе высокой формы с клиновидно зауженным нижним концом, 1 конусовидный для микропластинок (рис. 3, 13); 1 полупризматический микронуклеус, тыльная сторона которого покрыта галечной коркой, а ударная площадка подготовлена одним сколом (рис. 3, 10). Еще 4 предмета можно отнести к группе нуклевидных обломков. Свыше половины находок составляют пластинки и микропластинки без ретуши (92 экз.), представленные в основном обломками. Кроме того, имеется 15 неретушированных пластин, из которых целиком сохранилась лишь одна, 2 крупных (около 10 см длиной) отщепа без ретуши и 2 мелких плоских скола с нуклеусов для микропластинок, снявших значительную часть фронта (видимого, торцового). Вещей со вторичной обработкой – 31 экз.: 3 неопределимых обломка с ретушью; 6 пластин (две целых и четыре фрагмента) с дорсальной ретушью по одному краю (рис. 3, 7); 1 обломок пластины с вентральной ретушью; 1 проксимальная часть пластины с дистальным усечением полукруглой ретушью; 1 обломок пластины с полукруглой дорсальной ретушью по обоим краям (рис. 3, 12); 1 медиальный обломок пластинки с участками вентральной ретуши на обоих краях; 1 медиальный обломок пластинки с притупленными краями; 1 проксимальный обломок пластинки с крутой притупляющей ретушью на одном крае у места слома; 1 целая пластинка с мелкой притупляющей ретушью обоих краев (рис. 3, 8); 2 микропластинки (целая и обломок) с регулярной вентральной ретушью по одному краю (рис. 3, 4); 2 типичные микропластинки типа дюфур со скрученным профилем и противолежащей (т. е. дорсальной на одном краю и вентральной – на другом) ретушью (рис. 3, 1, 2); 1 дистальный обломок микропластинки с притупленным краем и усеченным отвесной ретушью проксимальным концом (рис. 3, 3); 10 скребков (рис. 3, 5, 6, 9, 11, 15). Среди последних выделяется серия из 5 изделий на подокруглых или полукруглых отщепах высокой формы (рис. 3, 15), явно служивших еще и (если не исключительно) в качестве нуклеусов для получения пластинок и микропластинок. Близки к ним 2 дисковидных скребка правильных округлых очертаний с более низким профилем (рис. 3, 6, 9), – возможно, они представляют собой финальную стадию срабатывания скребков-нуклеусов. Подавляющее большинство вещей изготовлено из кремня и окремненных пород, встречаются также белый и прозрачный халцедон, единичные предметы – из кварцита.

Даш-Гую I. В коллекции 42 предмета, в том числе 1 плоская эллипсоидных очертаний галька-отбойник. Нуклеусов – 2 экз., оба небольшие, для пластинок

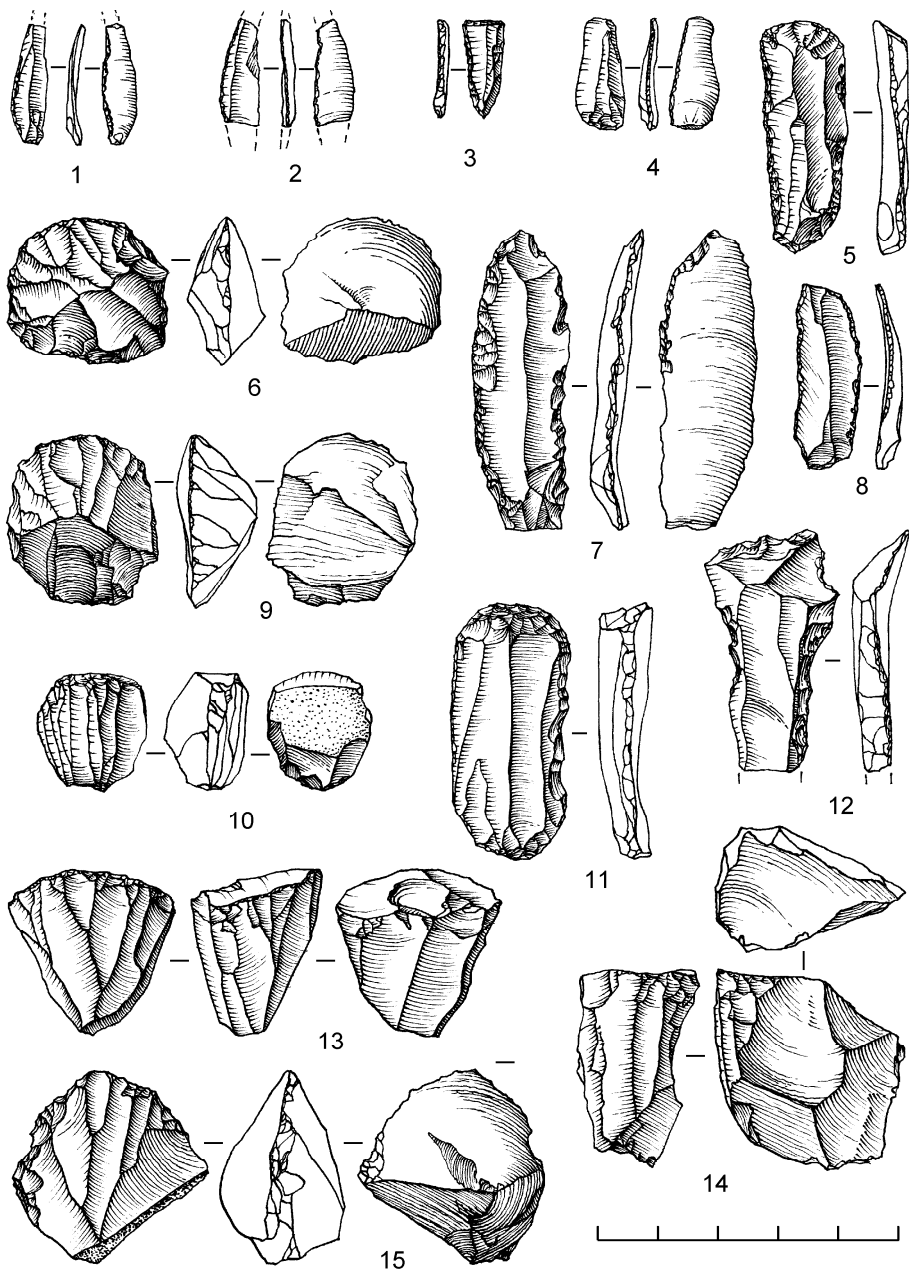

Рис. 3. Каменные изделия из местонахождения Даш-Гую
 Fig. 3. Stone artifacts from Dash-Guyu

и микропластинок (хотя ни тех, ни других среди находок нет), площадки созданы одним скошенным снятием, фронт в одном случае занимает весь периметр, в другом – половину периметра. Есть еще 1 нуклеидный обломок. Неретушированных отщепов и их обломков – 6 экз., сколов пластинчатых пропорций без ретуши – 7 экз. (два целых и пять обломков), 1 предмет, возможно, являющийся резцовым сколом (обломок). Изделий со вторичной обработкой – 24 экз.: 5 неопределимых обломков с ретушью; 6 обломков пластин с ретушированным краем (в одном случае ретушь вентральная); 4 выемчатых изделия на обломках (в одном случае это проксимальная часть пластины с дорсальной ретушью одного края и выемкой на другом); 1 скреблышко с естественным обушком на обломке отщепа; 1 двойное скребло на почти целом отщепе (рис. 4, 15); 4 скребка; 1 угловой резец на обломке первичного отщепа с ретушью; 1 изделие на фрагменте кварцитовой пластины, которое можно формально определить и как срединный резец, и как торцовый нуклеус для микропластинок в начальной стадии расщепления. Кроме того, имеется 1 мелкий фрагмент с ретушью, напоминающий так называемые «микрорезцы», хотя предположительная грань слома в данном случае покрыта фасетками усечения или утилизации. Среди скребков выделяются два орудия: на поперечном кварцитовом отщепе с ретушью почти по всему периметру (рис. 4, 13) и дисковидный (рис. 4, 14), аналогичный таковым в предыдущей коллекции. Большинство вещей изготовлено из кремня и окремненных пород, встречаются также изделия из кварцита, халцедона и кремнистого сланца.

Даш-Гую II. Всего в коллекции 60 предметов, включая 3 неопределимых осколка. Нуклеусов – 14 экз.: 5 торцово-клиновидных; 3 полупризматических с корковой тыльной частью (рис. 4, 12); 1 параллельного скалывания на обломке; 1 нуклеус-скребок на сравнительно крупном (~5,5 × 5 × 2 см) подокруглом обломке со снятиями почти по всему периметру; 4 нуклеуса-скребка высокой формы (рис. 4, 10). Есть еще 2 нуклеидных обломка. Сколов без ретуши всего 9 экз., это проксимальные (4 экз.), медиальные (3 экз.) и дистальный фрагменты пластин, а также обломок микропластинки. Изделий со вторичной обработкой – 32 экз.: 1 обломок и 2 мелких аморфных скола с ретушью; 2 проксимальных фрагмента пластин с регулярной полукрутой ретушью обоих краев (рис. 4, б); 4 медиальных фрагмента пластин с дорсальной ретушью по одному краю; 1 дистальный фрагмент пластины с мелкой ретушью по обоим краям; 2 обломка микропластин с дорсальной ретушью; 1 пластинка с ретушной выемкой; 1 высокая пластина без проксимальной части с двумя смежными ретушними выемками, образующими зубец (рис. 4, 8); 1 пластинчатый скол с ретушированными участками на краю и на широком дистальном конце; 2 обломка с единичными резцовыми сколами, сделанными с неподготовленных поверхностей приплощадочной части брюшка; 2 проколки на обломках пластин (рис. 4, 5, 7); 1 скребловидное орудие на треугольном отщепе; 12 скребков на небольших пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 4, 1–4, 9), часто имеющих ретушь по краю или обоим краям. Среди них выделяется серия из 5 орудий с ретушной выемкой сбоку (рис. 4, 2–4, 9). Противоположный выемке край в трех случаях тоже ретуширован, а поскольку он выпуклый, то эти вещи выглядят в плане как бы загнутыми на бок. Большинство вещей кремневые, встречаются также изделия из халцедона и кремнистого сланца.

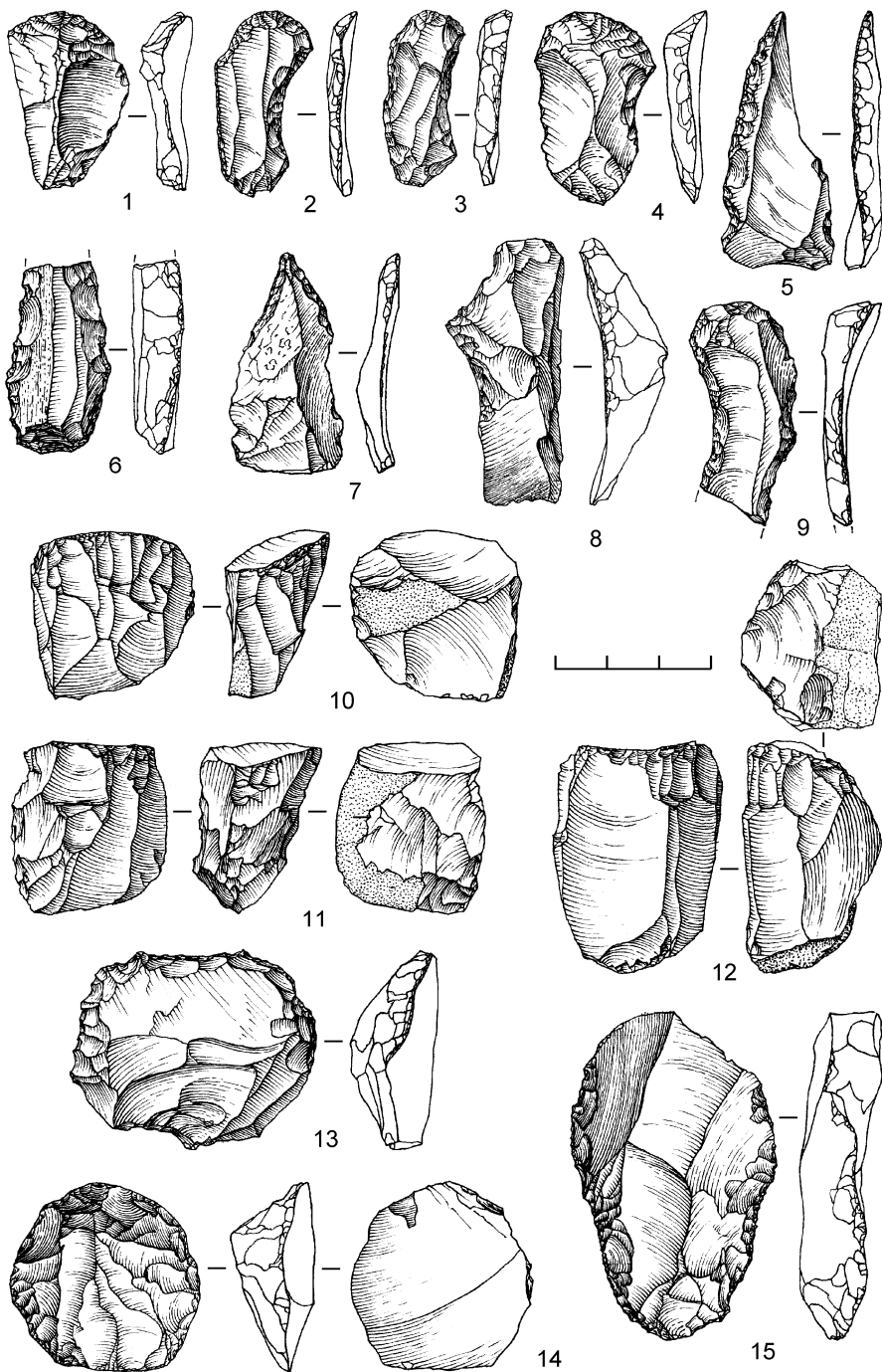

Рис. 4. Каменные изделия: 1–12 – Даш-Гую II; 13–15 – Даш-Гую I
 Fig. 4. Stone artifacts: 1–12 – Dash-Guyu II; 13–15 – Dash-Guyu I

Кызылджар (кордон заповедника примерно в 30 км восточнее колодца Дашкуи, или длинный овраг, начинающийся у кордона и тянущийся на юго-восток). Отсюда происходит всего одна находка – призматический нуклеус для пластинок из кремнистой породы с оформленным в виде клина нижним концом.

Четыре коллекции, зашифрованные как «Исл. сборы», «Исл. I», Исл.-Мыс» и «Эгр-Г.», наверняка происходят из района протекания руч. Ислим, являющегося левым притоком р. Кушки и имеющего при впадении в нее также название Эгри-Чев. Однако точное местоположение перечисленных пунктов сборов определить невозможно.

Ислим. Два предмета зашифрованы просто как «Исл. сборы». Видимо, это находки, сделанные в разных местах вдоль ручья. Одна из них представляет собой гальку-отбойник, а другая – крупный (~10 × 7 × 5 см) трехплощадочный нуклеус.

Ислим I. Это самая большая коллекция, в ней 301 предмет, включая 53 трудноопределимых осколка и обломка, часть которых лишена признаков искусственного раскалывания. Нуклеусов – 9 экз., все они для пластинок и микропластинок, имеют подготовленные одним-двумя сколами ударные площадки и дистально-клиновидную либо торцово-клиновидную форму. В последнем случае они могут быть определены и как нуклевидные скребки. Есть также 2 нуклевидных осколка и 2 мелких краевых скола подправки ударных площадок нуклеусов. Свыше половины находок составляют пластинки и микропластинки без ретуши (156 экз.), представленные в основном обломками. Кроме того, имеются 22 неретушированные пластины (почти все в обломках), 7 сравнительно крупных (> 4 см) и 4 мелких (< 3 см) отщепа без ретуши. Вещей со вторичной обработкой – 46 экз.: 8 неопределимых обломков с ретушью; 1 пластина и 8 обломков пластин и пластинок с ретушью; 8 пластинок (1 целая и 7 фрагментов) с притупленным отвесной или крутой ретушью (часто зубчатой) прямым краем (рис. 5, 9); 2 фрагмента микропластинок, у которых оба края притуплены отвесной ретушью (рис. 5, 1); 4 микропластинки с дугообразно притупленным краем (острия?); 9 орудий геометрических форм (рис. 5, 2–7); 1 боковой резец на усеченной со спинки на брюшко пластине с регулярной ретушью левого края (рис. 5, 10); 3 обломка скребков – нуклевидного, ногтевидного на мелком отщепе и концевого на крупном пластинчатом сколе с дополнительной ретушью по правому краю; 1 диагональное выпуклое скребло с естественным обушком на небольшом отщепе (рис. 5, 8); 1 чоппер на гальке среднего размера (рис. 5, 11). Геометрические орудия: 1 типичный удлинённый сегмент (рис. 5, 7); 3 обломка сегментов, 3 асимметричных сегмента-острия (рис. 5, 3–5), 1 изделие, имеющее форму промежуточную между сегментом и трапецией (рис. 5, 2), и 1 составленная из двух обломков трапеция (?) с утраченной верхней частью (рис. 5, 6). Подавляющее большинство вещей изготовлено из кремня и сильно окремненных пород, встречаются также халцедон и единичные предметы из андезита и кварцита.

Ислим-Мыс (возможно, имеется в виду мыс, образуемый руч. Ислим и отходящей от него под прямым углом одноименной долиной, но не исключены и иные варианты привязки). В коллекции 38 предметов, в том числе 7 неопределимых обломков. Нуклеусов – 6 экз.: 1 торцово-клиновидный для микропластинок (рис. 6, 2); 1 нуклеус-скребок на массивном обломке; 1 вторичный на небольшом сколе с двумя естественными площадками, расположенными под прямым углом друг к другу; 1 остаточный с бессистемными снятиями; 2 на небольших

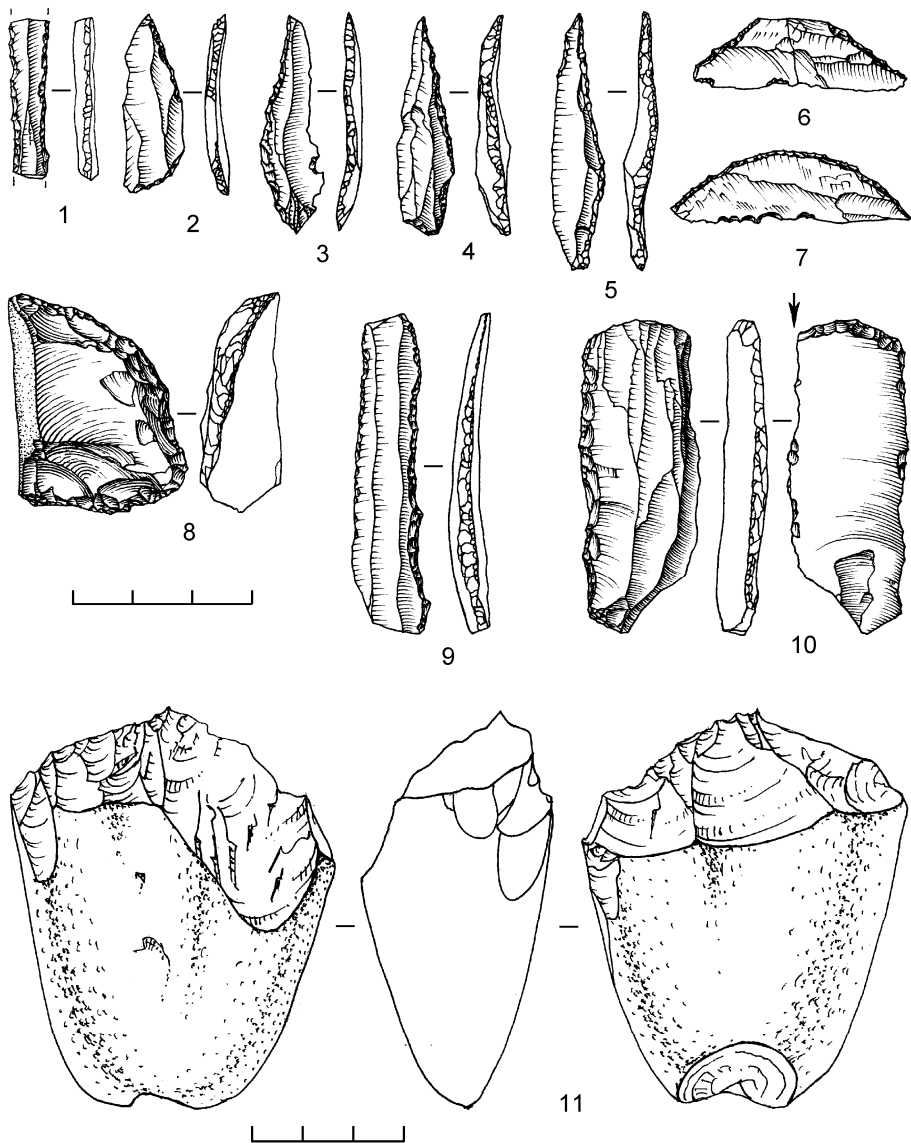

Рис. 5. Каменные изделия из местонахождения Ислим I
 Fig. 5. Stone artifacts from Islim I

гальках в начальной стадии расщепления. Неретушированных сколов – 18 экз.: 3 отщепа, 4 пластины, 11 обломков пластинок и микропластинок. Предметов со вторичной обработкой – 7 экз.: обломок пластинки с ретушью; проколка на проксимальном фрагменте пластины (рис. 6, 1); обломок пластины со сплошной ретушью с бруска, возможно, представляющей собой сломавшийся в ходе изготовления бифасиальный (?) наконечник (рис. 6, 3); долотовидное изделие на небольшом обломке с противоположным рабочему концу естественным обушком; ногтевидный (пусть и несколько слишком крупный для такого определения) скребок на отщепе (рис. 6, 4); скребловидное орудие на андезитовом (?) обломке; зубчатое скребло на обломке андезитового же отщепа (рис. 6, 5). Преобладают вещи из кремня и окремненных пород, встречаются также халцедон, кварцит и упомянутый уже андезит.

Эгри-Чев (находки предположительно происходят из района нижнего течения руч. Ислим). В коллекции 11 предметов из песчаника, кварцита и окремненного сланца, большинство из них на целых или расколотых гальках. Чопперов – 4 экз.: 3 изготовлены на крупных плоских гальках (длина – 10–12 см, ширина –

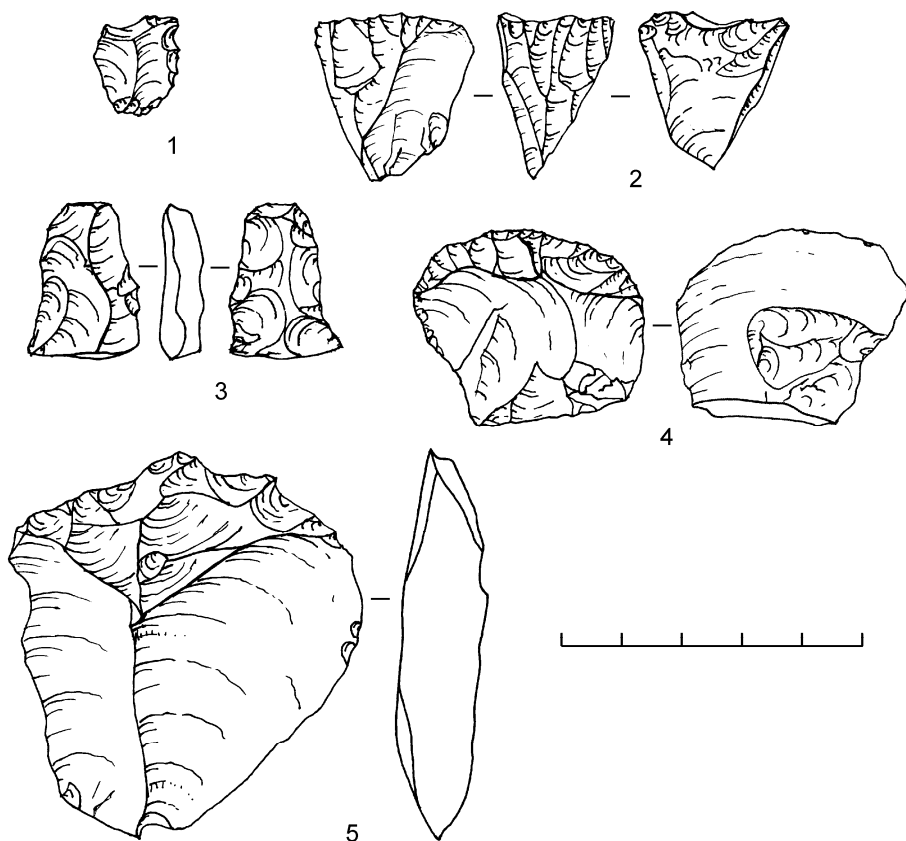

Рис. 6. Каменные изделия из местонахождения Ислим-Мыс
Fig. 6. Stone artifacts from Islim-Mys

8–10 см, толщина – 2–4 см) односторонней оббивкой конца, а еще 1, самый выразительный, на гальке несколько меньшего размера и не столь плоской (9 × 7 × 4 см). Рабочий конец этого орудия создан двусторонней оббивкой, придавшей его кромке волнистую в профиль форму. Еще 3 изделия, оформленные не оббивкой, а ретушью, можно определить как галечные скребла: одно из них на крупной плоской целой гальке, другое – на небольшой, расколотой пополам, третье – на массивном обломке с занимающим две трети периметра галечным обушком. Остальные находки представлены зубчатым скреблом с полукруглым лезвием на массивном обломке, выпуклым скреблом на нуклеидном обломке, долотовидным изделием с двумя противоположащими рабочими концами и массивным отщепом с гладкой крупной ударной площадкой.

***

Коллекции Г. В. Иванова представляют немалый интерес уже хотя бы потому, что они частично заполняют обширную лауну на археологической карте Центральной Азии. На юго-востоке Туркмении, а также в прилегающих районах Северного Афганистана и Северо-Восточного Ирана каменный век исследован крайне слабо. Ближайшими к Бадхызу памятниками являются на западе пункты сборов изделий нижнепалеолитического облика в долине р. Кешефруд в Иране (Ariai, Thibault 1975–1977), а на востоке – неолитические стоянки в среднем течении р. Мургаб близ Тахта-Базара (Юсупов 1977) и пещера Гхар-и-Мордех, находящаяся примерно в 100 км к югу от афганского города Меймене (Dupree et al. 1970). В северо-западной части Афганистана, прилегающей к Бадхызу с юга (провинции Герат и Бадгис), памятники каменного века, насколько мне известно, пока не изучались; не обнаружены они и к северу от него, в равнинных областях Марыйского вилайета Туркмении.

Очевидно, что описанные материалы относятся к разным периодам каменного века. Некоторые находки (Эгри-Чев) типологически сопоставимы с отдельными вещами из долины р. Кешефруд, для которых предполагался нижнепалеолитический возраст. На местонахождении Пинхан, несомненно, собран мустьерский материал (хотя не исключена, разумеется, и более поздняя примесь). Коллекция Даш-Гую I, где, в отличие от большинства других памятников, совсем нет микропластин и пластинок, но зато обычны относительно широкие пластины, половина которых ретуширована, частично относится, возможно, к верхнему палеолиту. На остальных местонахождениях представлен в основном, вероятно, мезолитический (эпипалеолитический) и/или раннеолитический материал.

Береговая 1984 – *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР. Л.: Наука, 1984. 172 с.

Иванов 1979 – *Иванов Г. В.* Археологические памятники Бадхыза // Памятники Туркменистана. 1979. № 1. С. 13.

Крижевская, Мандельштам 1968 – *Крижевская Л. Я., Мандельштам А. М.* Новые находки каменного века в северном Бадхызе // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 37–38.

Лузгин, Ранов 1966 – *Лузгин Б. К., Ранов В. А.* О первых находках палеолита в Центральном Копетдаге // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1966. № 32. С. 92–93.

Юсупов 1977 – Юсупов Х. Археологические исследования Тахта-Базарского района // Каракумские древности. Ашхабад: Ылым, 1977. Вып. 5. С. 70–83.

Ariai, Thibault 1975–1977 – Ariai A. A., Thibault C. Nouvelles précisions à propos de l'outillage ancien sur galets du Khorossan (Iran) // Paléorient. 1975–1977. Vol. 3. P. 101–108.

Dupree et al. 1970 – Dupree L., Lattman L. H., Davis R. S. Ghar-i-Mordeh Gusfand (Cave of the Dead Sheep): A new Mousterian locality in North Afghanistan // Science. 1970. Vol. 167. P. 1610–1612.

STONE AGE MATERIALS FROM BATHYZ (G. V. IVANOV'S COLLECTIONS)

L. B. Vishnyatsky

The Stone Age materials described in this paper come from a number of surface occurrences in the southeastern part of Turkmenistan, which is usually referred to as Bathyz. They were collected by G. V. Ivanov (1944–2002) in 1977, 1978, and 1988, but up until now have remained unpublished. The inventory of the Pinkhan site includes Levallois blades and points and can be attributed to the Mousterian, while most other assemblages (Dash-Guyu, Islim, etc.) consisting mainly of bladelets, microblades, various end-scrapers and geometric microliths (lunates), appear to date from the Final Paleolithic/Mesolithic and Early Neolithic. These finds fill, to some extent, a big blank spot on the archaeological map of Central Asia.

ВЫБОР СЫРЬЯ И ПЕРВИЧНАЯ ОБРАБОТКА КОСТЯНОГО И РОГОВОГО МАТЕРИАЛА ТОРФЯНИКОВОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ УСВЯТЫ IV

А. А. МАЛЮТИНА, М. В. САБЛИН

Ключевые слова: *неолит, Усвяты IV, кость, рог, технология обработки.*

Keywords: *Neolithic, Usvyaty IV, bone, antler, technology.*

Планомерное исследование археологического наследия на территории Ловатско-Двинского междуречья и Днепро-Двинского региона в целом связано с деятельностью А. М. Микляева (1934–1993). Под его руководством Невельская экспедиция ГЭ (сформирована в 1964 г. и вскоре переименована в Северо-Западную экспедицию ГЭ) в течение нескольких десятилетий занималась поиском памятников различных культур и эпох и их детальным изучением. Работа экспедиции с успехом продолжается и в наши дни (руководитель А. Н. Мазуркевич).

Одним из ключевых памятников для изучения археологических культур Ловатско-Двинского междуречья стала открытая в 1963 г. на берегу Усвятского озера (пгт. Усвяты Псковской обл.) торфяниковая стоянка Усвяты IV. Работы на памятнике продолжались с 1964 по 1967 г., была вскрыта площадь в 450 м² и заложено более 50 шурфов. Памятник Усвяты IV многослойный. Слой А относится к эпохе бронзы, а в слое Б были выявлены остатки неолитического поселения. В процессе раскопок поселения было также установлено, что литология на разных участках раскопа, там, где были зафиксированы остатки свайных поселений, неодинакова. А. М. Микляев выделил четыре литологических горизонта для неолитического этапа существования памятника (Микляев 1971: 9). Весь собранный материал фиксировался по квадратам и в границах выделенных горизонтов. По остаткам сохранившихся конструктивных элементов (деревянным сваям, плахам, жердям), по характеру их расположения, по уровню залегания их в культурном слое, по распространению остального материала А. М. Микляев выделял для неолитического периода существования поселения три последовательных этапа строительства.

К древнейшему этапу строительства относятся сваи и остатки деревянных конструкций, находящиеся в слоях мелкозернистого песка и вышележащего слоя сапропеля. Части конструкций, орудия труда и другие предметы, залегающие в озерных отложениях, по мнению А. М. Микляева, могут говорить о том, что свайные сооружения этого этапа были возведены прямо в озере (Там же: 10). Как показали данные бурения торфяников, время существования поселения на древнем Усвятском озере характеризовалось частыми изменениями уровня воды, что вело к переносу и перестройке жилищ. Так, во вторую половину атлантического периода на древнем Усвятском озере произошла первая мощная трансгрессия, датируемая 3650–3542 гг. до н. э. Чуть позднее здесь были построены свайные жилища, отнесенные к первому этапу строительства, имеющие датировки 3488–3096 лет до н. э. (Зайцева и др. 2003: 142–145). В процессе

дальнейшего повышения уровня воды в озере постройки первого этапа строительства были затоплены. Люди были вынуждены перестроить свои жилища выше и сместить их относительно образовавшейся новой береговой линии.

Ко второму этапу строительства отнесены остатки сооружений со следами пребывания в огне (датированы 3078–2208 гг. до н. э.). На некоторых участках, там, где совпадала площадь застройки, были зафиксированы разрушения, причиненные первоначальным сооружениям при строительстве последующих: новые сваи пробивали старые доски и плахи, сдвигали их с места и т. д.

На месте разрушенного пожаром поселения были возведены жилища третьего строительного этапа, датирование которого не было произведено из-за отсутствия качественных образцов. Во время существования построек этого этапа произошел небольшой спад воды, сменившийся очередной сильной трансгрессией, в результате которой свайное поселение погибло и было перенесено на новое, пока не исследованное место (Микляев 1971: 14).

Усвятский керамический комплекс в целом отличается от нарвского ранне-неолитического и волосовского керамических комплексов по технологии изготовления посуды и системе ее орнаментации. Аналогии усвятской культуре найдены в Восточной Прибалтике и Средней Европе. Как предполагают исследователи керамического материала поселения Усвяты IV, сложение его происходило под влиянием со стороны культуры воронковидных кубков (Мазуркевич 1998: 81).

Помимо богатого керамического и кремневого материала раскопки торфяникового поселения Усвяты IV дали интересную и разнообразную коллекцию изделий из органических материалов, в том числе из кости и рога (159 предметов). Данная категория находок, отличающаяся в целом хорошей сохранностью поверхности предметов, представлена как законченными изделиями (утилитарного и неутилитарного характера) и их фрагментами, так и заготовками изделий, оставленными на различных этапах формообразования. Тем самым костяной и роговой материал стоянки Усвяты IV интересен как с точки зрения изучения морфологии и аналогий, так и технологии изготовления с определением функции конкретных орудий на поселении. В данной статье мы коснемся вопросов выбора костяного и рогового сырья и его первичной обработки в процессе получения орудий труда.

Благодаря проведенному исследованию фаунистических остатков со средне-неолитических слоев поселения Усвяты IV (первый и второй строительные этапы), было установлено, что основным промыслом являлась охота на крупных копытных животных. Кости лося при этом доминируют. В это время также возрастает роль рыбного промысла и охоты на птицу (гагары, цапли, гуси, утки, орланы-белохвосты, лысухи, кряквы, глухари и вороны). В середине III тыс. до н. э. в этом регионе появляются домашние лошади и коровы, кости которых были обнаружены в слое Б поселения Усвяты IV. Здесь также были найдены кости домашней собаки. Костей овцы, козы и свиньи для эпохи среднего неолита не обнаружено (Саблин и др. 2011: 148, табл. 2).

В период позднего неолита (для поселения Усвяты IV это период третьего строительного этапа, который был переходным от среднего неолита к позднему) основным промысловым животным становится медведь, а лось отходит на второй план. В единичных случаях были определены кости соболя и россомахи, что может косвенно свидетельствовать о похолодании климата в это время (Там же:

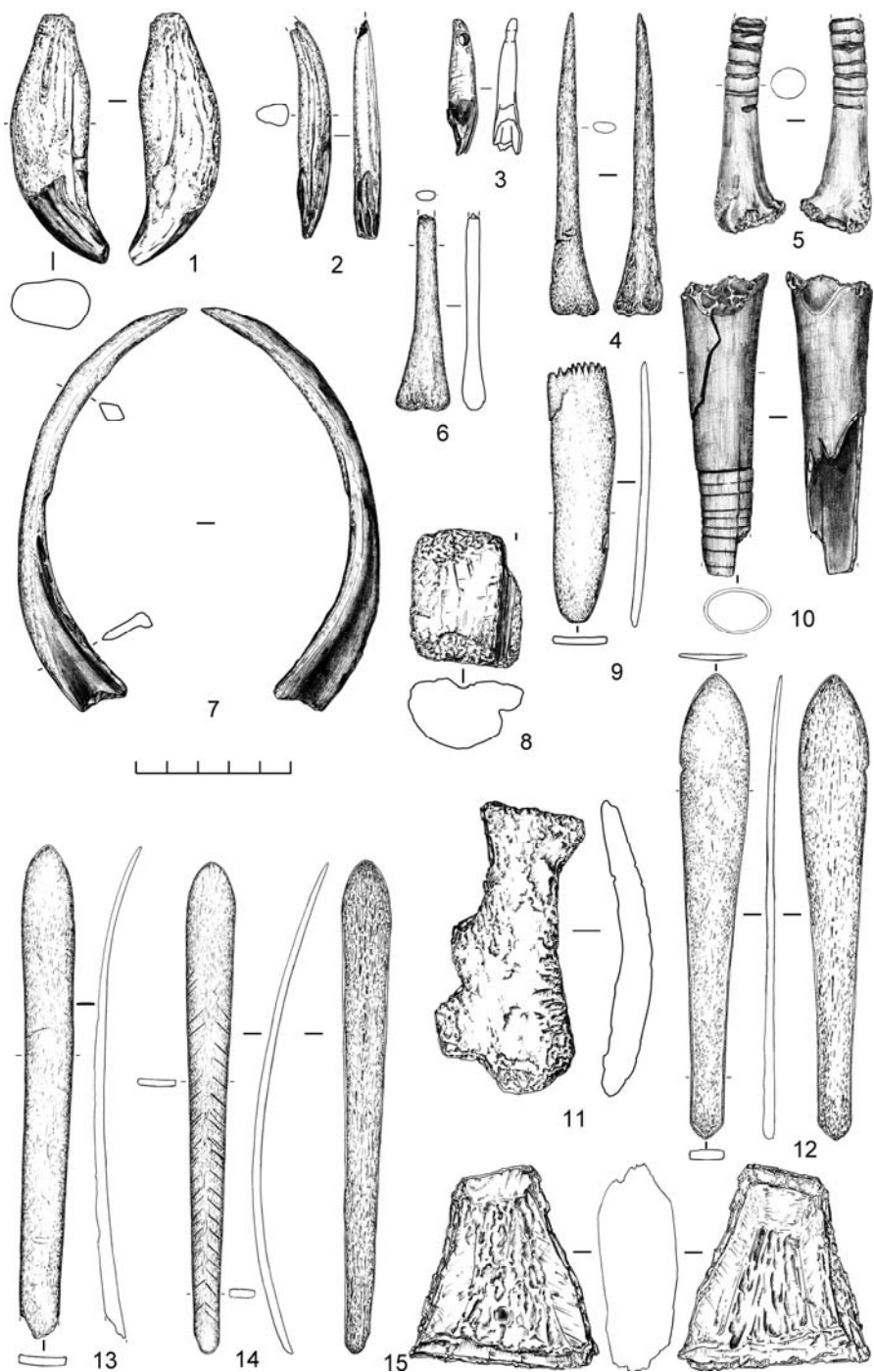

Рис. 1

Костей кабана, использованных в хозяйстве, гораздо меньше. В обработку шли зубы животного – нижние клыки и резцы (рис. 1, 3). Из клыков получали тонкие пластины с острыми краями, которые затем использовали в работе, предположительно, по дереву (рис. 1, 7). Скорее всего, именно за это свойство естественного острого лезвия клыков их и ценили. В некоторых случаях использовали другие кости кабана – большие и малые берцовые, локтевые. Обработка их в целом не отличалась от обработки костей лося, и орудия, изготавливаемые на них, повторяли характерные для поселения категории изделий – ножи, проколки и др.

Обработанных костей медведя не так много. Это связано с тем, что охота на него велась неравномерно в течение неолитической эпохи. Только с конца среднего неолита – в позднем неолите он становится основным промысловым животным. Среди останков медведя на поселении Усвяты IV определены только зубы. Из них изготавливали подвески (рис. 1, 1). В данном контексте интересна сделанная при разборке остатков сооружений первого строительного этапа находка деревянного ковша с ручкой, на конце которой вырезано стилизованное изображение головы медведя.

Среди костей со следами обработки были также выявлены кости птиц. Определить виды птиц не удалось из-за сильной фрагментированности костей. Стоит отметить, что во всех случаях это были кости с кольцевыми нарезками (рис. 1, 5, 10; 4). Для чего они были нанесены, не совсем ясно. С декоративной или утилитарной целью пропиливались пазы? Обращает на себя внимание выбор именно тонких трубчатых костей птиц для подобного рода операций. Иных следов обработки или использования на них не выявлено. Есть точка зрения, что такие трубчатые кости использовали как заготовки для бус, но последние при раскопках памятника не были найдены.

Для большей части костяного материала определить, какие это были кости и каким животным они принадлежали, к сожалению, не удалось.

Как уже отмечалось, изделия из кости и рога и их фрагменты со стоянки Усвяты IV почти все отличаются отличной сохранностью поверхности. Благодаря этому следы обработки хорошо читаются невооруженным глазом, некоторые следы проявляются при небольшом увеличении (до 10 раз). Согласно методике трасологического анализа, разработанной С. А. Семеновым, все следы, фиксируемые на поверхности древних орудий, следует разделять на технологические и следы использования (Семенов 1957). На данный момент разные исследовательские группы выделяют среди технологических следов следы первичной и вторичной обработки.

Первичная обработка заключается в получении заготовки изделия. Можно выделить несколько наиболее распространенных приемов получения заготовок орудий из кости и рога: раскалывание (дробление) посредством тяжелого предмета, расщепление кости по ее длине либо ширине по предварительно вырезанным пазам, расщепление по трещинам, поперечное разламывание при сгибании (Maigrot 2005; Дэвид 2001).

Рис. 1. Усвяты IV, изделия из кости и рога: 1–3 – подвески; 5–8, 10–11, 13, 15 – фрагменты костей со следами обработки; 4 – проколка; 9 – гребенчатый штамп; 12, 14 – лощила

Fig. 1. Usvyati IV, bone and antler artifacts: 1–3 – pendants; 5–8, 10–11, 13, 15 – bone fragments with traces of working; 4 – perforator; 9 – comb stamp; 12, 14 – burnishers

На этапе изготовления орудий заготовка может подвергаться строганию, скоблению, сверлению, шлифовке и полировке. Все эти операции оставляют на поверхности предмета отличные друг от друга технологические следы. Данные следы, следы вторичной обработки, как правило, накладываются на следы от получения заготовки, иногда частично, а иногда и полностью уничтожая их. В связи с этим нахождение на памятнике не только готовых изделий, но и предметов, сохранивших следы различных этапов формообразования, чрезвычайно важно для восстановления всей технологической цепочки.

На материале коллекции поселения Усвяты IV были выявлены следы таких видов первичной обработки как рубка, оббивка, поперечное и продольное разрезание.

Следы *рубки* характерны исключительно для рогового материала (рис. 1, 8, 11, 15). Данные следы оставляют на поверхности рога глубокие желоба, идущие в глубь материала. Только в одном случае (рис. 1, 15) можно восстановить, каким орудием были оставлены эти следы. Так как края желоба гладкие, без заломов, то, скорее всего, это было шлифованное каменное орудие. В одном случае следы рубки сочетаются с глубоким пазом, образовавшимся в результате пиления рогового фрагмента (рис. 1, 8). Степень воздействия на материал в этих случаях невелика, что делает его интерпретацию практически невозможной.

Оббивка встречена на двух изделиях с поселения Усвяты IV (рис. 2, 1, 8). Следы представляют собой негативы сколов, полученных в результате поперечного удара (или нажима?) по участку кости, который необходимо было снять. Данная техника была направлена на удаление лишнего и придание желаемой уплощенной формы продольно расколотой трубчатой кости. В первом случае (рис. 2, 1) мы имеем дело с ножом, изготовленным из передней метаподии лося с помощью продольного расчленения кости (было ли это сделано по предварительно прорезанному пазу или это было раскалывание, сказать сложно – признаки получения заготовки удалены последующей обработкой), в результате которого произошло удаление части эпифиза и диафиза. С помощью поперечной оббивки по краям было оформлено рабочее заостренное лезвие. Последующим продольным скоблением лезвие было доведено до рабочего состояния, часть негативов от поперечной оббивки при этом не была уничтожена. Второе изделие – это стамеска с прямым, слегка выпуклым лезвием (рис. 2, 8), оформленная на крупном фрагменте метаподии лося. Используемая кость, как и в первом случае, была раздроблена с помощью тяжелого предмета либо продольно расщеплена по предварительно прорезанным пазам (следов от этих операций не сохранилось). Грани полученного предмета были подработаны поперечной оббивкой, выравнивающей плоскость изделия. Далее, на одном конце предмета с помощью продольного строгания было оформлено поперечное основной оси изделия симметричное узкое выпуклое рабочее лезвие.

Следы от *поперечного и продольного разрезания*, как правило, свидетельствуют о том, что производилось продольное или поперечное членение кости по предварительно вырезанному пазу с помощью кремневого резца. В зависимости от сечения самого резца получалось сечение паза – подквадратное, треугольное и т. д. На дне и на стенках такого паза хорошо читаются продольные линейные царапины. Паз могут сопровождать отдельные царапины – результат соскалывания кремневого резца с намеченной линии паза. В процессе разделения кости по пазу могли оставаться неровные края, которые уже срабатывались оббивкой или вторичной обработкой.

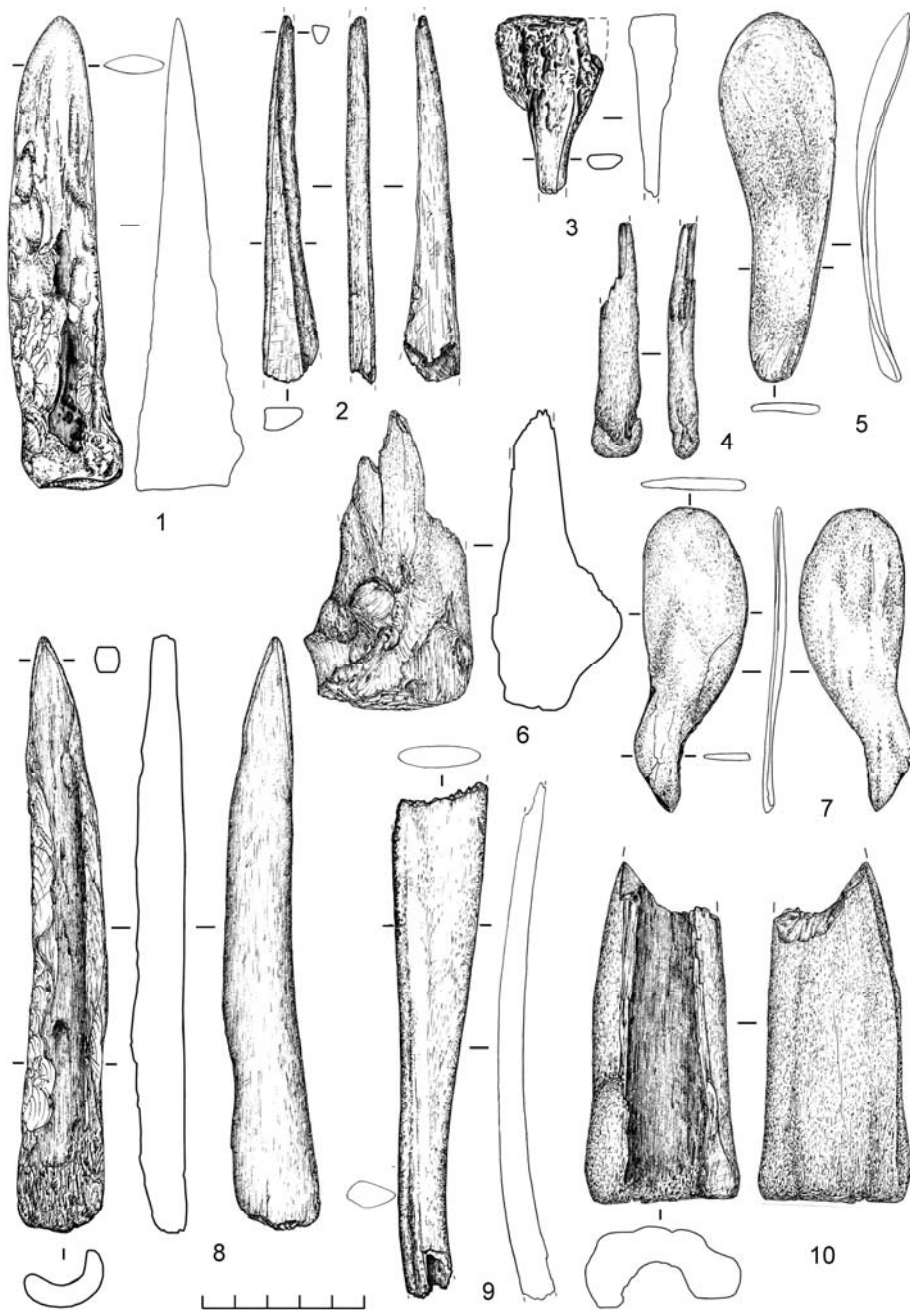

Рис. 2. Усвяты IV, изделия из кости и рога: 1 – нож; 2-4, 6-7, 10 – фрагменты костей без следов обработки и использования; 5 – ложка; 8 – стамеска; 9 – заготовка

Fig. 2. Usvyati IV, bone and antler artifacts: 1 – knife; 2-4, 6-7, 10 – bone fragments without traces of utilization or working; 5 – spoon; 8 – gouge; 9 – blank

Рис. 3. Усвяты IV, большие берцовые кости лося с пазом
 Fig. 3. Usvyaty IV, elk tibia with grooves

Получение заготовок при помощи прорезанных пазов было распространенной техникой на поселении Усвяты IV. Среди предметов, отнесенных к заготовкам различных изделий, имеется одна тонкая пластина, сохранившая по краям следы продольного резания, образовавшие неглубокие пазы, по которым пластина и была вычленена из кости (рис. 1, 13). Один конец пластины грубо заострен, противоположный конец обломан. Скорее всего, в аналогичной технике были получены заготовки для орудий, выделенные в категорию лоцил (рис. 1, 12, 14), в относительно большом количестве представленные в материале поселения (21 экз.). Подтеской и шлифовкой сглаживались грани губчатого вещества заготовки. В некоторых случаях оно соскоблено практически полностью, и тогда толщина пластин достигает чуть более 2 мм. В одном случае такая короткая пластина-заготовка была использована для получения костяного орнамента (гребенчатого штампа) (рис. 1, 9). Следов получения пластины не сохранилось.

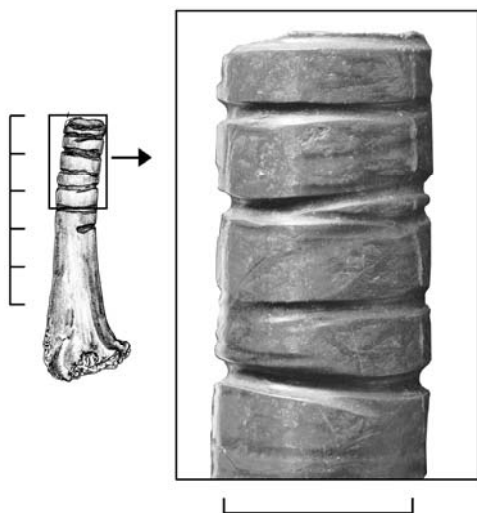

Рис. 4. Усвяты IV, кольцевые нарезки на фрагменте трубчатой кости птицы (макро-фотография следов выполнена на цифровой фотоаппарат CANON/CANON Macro Lens EF-S 60 mm, обработана в программе Helicon Focus 5.2)

Fig. 4. Usvyaty IV, semi-circular incisions on a fragment of a tubular bird bone (macro-photograph made by the digital camera CANON/CANON Macro Lens EF-S 60 mm, and then processed with Helicon Focus 5.2 software)

Также в единственном экземпляре представлена тонкая фигурно вырезанная пластина из плоской кости, сохранившая редкие следы резания по краям (рис. 2, 7). Иных следов обработки на поверхности предмета не выявлено. Скорее всего, такая пластина могла являться заготовкой для другой характерной для поселения категории изделий – ложек (рис. 2, 5). Готовые предметы данной группы получались с помощью подтески и мелкой абразивной шлифовки заготовки, полностью уничтожавшими следы ее получения. Кроме того, при раскопках были найдены две целые большие берцовые кости лося с вырезанным пазом по всей длине (рис. 3). Хорошо сохранились следы продольного резания кремневым острием вокруг пазов. Ближе к эпифизам, в местах окончания пазов, видно, как пластины были отбиты и частично выломаны из кости. Данные предметы, вместе с находками пластин (заготовками и готовыми орудиями-ложилами, гребенчатым штампом), как нам кажется, с большой долей вероятности демонстрируют древнюю технологию использования и обработки костяного материала.

В одном экземпляре представлен фрагмент трубчатой кости некрупного животного (эпифиз и часть диафиза) с кольцевым прорезанным пазом, по которому кость была сломана (рис. 1, 6). Несмотря на малый размер предмета, следы поперечного резания кремневым орудием хорошо читаются вокруг и внутри паза. Среди орудий стоянки Усвяты IV, отнесенных по результатам анализа микроследов износа к проколкам, имеется одно, аналогичное описанному выше фрагменту с кольцевым надрезом (рис. 1, 4). На боковой грани, ближе к эпифизу, орудие имеет надрез (начатый паз?).

Здесь же стоит упомянуть описанные выше трубчатые кости птиц с кольцевыми нарезками. Пазы в данном случае отличаются мягкими линиями, гладкими стенками и округлым дном (рис. 4). Вполне вероятно, что после нанесенной кремневым резцом линии будущего паза он углублялся с помощью мягкого материала (веревки?).

Как уже говорилось, в коллекции было также определено 30 фрагментов костей (в основном трубчатые кости) без следов обработки и использования, которые являются продуктами раскалывания и/или заготовками для последующей обра-

ботки (рис. 2, 2–4, 6–7, 10). Иных следов, связанных с первичной обработкой костяного и рогового сырья, выявлено не было. Большая часть материала представляет собой готовые изделия и их фрагменты.

Анализ технологии обработки костяного и рогового сырья по материалам коллекции торфяниковой стоянки Усвяты IV позволил выявить все ее этапы – от выбора конкретного сырья до различных способов получения готовых изделий. Орудия труда и предметы искусства, дошедшие до нас в многообразных формах и хорошем состоянии, говорят о высоком мастерстве древних косторезов.

Дэвид 2001 – Дэвид Е. Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье 2: технологический подход // Каменный век европейских равнин: Материалы Междунар. конф. 1–5 июля 1997 г., Сергиев Посад. Сергиев Посад: Подкова, 2001. С. 292–303.

Зайцева и др. 2003 – Зайцева Г. И., Васильев С. С., Дергачев В. А., Мазуркевич А. Н., Семенов А. А. Новые исследования памятников бассейна Западной Двины и Ловати // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 140–147.

Мазуркевич 1998 – Мазуркевич А. Н. О происхождении усвятской культуры среднего неолита // Проблемы археологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. 4. С. 77–85.

Микляев 1971 – Микляев А. М. Неолитическое свайное поселение на Усвятском озере // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 7–28.

Саблин и др. 2011 – Саблин М. В., Пантелеев А. В., Сыромятникова Е. В. Археозоологический анализ остеологического материала из неолитических свайных поселений Подвинья: хозяйство и экология // Тр. ЗИН РАН. СПб.: ЗИН РАН, 2011. Т. 315, № 2. С. 143–153.

Семенов 1957 – Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с. (МИА. № 54).

Maigrot 2005 – Maigrot Y. Ivory, Bone and Antler Tools Production Systems at Chalain 4 (Jura, France), Late Neolithic Site, 3rd Millennium // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present: Proceedings of the 4th Meeting of the International Council for Archaeozoology Worked Bone Research Group at Tallinn, 26th–31st of August 2003. Tallinn: Tallinn Book Printers Ltd, 2005. P. 113–126 (Muinasaja teadus. 15).

CHOICE OF RAW MATERIAL AND PRIMARY TREATMENT OF BONE AND ANTLER AT THE NEOLITHIC PEAT-BOG SITE OF USVYATI IV

A. A. Malyutina, M. V. Sablin

The paper deals with the questions of raw material selection and primary treatment associated with the production of bone and antler tools at the Neolithic multilevel peat-bog site of Usvyati IV (Pskov oblast of Russia). Elk was the main game animal at the early stages of the settlement history. Only the most solid of the elk bones were used in tool manufacture, including limbs (tibiae, fibulae, metapodia, ulnae, radii), ribs, and antlers. Well preserved are two elk tibiae grooved along the whole length (fig. 3). The blanks obtained by this method could have been reworked into burnishers, comb stamps, etc. (fig. 1, 9, 12–14). Bear, wild boar, and bird bones were used too. The authors describe various categories of technological traces recorded on bone and antler objects. The technology of manufacture of some categories of tools typical of the site is characterized in detail.

«ТАНЦОВЩИЦА» СЕРЕДИНЫ IV ТЫС. ДО Н. Э. – УНИКАЛЬНАЯ ТЕРРАКОТА ИЗ РАСКОПОК ЙЫЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)

Н. Ф. СОЛОВЬЕВА

Ключевые слова: *средний энеолит, Юго-Восточный Туркменистан, Йылгынлы-депе, статуэтка «танцовщицы».*

Keywords: *Middle Eneolithic, Southeastern Turkmenistan, Ilgynly-depe, «Woman-dancer» figurine.*

Осенью 2013 г. продолжались исследования раннеземледельческого поселения Йылгынлы-депе в Юго-Восточном Туркменистане (Березкин 1989; Березкин, Соловьева 1996; 1998; Массон 1989; Соловьева 1998; 2002; 2008; Masson et al. 1994; Solovyova 2000; Solovyova et al. 1994). Раскопки этого памятника, длящиеся уже 20 лет, продолжают радовать исследователей удивительными результатами, будь то архитектурные детали или редкие находки. Так случилось и в сезон 2013 г.

Памятник представляет собой оплывший холм, занимающий площадь около 14 га. Его вершина примерно на 14 м возвышается над современным уровнем аллювиальной равнины. Возникшее в эпоху раннего энеолита (период Намазга I, середина–вторая половина V тыс. до н. э.) поселение достигло максимальных размеров в пору среднего энеолита (период Намазга II; IV тыс. до н. э.). К концу этого периода происходит постепенное запустение центральной части поселка. Оставление Йылгынлы-депе в самом конце IV–начале III тыс. до н. э., видимо, связанное с прогрессирующим оскудением водных ресурсов, совпало с распространением «геоксюрского комплекса» с присущими ему инновациями в иконографии статуэток, керамическом производстве и погребальном обряде (Березкин, Соловьева 1996: 103–104; 1998: 86; Соловьева 2008: 10).

Культурный слой поселения включает примерно 20 строительных горизонтов. За годы раскопок памятника (1985–1991, 1993–1995, 1997, 1999, 2006–2013) Каракумская экспедиция ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН, а затем Йылгынлынский отряд ИИМК РАН изучили шесть верхних строительных горизонтов. Основные стратиграфические работы развернулись на раскопе 3, находящемся в юго-западной половине холма, где мощность культурных отложений, вероятно, достигает 9–10 м.

Верхний (I) строительный горизонт сохранился не на всей площади раскопа. Остальные пять (II–VI) представляют собой исключительно редкую картину последовательной смены пяти архитектурных комплексов квазихрамового характера с уникальными деталями интерьера (Solovyova 2000). За все годы раскопок на Йылгынлы-депе открыто 25 таких комплексов. Насыщенность их центральных комнат объектами и деталями высокой семиотической ценности дала основание исследователям называть такие помещения «святилищами с красными скамьями», «парадными помещениями» или «квазихрамовыми

комплексами» (Березкин 1989: 20; Массон 1989: 16; Березкин, Соловьева 1996: 105; 1998).

В результате полевых исследований последних семи лет на раскопе 3 обнаружена рабочая территория – «мастерские» и большие производственно-хозяйственные дворы. Наличие рабочего участка наряду с выделенными ранее «святыщами» и жилыми комнатами, хозяйственными и парадными дворами свидетельствует о накопленном жителями поселка опыте сырцового строительства, о высоком уровне развития архитектуры.

Доступная археологическому изучению материальная сторона духовной жизни обитателей поселения также удивительно богата и красочна. Настенные росписи, детали интерьера парадных помещений, каменная и глиняная антропоморфная пластика Йылгылы-депе демонстрируют высокий уровень развития художественного мастерства членов общины (Соловьева 2002; Solovyova 2005). Находки большого количества металлических изделий свидетельствуют о развитой металлургии меди (Solovyova et al. 1994).

Поскольку в пределы раскопа 3 никогда не попадали юго-восточные участки исследованных на нем домохозяйств с квазихрамовыми комплексами всех шести строительных горизонтов, в 2007 г. вдоль юго-восточного борта раскопа была сделана прирезка площадью 70 м², что дало возможность получить недостающие данные о домохозяйствах I, II, III, IV и, частично, V строительных горизонтов.

Одной из задач полевого сезона 2013 г. было завершение исследования юго-восточной части домохозяйства V строительного горизонта на прирезке к раскопу. Домохозяйство V горизонта с культовым комплексом 38/V-3, парадным и хозяйственным дворами и множеством небольших комнат неясного назначения, датированное серединой IV тыс. до н. э., – одно из самых крупных и богатых из исследованных на памятнике.

В предыдущие годы при раскопках V горизонта были обнаружены такие уникальные артефакты, как медный проушной топор (Solovieva et al. 1994: 32, fig. 1, 4) и глиняная протома быка с росписью в технике сграффито (Соловьева 1998). В 2013 г. при исследовании этого же горизонта совершено еще одно исключительное открытие. В процессе расчистки небольшого помещения 76 (подгоризонта VB), выстроенного, наряду с другими такими же комнатами, вдоль внешней юго-восточной стены домохозяйства (рис. 1), встречены фрагменты разбитых глиняных столовых сосудов с росписью (см. цв. вклейку – рис. 2, 1), лежащих на промазанном чистой глиной и выкрашенном в черный цвет полукомнатки. Ближе к западному углу помещения в полу выявлено углубление, в котором находились три фрагмента крупной терракотовой женской статуэтки, причем сверху были помещены орнаментированные нижняя часть торса и фрагмент левого бедра (см. цв. вклейку – рис. 2, 2), а под ними – орнаментированная правая нога (см. цв. вклейку – рис. 2, 3). Размеры скульптуры (см. ниже) и ее поза не имеют аналогий.

Фигурка вылеплена из рыхлого грубого теста с большой примесью самана и шамота. Из-за плохого обжига изделие имеет неравномерный цвет теста, варьирующий в изломе от светло-желтого и красновато-коричневого до темно-серого. Части тела вылеплены по отдельности: верхняя часть туловища до талии, правая нижняя часть туловища с правой ногой, левая нижняя часть туловища

К статье Н. Ф. Соловьевой. Рис. 2. Поселение Ыылгыны-депе, раскоп 3, горизонт VB, помещение 76, фрагменты терракотовой статуэтки in situ

To N. F. Solovyova's paper. Fig. 2. Ilgynly-depe, excavation area 3, horizon VB, structure 76, fragments of a terracotta figurine in situ

К статье Н. Ф. Соловьевой. Рис. 3. Поселение Йылгынлы-депе, раскоп 3, горизонт VB, фрагменты терракотовой женской статуэтки из помещения 76

To N. F. Solovyova's paper. Fig. 3. Ilgynly-depe, excavation area 3, horizon VB, fragments of a terracotta woman figurine from structure 76

1

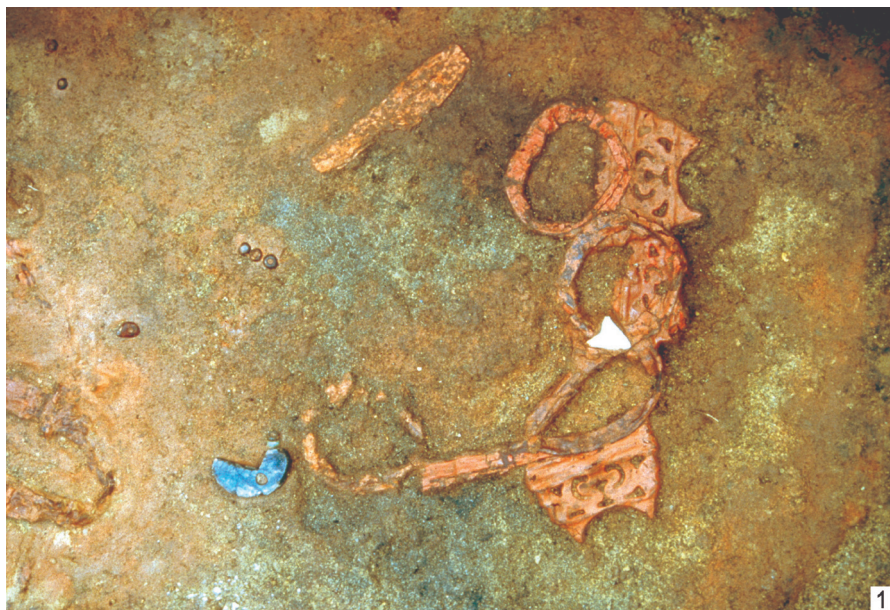

2

К статье В. И. Распоповой. Рис. 6. Городище Хисорак, помещение 3, остатки перекрытия (раскопки Б. Я. Ставиского, Ю. Якубова)

To V. I. Raspopova's paper. Fig. 6. Khisorak settlement, room 3, roof remains (excavation by B. Ya. Stavisky, Yu. Yakubov)

1

2

К статье Х. Кимура. Рис. 3. Стоянка Каринба, г. Энива, Хоккайдо: 1 – лакированные гребни, головные украшения, серьги и бусы в могильной яме № 123; 2 – лакированные гребни, браслеты, украшение на грудь и бусы в могильной яме № 30

To H. Kimura's paper. Fig. 3. Karinba site, town of Eniwa, Hokkaido: 1 – lacquered combs, head adornments, ear-rings and beads from burial pit 123; 2 – lacquered combs, bracelets, a breast adornment and beads from burial pit 30

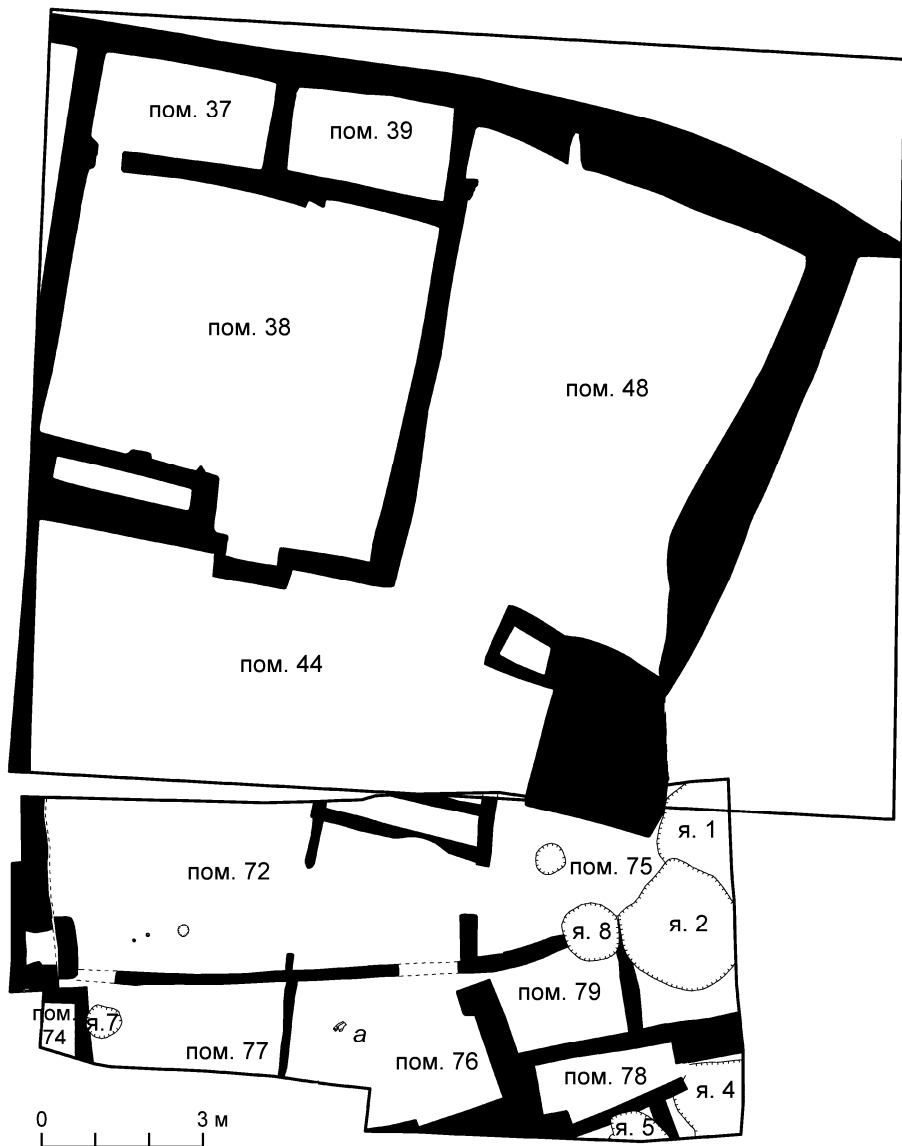

Рис. 1. Поселение Ылгынлы-депе, раскоп 3, план горизонта VB (по работам 1993–1994 и 2013 гг.)
 Fig. 1. Ilgynly-depe, excavation area 3, plan of horizon VB (after the 1993–1994 and 2013 excavations)

с левой ногой. Все эти детали соединены при помощи тонких палочек, отверстия от которых видны на сломках (см. цв. вклейку – рис. 3). Форма и способ изготовления головы, верхней части туловища и рук фигурки неизвестны, нет также данных о наличии или отсутствии у нее грудей. После того как отдельные части статуэтки были изготовлены «вчерне» и соединены, на скульптуру был нанесен тонкий слой глиняной обмазки и уплощены передняя поверхность торса и внутренние поверхности ног. Затем на фигурке были проработаны детали: детородный орган показан круглым глиняным налепом (рис. 4, 1, *справа*), который посередине рассечен вертикальной, прорезанной по сырой глине линией, такой же вертикальной прорезью воспроизведен и позвоночник (рис. 4, 1, *слева*). Плавным заглаблением, выполненным до обжига вокруг шиколотки, вероятно, изображены «сапожки» или «шаровары» (рис. 4, 2). После этого всю статуэтку покрыли тонким слоем красного ангоба, поверх которого черной краской был окрашен детородный орган, а на спину и бедра нанесен геометрический орнамент. Поперек спины, под местом сломы нарисована горизонтальная линия со свисающими небрежными короткими штрихами, ниже, вдоль позвоночника, по обе стороны от него – короткие горизонтальные штрихи, а на бедрах – ломаные зигзагообразные линии (рис. 4). Завершающим этапом изготовления стал обжиг.

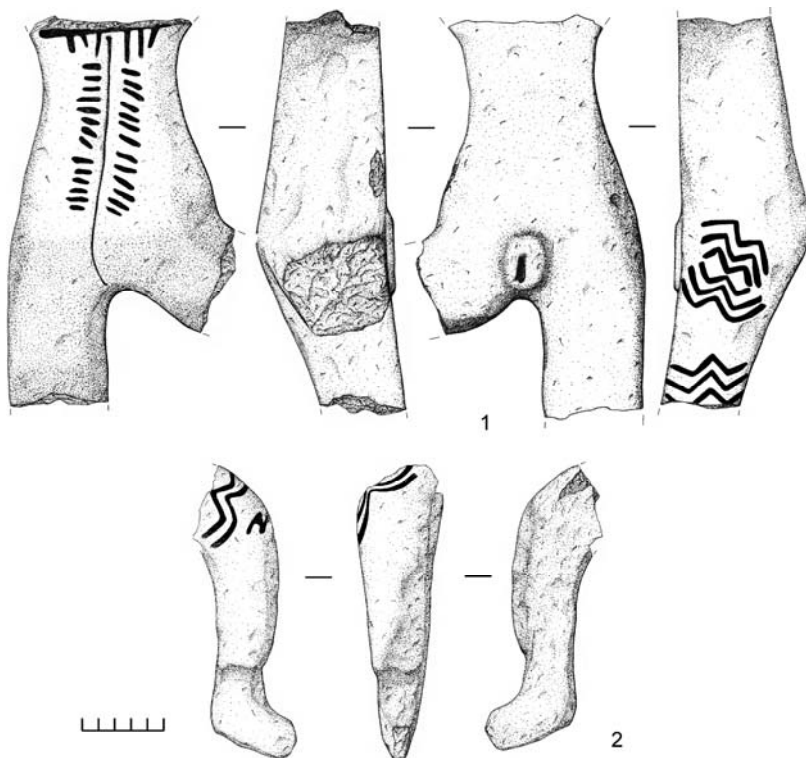

Рис. 4. Поселение Ыылгыны-депе, раскоп 3, горизонт VB, терракотовая женская статуэтка (прорисовка): 1 – торс; 2 – правая нога

Fig. 4. Ilgynly-depe, excavation area 3, horizon VB, a terracotta woman figurine (drawing): 1 – torso; 2 – right leg

Такой процесс работы над статуэткой, вероятно, свидетельствует о том, что мастера Йылгыны-депе не только придавали фигурке внешнее антропоморфное обличье, но и пытались воспроизвести строение тела: кости скелета (палочки внутри скульптуры), мышцы (грубая глиняная основа), кожа (тонкий слой глиняной обмазки или ангоб). Само изготовление антропоморфных фигур было частью ритуальных действий (здесь на память приходят всем хорошо известные строки из «Эпоса о Гильгамеше», рассказывающие об изготовлении богами людей). К сожалению, из-за скудости археологических источников можно лишь отметить, что изготовление глиняных статуэток было сложным поэтапным процессом, регламентированным какими-то ритуалами, достоверно интерпретировать которые не представляется возможным (Соловьева 2008; Solovyova 2005).

Тесто, из которого слеплена статуэтка, манера и способ ее изготовления и элементы орнамента аналогичны деталям сидячих глиняных фигурок I и II типов, найденных ранее на этом же поселении (Соловьева 2008: 25–26), что свидетельствует в пользу изготовления рассматриваемой скульптуры мастерами Йылгыны-депе.

Фрагменты статуэтки из помещения 76 поражают своими размерами: высота сохранившейся части торса составляет 17,5 см, ширина – около 6 см; длина правой ноги до колена – 17 см. Можно предположить, что высота фигуры достигала 50–60 см. В коллекции антропоморфной глиняной пластики Йылгыны-депе представлены фрагменты крупных скульптур (Там же: 76, № 55; 89, № 149; 92, № 177; 109, № 214), но описываемый экземпляр значительно превосходит все известные.

Фрагменты больших статуэток I и II типа, хронологические различия в изображении их деталей и контекст, в котором была найдена фигурка из помещения 76, позволяют с большой долей вероятности воссоздать облик ее недостающих частей. Скульптура могла иметь глаза либо «круглые», как у основной части статуэток, обнаруженных в слоях ялангачского времени (VI–III строительные горизонты), либо «закрытые», какие также изредка встречаются у фигурок в указанных горизонтах. Для затылка скульптур характерны округлые или вытянутые очертания, иногда показан цилиндрический головной убор или прическа. В трактовке верхней части торса также возможны варианты: плечи получали округлую, покатую или прямоугольную моделировку. Руки лепили в виде опущенных вдоль тела коротких конусов, иногда они вообще отсутствуют. На голове, лице, спине и плечах многих статуэток черной краской были нарисованы мелкие детали и орнамент.

Отличительной особенностью описываемой скульптуры является ее поза. Фигурка изображает женщину, вероятнее всего, стоящую на левой ноге, причем бедро правой, согнутой в колене ноги отведено в сторону почти под 90° (рис. 5). Автору эта поза напомнила позицию балерины, готовящейся исполнить фуэте (*fouetteé*).

Находка 2013 г. позволила сделать еще одно открытие. До ее обнаружения в распоряжении специалистов, занимавшихся антропоморфной пластикой Йылгыны-депе, были экземпляры, которые согласно позе изображаемого персонажа делились на сидячие и стоячие, но к стоячим достоверно могли быть отнесены только каменные статуи и схематичные статуэтки-фишки на круглом основании. Терракотовые выполненные с большой долей мастерства натуралистичные

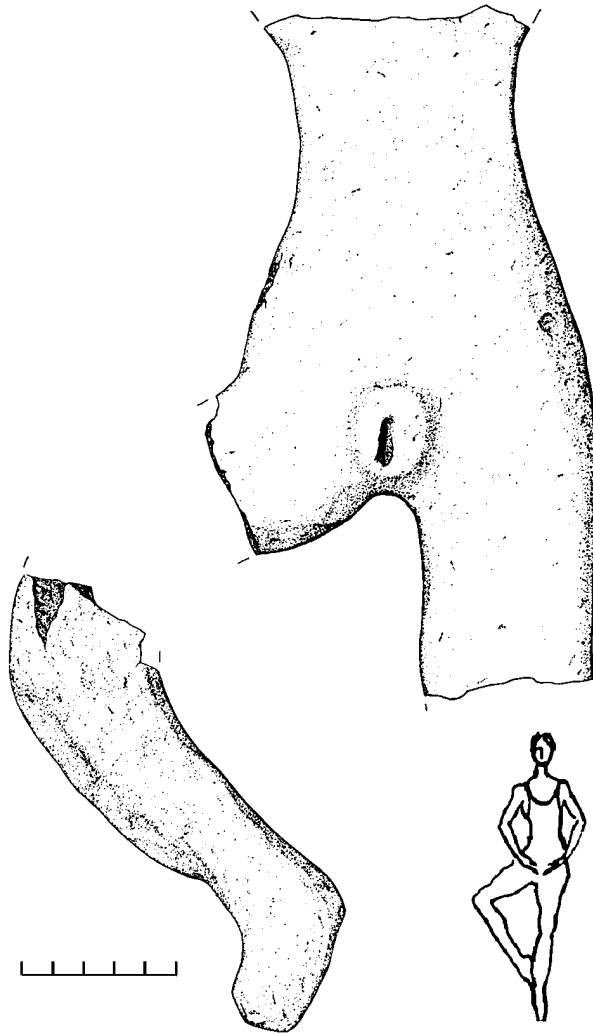

Рис. 5. Поселение Йылгылы-депе, раскоп 3, горизонт VB, терракотовая женская статуэтка (реконструкция)

Fig. 5. Ilgynly-depe, excavation area 3, horizon VB, a terracotta woman figurine (reconstruction)

женские или бесполое антропоморфные статуэтки имели сидячую позу. Ни в коллекции Йылгылы-депе, ни среди антропоморфных изображений памятников энеолита и ранней бронзы Средней Азии и Ближнего Востока до находки 2013 г. не встречались реалистично вылепленные фигурки, позу которых достоверно можно было бы трактовать как стоячую. Пожалуй, единственно возможной, но очень отдаленной аналогией можно назвать знаменитую бронзовую фигурку танцовщицы из Мохенджо-даро (Wheeler 1959: pl. 10). В свете открытия 2013 г. появилась возможность по-новому взглянуть на некоторые фрагменты, ранее отнесенные к статуэткам, изображавшим сидящих персонажей. Теперь

с большой долей вероятности можно предположить, что крупные головы, торсы, руки и по отдельности вылепленные ноги вполне могли принадлежать аналогичным стоячим фигуркам. Прежде всего, это касается большого фрагмента нижней части торса (Соловьева 2008: 109, № 214). Хотя в данном случае о положении бедер и ног, ввиду их полного отсутствия, судить невозможно, однако плоская поверхность передней части торса, изгиб спины и форма ягодиц, аналогичные деталям статуэтки из помещения 76, позволяют трактовать позу статуэтки № 214 как стоячую. Таким образом, выясняется, что мастера Йылгынлыдепе иногда изготавливали натуралистичные, изящно удлиненные стоящие женские скульптуры. Вероятно, поза каждой фигурки зависела от ее назначения.

Одной из самых дискуссионных проблем остается задача интерпретации археологических находок, особенно той их части, которая связана с первобытным искусством. Это в полной мере относится к анализу семантики антропоморфных изображений. На основе данных, полученных при археологических исследованиях, невозможно предложить однозначное толкование функционального назначения и символики поделок, в большей или меньшей степени напоминающих фигуру человека.

Все большее признание получает тезис о том, что статуэтки людей и животных использовали в обрядовых действиях, причем намеренное подчеркивание или полное отсутствие отдельных частей тела, поза, трактовка деталей и орнамент антропоморфного изображения зависели от роли, исполняемой фигуркой в ритуале, ради которого изготавливалась каждая конкретная скульптура. «Изготавливая ту или иную статуэтку, человек создавал вокруг себя как бы второй, осязаемый и зримый мир людей, животных и других существ, которые всегда или длительное время были при нем, будь то небожители, духи нижнего мира или тени предков. Мир конкретных образов “облегчал” человеку общение с теми невидимыми существами, которые казались ему то доброжелательными и полезными, то вредными и опасными» (Иванов 1979: 153).

Подтверждением того, что персонажи, которых олицетворяли йылгынлыньские фигурки, выполняли при отправлении обрядов некие действия, служит изображение широко открытого рта у одних антропоморфных статуэток или отсутствие рта у других. Вероятно, одни фигурки, согласно сценарию ритуала, должны были произносить речи, а другие – молчать. Поскольку в первобытном искусстве каждый элемент и манера его исполнения несут смысловую нагрузку, уместно упомянуть здесь и о трех «плачущих» статуэтках, у которых черной краской нарисованы текущие из глаз слезы (Соловьева 2008: 70, 74). Обнаруженные в «святылище» IV строительного горизонта двух крупных грубо сделанных стоячих глиняных скульптур также указывает на участие антропоморфных изображений в обрядах. Упомянутые две фигурки находились на полу перед круглым диском-алтарем, а перед ними стояла расписная миска. После исполнения обряда статуэтку, чаще всего, намеренно ломали и выбрасывали. Вероятно, эти действия были завершающей частью ритуала, подтверждением чему служит тот факт, что основная часть фигурок йылгынлыньской коллекции представлена фрагментами. Целые экземпляры встречаются крайне редко.

Обряд был стержнем любого архаического коллектива – каждое событие в жизни и деятельности отдельного человека и всей общины предварялось, сопровождалось и заканчивалось ритуалом. Существовали календарные обряды,

привязанные к годовому циклу; ритуалы, в которых разыгрывается тема творения; переходные обряды, связанные с основными циклами человеческой жизни, и окказиональные ритуалы (Байбурин 1993: 18). К числу самых ранних и повсеместно распространенных обрядов следует относить и продуцирующие обряды, тесно «связанные с производственной деятельностью, с жизнью и воспроизводством природного мира и человеческого общества» (Кабо 1987: 30). Под ритуалом или обрядом принято понимать набор и последовательность действий, которые охватывают движения, жесты, слова и предметы и исполняются на специально подготовленном месте (Тэрнер 1983: 32). Наскальные рисунки, египетские рельефы, сохранившиеся письменные свидетельства и, наконец, этнографические данные подтверждают, что неотъемлемой частью первобытных ритуалов был танец (пляска).

Абсолютное преобладание на всех памятниках раннеземледельческих культур, в том числе и на Йылгынылы-депе, женских статуэток демонстрирует женскую символику обрядовой практики. Этнографические исследования примитивных обществ свидетельствуют о том, что в женских ритуалах большую роль играют пляски: именно женским танцам отводилась огромная роль в жизни племени. Обрядовые пляски женщин могли, по сути дела, обеспечить богатый урожай, удачную охоту, отвести грозящую засуху и т. п. Так, при угрозе засухи женщины баронга-банту в Юго-Восточной Африке «выполняют обряды, призванные ниспослать желанный дождь иссохшей земле. Они снимают с себя всю одежду, заменяя ее травяными поясами и головными повязками или короткими юбками из листьев ползучего растения. В таком виде они переходят от колодца к колодцу <...>, выкрикивая разнузданные песни и исполняя неприличные танцы» (Фрэзер 1980: 81).

Суммируя сказанное, можно предположить, что терракотовая скульптура, обнаруженная в углублении в полу помещения 76 домохозяйства V строительного горизонта поселения Йылгынылы-депе, изображала обнаженную женщину, исполняющую ритуальный танец.

Байбурин 1993 – *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.

Березкин 1989 – *Березкин Ю. Е.* Энеолитические святилища Илгынылы-депе // Известия АН Туркменской ССР. СОН. Ашхабад: Ылым, 1989. № 6. С. 20–24.

Березкин, Соловьева 1996 – *Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф.* Символы власти в акефальном обществе. Скамьи, кресла и бык на юге Центральной Азии // Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции. СПб.: МАЭ РАН, 1996. С. 102–118.

Березкин, Соловьева 1998 – *Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф.* Парадные помещения Илгынылы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.

Иванов 1979 – *Иванов С. В.* Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л.: Наука, 1979. 194 с.

Кабо 1987 – *Кабо В. Р.* Первоначальные формы религии // Религиозные представления в первобытном обществе: ТД конф. М.: ИНИОН, 1987. С. 30–32.

Массон 1989 – *Массон В. М.* Илгынылы-депе – новый центр энеолитической культуры Южного Туркменистана // Известия АН Туркменской ССР. СОН. Ашхабад: Ылым, 1989. № 6. С. 15–20.

Соловьева 1998 – *Соловьева Н. Ф.* Стенопись Илгынылы-депе // АВ. 1998. № 5. С. 124–130.

Соловьева 2002 – *Соловьева Н. Ф.* Каменные статуи Илгынылы-депе // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. 1. С. 236–240.

Соловьева 2008 – *Соловьева Н. Ф.* Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлы-депе). СПб.: Изд-во Факультета филологии и искусств СПбГУ, 2008. 344 с.

Тэрнер 1983 – *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. 280 с.

Фрэзер 1980 – *Фрэзер Дж. Д.* Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980. 831 с.

Masson et al. 1994 – *Masson V. M., Berezkin Yu. E., Solovyova N. F.* Excavations of houses and sanctuaries at Ilgynly-depe chalcolithic site, Turkmenistan // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia.* Sankt-Petersburg: IHMC, 1994. P. 18–26 (AS. 16).

Solovyova 2000 – *Solovyova N. F.* The Wall-Painting of Ilgynly Tepe // *South Asian Archaeology 1997: Proceedings of the 14th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, held in the ISIAO, Palazzo Brancaccio, Rome, 7–17 July 1997.* Rome: ISIAO, 2000. P. 453–465 (Serie Orientale Roma. 90).

Solovyova 2005 – *Solovyova N. F.* Chalcolithic anthropomorphic figurines from Ilgynly-depe, Southern Turkmenistan: Classification, analysis and catalogue. Oxford: Archaeopress, 2005. 211 p., 540 photos (BAR. IS. No. 1336).

Solovyova et al. 1994 – *Solovyova N. F., Yegor'kov A. N., Galibin V. A., Berezkin Yu. E.* Metal artifacts from Ilgynly-depe, Turkmenistan // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia.* Sankt-Petersburg: IHMC, 1994. P. 31–35 (AS. 16).

Wheeler 1959 – *Wheeler M.* Early India and Pakistan to Ashoka. New York: F. A. Praeger, 1959. 250 p.

«WOMAN DANCER» FROM THE MIDDLE OF THE IV MILLENNIUM BC: AN UNIQUE TERRACOTTA FIGURINE FROM THE EXCAVATIONS OF ILGYNLY-DEPE (SOUTHEASTERN TURKMENISTAN)

N. F. Solovyova

In 2013 the expedition of the Institute for the History of Material Culture headed by the author finished the exploration of the southeastern part of household V in the building horizon of excavation area 3 (fig. 1) at the early farming settlement of Ilgynly-depe, Southeastern Turkmenistan. This is one of the biggest and richest structures studied at the site, it is dated to the middle of the IV millennium BC. In the previous seasons it yielded a number of unique artifacts such as a copper lugged axe and a clay protoma of a bull decorated in the sgraffito technique. A pit found in the floor of structure 76 (sub-horizon VB) in 2013 contained three fragments of a big terracotta woman figurine (see color inset – fig. 2), which has no analogies regarding its size and pose. The clay paste the figurine is made of, the manner and method of its manufacture, and the ornamental motifs (see color inset – fig. 3) are analogous to those of the seated clay figurines of types I and II, which had been found at the site before. This indicates that the sculpture in question was made by the local craftsmen. It strikes with its size: the height of the preserved part of the torso is 17.5 cm, the width is about 6 cm, and the length of the right leg to the knee is 17 cm. The height of the complete figurine must have reached 50–60 cm. It is much bigger than all the other known statuettes. An important distinctive feature of this figurine is its pose. It depicts a woman standing, probably, on her left leg, whereas the hip of the right leg, bent in the knee, is raised at an angle of almost 90° (fig. 5). No terracotta figurines depicting women standing on one leg had been known from the Eneolithic and Early Bronze

periods of Central Asia and the Near East before the find of 2013. The only known analogy is the bronze sculpture of a dancer from Mohenjo-daro. Human and animal figurines were used in cult ceremonies, and intentional emphasizing of some parts of the body or complete absence of other ones, as well as poses, details, ornamental designs, depended on the role the figurines were to play in the ritual. The predominance in all the early farming settlements, including Ilganly-depe, of women figurines demonstrates the role of woman symbolism of the cult practice. The available ethnographic evidence testifies to the big role of dancing in women's rituals. It can be supposed that the terracotta figurine from Ilganly found in 2013 represented a woman dancer.

СТАТУЭТКИ ТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НЕМИРОВ (ОБ ОДНОМ ТИПЕ АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ)¹

Е. Г. СТАРКОВА

Ключевые слова: *культура Триполье-Кукутени, поселение Немиров, антропоморфная пластика, статуэтки с цилиндрическим основанием, способы формовки.*

Keywords: *Tripolye-Cucuteni culture, Nemirov settlement, anthropomorphic figurines, statuettes with a cylindrical base, methods of modeling.*

За многолетнюю историю изучения культуры Триполье-Кукутени открыт богатейший археологический материал, который до сих пор полностью не введен в научный оборот. Современные подходы к обработке и описанию находок дают нам возможность по-новому взглянуть на результаты раскопок прошлых лет, а также извлечь максимальное количество информации при изучении происходящих из них индивидуальных изделий. Именно к таким находкам относится антропоморфная пластика трипольского поселения Немиров, первые раскопки которого проводились еще более 100 лет назад.

Городище Немиров находится в бассейне Южного Буга (Винницкая обл., Украина). Помимо слоев раннежелезного и славянского времени на городище обнаружены и материалы трипольской культуры. Работы на памятнике проводились в начале и середине XX в. С. С. Гамченко, А. А. Спицыным и М. И. Артамоновым.

Полевые отчеты за годы самых масштабных раскопок отсутствуют, а по дневникам можно лишь сделать заключение, что трипольский слой был сильно разрушен более поздними напластованиями. Видимо, это было сравнительно небольшое по площади поселение с глинобитными площадками и жилищами полуземляночного типа, планиграфию которого определить практически невозможно (Артамонов 1998: 59–76).

Основное количество трипольских материалов из Немирова происходит из раскопок М. И. Артамонова. Материалы из раскопок А. А. Спицына немногочисленны и составляют несколько фрагментов керамики и фрагмент антропоморфной статуэтки.

Отдельно необходимо остановиться на небольшой коллекции из раскопок С. С. Гамченко, которая хранится в фондах Государственного Эрмитажа под названием «Щербатово городище» (№ 4087). Долгое время эти неопубликованные материалы считались отдельным памятником. При внимательном изучении полевой документации (Гамченко 1909) и сопоставлении находок керамики удалось установить, что «Щербатово городище» и городище Немиров являются одним и тем же памятником. Название «Щербатово городище» не упоминается ни в одной публикации, посвященной трипольской коллекции из Немирова.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00016а.

Известно, что свои раскопки в районе Немирова С. С. Гамченко проводил при финансовой поддержке владелицы этой земли – княгини М. Г. Щербатовой, и их в 1910 г. продолжил А. А. Спицын (Гамченко 1909: 30; Спицын 1911: 156–164). Объяснение, почему же часть коллекции из Немирова получила название «Щербатово городище», нашлось в тексте полевого отчета С. С. Гамченко за 1909 г., где он пишет, что «окрестные населенные пункты находятся почти в равном удалении и само название “Валы” слишком общее; поэтому мы и назвали систему укрепления “Вал” – “Замчистко” Щербатовым городищем» (Гамченко 1909: 130).²

Таким образом, возникла возможность объединить трипольские материалы Немирова и «Щербатова городища» в одну коллекцию, и в нашем распоряжении помимо керамики оказалось несколько десятков антропоморфных и зооморфных фигурок.

В коллекции Немирова из фондов ГЭ представлены четыре массивные статуэтки, которые выделяются своими размерами и формой из набора антропоморфной пластики поселения: одна из раскопок А. А. Спицына (ДН 1933–1/108) (рис. 1), другая – из раскопок М. И. Артамонова (оп. хр. 245–1/78) (рис. 3) и две – из раскопок А. А. Гамченко (колл. 4087/466, 467) (рис. 2, 4). Две из них (рис. 1, 3) уже упоминались в обобщающих работах румынского и украинского исследователей (Монах 1997: fig. 129, 2; Гусев 2009: рис. 6, 4).

Основной целью публикации является введение в научный оборот ранее не опубликованных антропоморфных статуэток с трипольского поселения Немиров и определения их места в контексте находок трипольско-кукутенской пластики.

Все четыре фигурки сохранились фрагментарно – одна представляет собой торс без головы и ног, от трех других имеются только нижние части статуэток.

Судя по размерам торса статуэтки (высота – 11 см) из раскопок А. А. Спицына (рис. 1), высота целой фигурки была около 20 см. Фигурка массивная, с выраженной стеатопигией. Показан слегка выпуклый живот, грудь вылеплена в виде округлых уплощенных налепов. Руки представляют собой небольшие выступы. Внизу живота тонкими прочерченными линиями обозначен «треугольник», традиционно считающийся признаком женского пола в антропоморфной пластике.

Статуэтка изготовлена из хорошо отмученной глины без видимых искусственных примесей. В изломе и на поверхности заметны очень мелкие включения слюды, вероятно естественные. Поверхность статуэтки светло-коричневого цвета, внутри цвет – серый. На боковом и нижнем сколах видна техника формовки торса – вытянутый кусок глины был дополнительно обмазан толстым пластом глины (рис. 1, 2Г, 2Д). По сколу на задней части фигурки заметно, что при

---

² С. А. Гусев пытается разделить материалы из Немирова (Гусев 2009). Он полагает, что в районе Немирова было два трипольских поселения – то, что названо в отчетах «Валь», и «урочище Могилки», принадлежащие времени Триполье VII и CI (по периодизации Т. С. Пассек) соответственно. Но идентичность материала и территориальная близость позволяют все-таки утверждать, что поселение было одно. Проблема заключается еще и в отсутствии информации об этом в полевой документации, а также в сложности разделения керамических материалов конца этапа VII и CI в целом, которые не имеют достаточно четких хронологических маркеров.

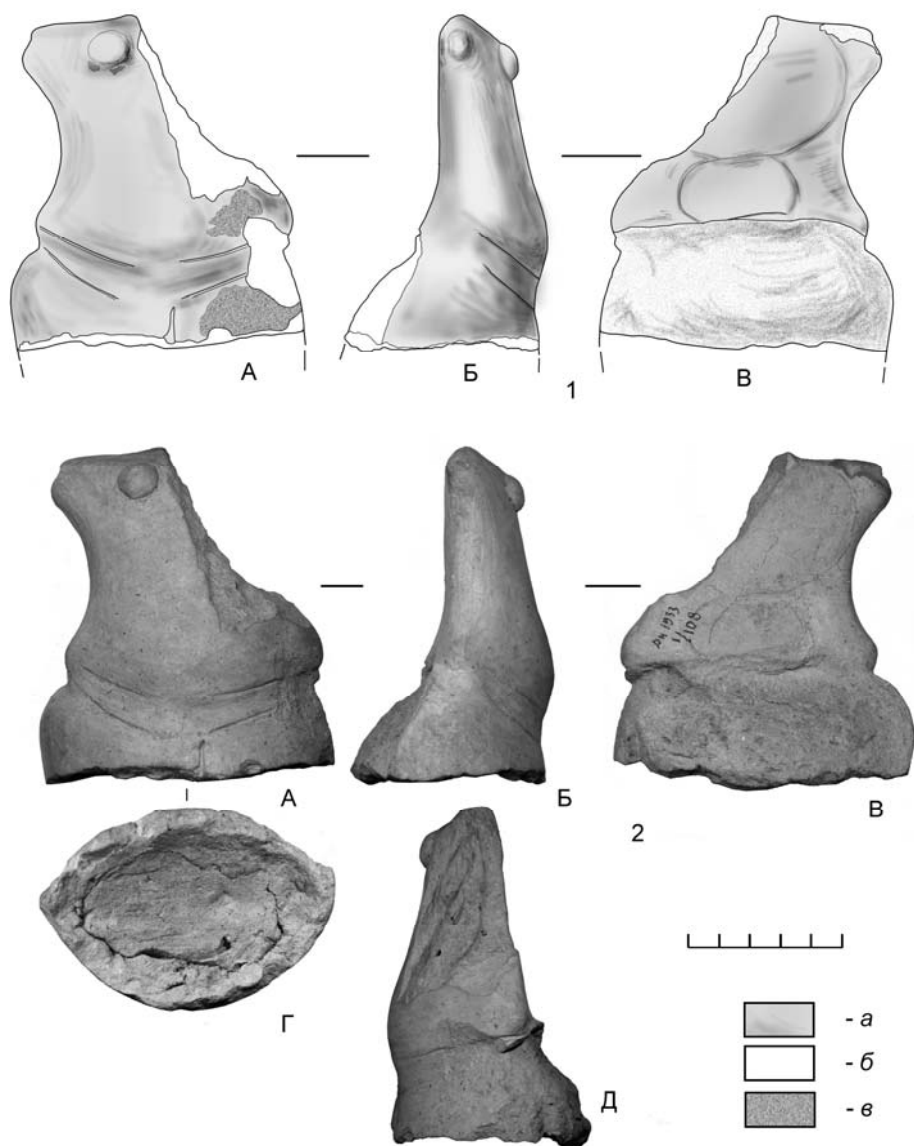

Рис. 1. Верхняя часть антропоморфной статуэтки из раскопок А. А. Спицына, поселение Немиров, 1911 г. (ГЭ, колл. ДН 1933–1/108): 1 – прорисовка; 2 – фото. На рис. 1–4 прописными буквами (А, Б, В, Г, Д) обозначены виды статуэток с разных сторон. Условные обозначения: *a* – поверхность статуэтки; *б* – сколы; *в* – следы краски

Fig. 1. Upper part of an anthropomorphic statuette from A. A. Spitsyn's excavations, Nemirov, 1911 (State Hermitage, collection ДН 1933–1/108): 1 – drawing; 2 – photo. Cyrillic capital letters (А, Б, В, Г, Д) on figs. 1–4 designate views of the figurines from different sides. Legend: *a* – figurine's surface; *б* – spalling; *в* – traces of paint

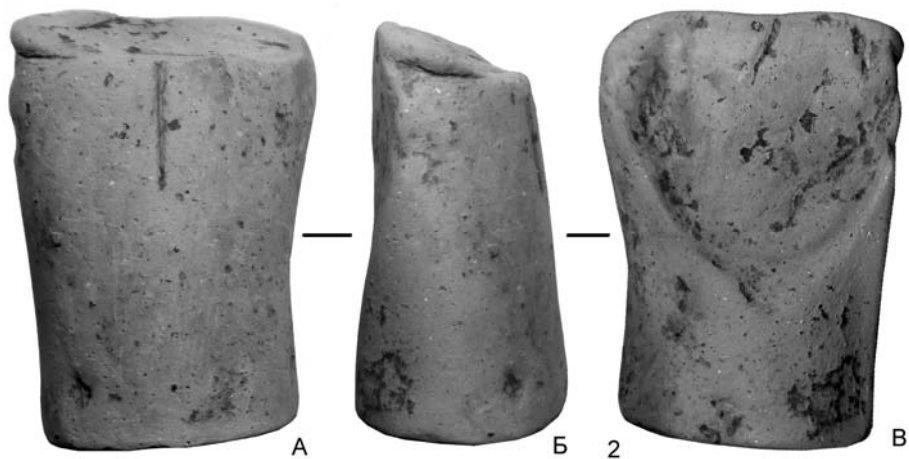
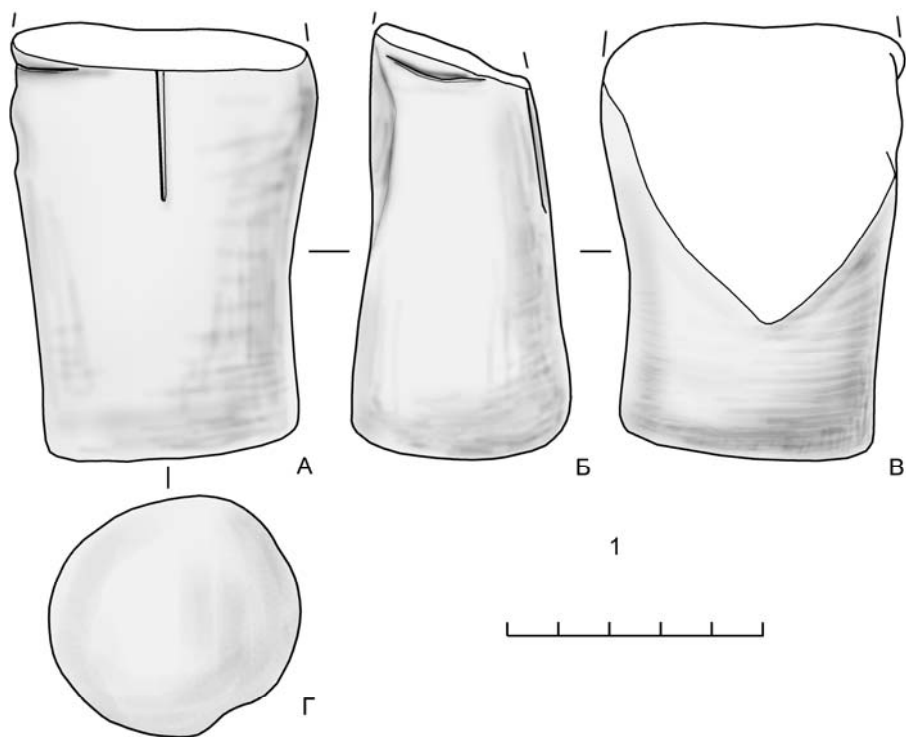

Рис. 2. Нижняя часть антропоморфной статуэтки из раскопок С. С. Гамченко, поселение Немиров, 1909 г. (ГЭ, колл. 4087/466): 1 – прорисовка; 2 – фото

Fig. 2. Lower part of an hollow anthropomorphic statuette from S. S. Gamchenko's excavations, Nemirov, 1909 (State Hermitage, collection 4087/466): 1 – drawing; 2 – photo

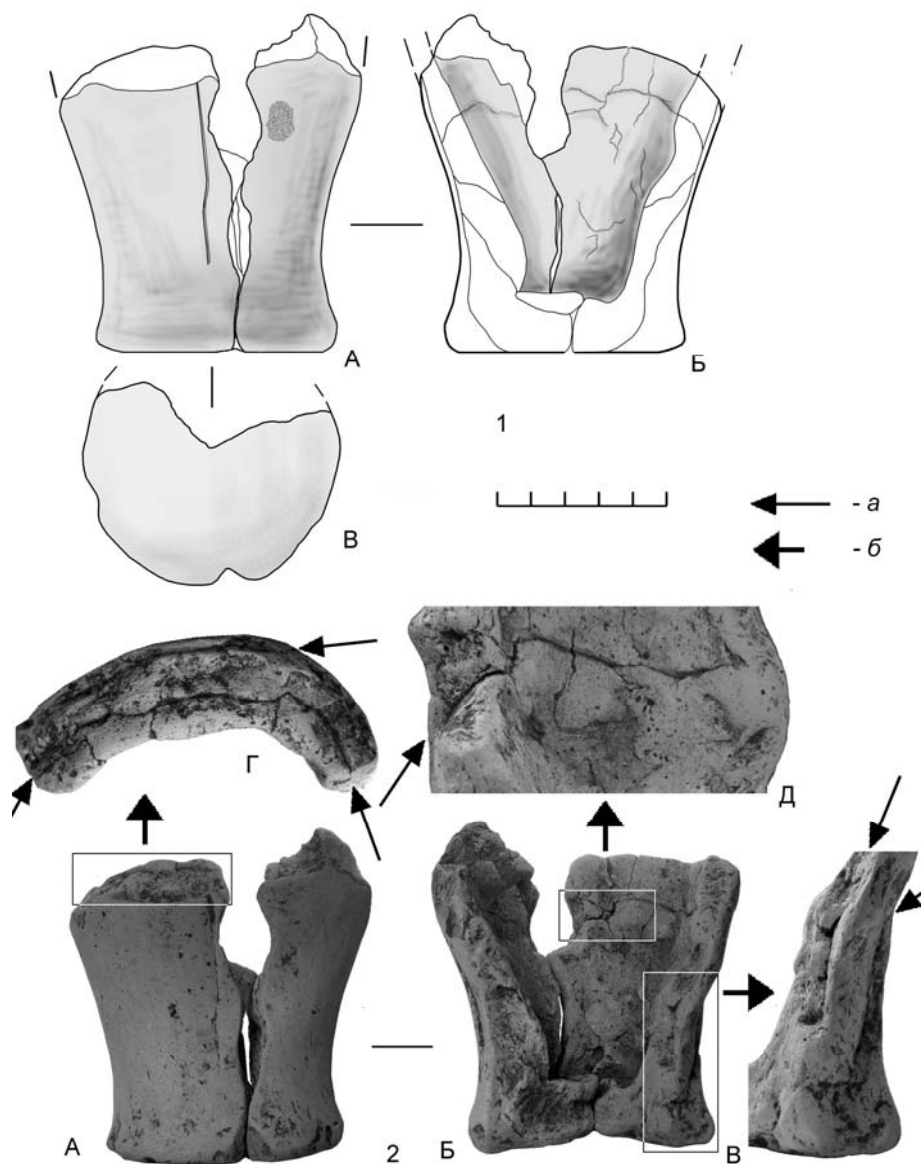

Рис. 3. Нижняя часть полый антропоморфной статуэтки из раскопок М. И. Артамонова, поселение Немиров, 1940-е гг. (ГЭ, оп. хр. 245–1/78): 1 – прорисовка; 2 – фото. Условные обозначения: *a* – место стыковки глиняных лент; *б* – увеличенное фото

Fig. 3. Lower part of an hollow anthropomorphic statuette from M. I. Artamonov's excavations, Nemirov, 1940-es (State Hermitage, inventory list 245–1/78): 1 – drawing; 2 – photo. Legend: *a* – joint of clay bands; *б* – macrophoto

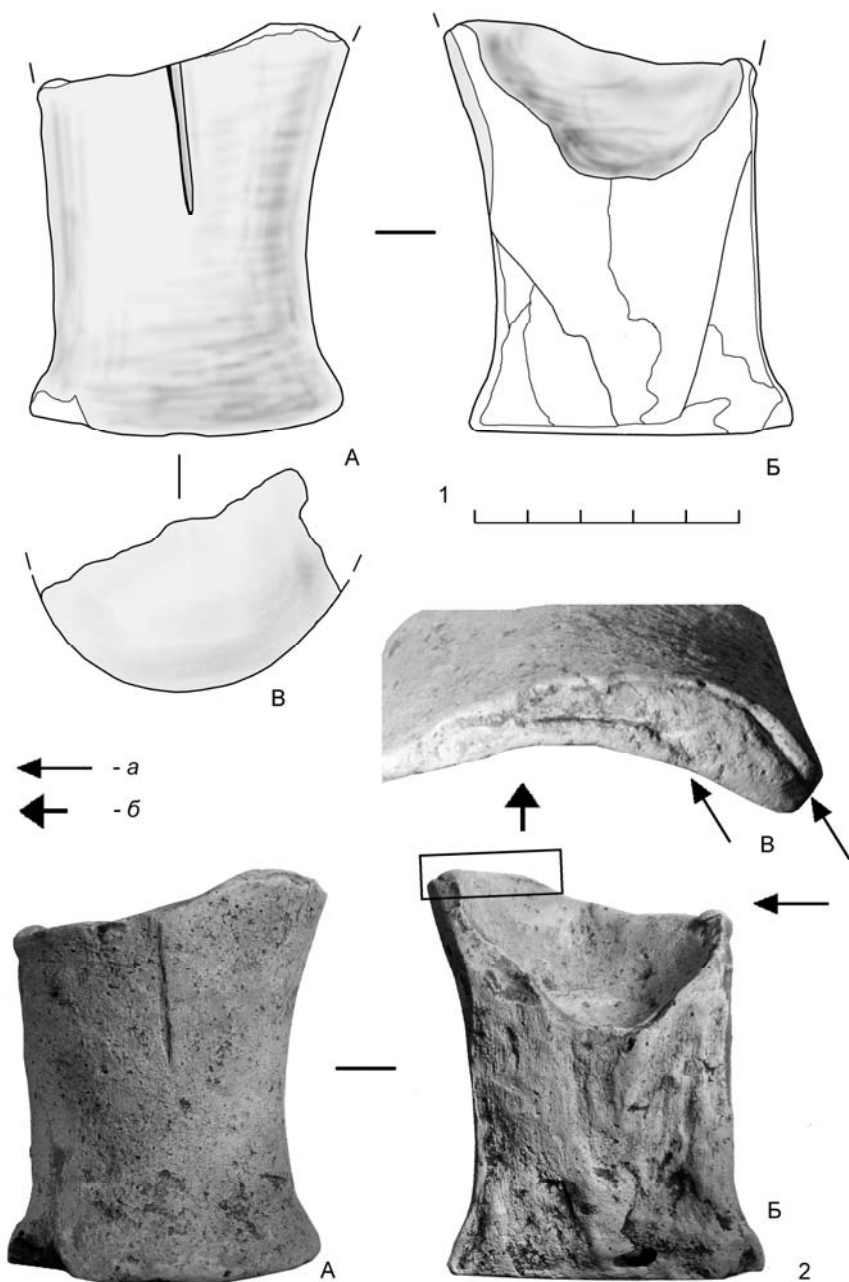

Рис. 4. Нижняя часть полой антропоморфной статуэтки из раскопок С. С. Гамченко, поселение Немиров, 1909 г. (ГЭ, колл. 4087/467): 1 – прорисовка; 2 – фото. Условные обозначения: *a* – место стыковки глиняных лент; *б* – увеличенное фото

Fig. 4. Lower part of an hollow anthropomorphic statuette from S. S. Gamchenko's excavations, Nemirov, 1909 (State Hermitage, collection 4087/467): 1 – drawing; 2 – photo. Legend: *a* – joint of clay bands; *б* – macrophoto

формовке ягодиц использовался не один, а два дополнительных пласта глины, наложенные друг на друга. Внутренний пласт глины в верхней части был растянут и, скорее всего, сложен пополам, что, возможно, послужило причиной образования небольшой полости в области живота. Эта полость, видимо, получилась случайно при складывании внутреннего куска глины, хотя в статуэтках такого типа иногда фиксируется искусственная полость именно в этом месте. Антропоморфная статуэтка с искусственной полостью в области живота найдена, например, на кукутенском поселении Фрумушика (слой Кукутени В) на территории Румынии (Matasă 1946: pl. LV, fig. 40ба). Однако фигурки с пустым пространством в животе и заложенными в него одним-двумя шариками глины, имитирующими зародыш, встречаются достаточно редко и в большинстве своем принадлежат к раннему периоду (Погожева 1983: 33).

На нижнем сломе статуэтки отчетливо виден внутренний кусок глины-основы и толстый внешний слой (рис. 1, 2Г). Гладкий слом внутреннего куска показывает, что нижнюю часть лепили отдельно из одного куска глины и присоединяли именно в этом месте. Нижняя часть была, видимо, монолитной (следы формовки и стыковки двух отдельных половинок нижней части не прослеживаются) и имела цилиндрическую форму с плоским основанием (см., например, Погожева 1983: рис. 22, 1, 2, 7; Гусев 1995: рис. 63, 1, 2; Круц и др. 2001: рис. 51, 6).

Статуэтка была покрыта двумя дополнительными слоями глины. Первый толстый слой по составу аналогичен глиняной массе, из которой сформована фигурка. Его, очевидно, наносили, чтобы закрыть швы в месте стыковки тулова и нижней части и, возможно, чтобы дополнительно нарастить объем. На этой поверхности формовались мелкие детали. Затем всю статуэтку покрывали ангобом – тонкодисперсной глиной. Углубленные линии – разделитель ног и треугольник внизу живота проведены уже поверх ангоба. На ангоб также была нанесена краска, слабые следы которой частично сохранились на поверхности. Поверхность фигурки тщательно заглажена и залощена по подсушенной поверхности (видны следы от лощила).

На спине статуэтки сохранились следы от прически. Волосы, сделанные из тонкого глиняного пласта, скорее всего, были приклеены на подсушенную поверхность. Судя по очертаниям, прическа представляла собой пучок волос, достоящих до пояса и перетянутых в нижней трети. Волосы, завязанные в пучок, довольно часто встречаются у трипольских статуэток конца среднего и начала позднего периодов (см., например, Погожева 1983: рис. 16, 7; 21, 5; Монах 1997: fig. 214, 1). Аналогичная, но меньших размеров антропоморфная фигурка из Немирова (из фондов НАН Украины) имеет такую же прическу (Монах 1997: fig. 127, 13).

От другой статуэтки из Немирова (коллекция «Щербатово городище», 4087/466) сохранилась только монолитная подцилиндрическая нижняя часть (рис. 2). Разделитель ног обозначен вертикальной прочерченной линией, горизонтальная линия с левой стороны проведена, видимо, внизу живота (рис. 2, 1А, 2А). Фигурка имеет старые сколы, к тому же сильно затерта (скорее всего, при мытье), поэтому получить информацию об особенностях обработки поверхности и наличии красочного слоя, к сожалению, невозможно. Поверхность ее ярко-оранжевого цвета, но в изломе тесто серое. Статуэтка явно подвергалась высокотемпературному окислительному обжигу, как и вся расписная керамика

с поселения, однако из-за ее толщины (размеры в сечении – $4 \times 4,6$ см) обжиг получился неравномерный.

Фигурка изготовлена из глины с незначительной примесью мелкого темно-красного шамота и песка, на поверхности и в изломе заметны мелкие слюдяные включения (как и у статуэтки из раскопок А. А. Спицына). По сколу сзади видно, что и способ ее изготовления, скорее всего, был аналогичным – на кусок глины налеплен дополнительный толстый внешний слой. Поскольку слом находится на том же месте, что и у предыдущей статуэтки, то, вероятно, и у нее нижнюю часть и торс формовали из отдельных кусков.

От третьей статуэтки (ГЭ, оп. хр. 245–1/78) сохранилась ступкообразная нижняя часть, слегка расширяющаяся к плоскому основанию (рис. 3). Как и у двух предыдущих, разделение ног фигурки обозначено лишь тонкой неглубокой прочерченной линией. Судя по сохранившемуся фрагменту, фигурка была крупной, возможно, более 20 см высотой. Эта статуэтка, в отличие от остальных, полая внутри. Скорее всего, именно поэтому, несмотря на крупные размеры, она хорошо обожжена (обжиг окислительный), о чем свидетельствует равномерный желто-розовый цвет снаружи, в изломе и внутри. Статуэтка изготовлена из мелкоструктурного глиняного теста с незначительной примесью мелкого песка и темно-красного шамота. Внешняя поверхность тщательно заглажена и на ней заметны слабые следы красной краски (рис. 3, 1А).

Способ формовки достаточно хорошо виден в профиле. Тулово наращивали неширокими лентами (или жгутами), а на внутреннюю поверхность для увеличения толщины стенок дополнительно налепили небольшие куски глины (рис. 3, 2Г, 2Д). Дополнительной лентой-жгутом укреплен нижний край. Внутренняя поверхность практически не обработана. Она неровная, в некоторых местах видны следы пальцев мастера. К сожалению, на рисунке в публикации С. А. Гусева (Гусев 2009: рис. 6, 4) неточно передан внутренний профиль, который получился со ступенькой. На самом деле на этом месте внутри фигурки имеется небольшое плавное утолщение (рис. 3, 1Б).

Еще одна статуэтка из раскопок С. С. Гамченко (коллекция «Щербатова городища», 4087/467) представляет собой половину вертикально расколотой нижней части (рис. 4). Высота целой фигурки могла быть около 15–17 см. Нижняя часть у нее подцилиндрическая, слегка расширяющаяся у основания. На внешней поверхности прочерчена очень тонкая неглубокая линия – разделитель ног (рис. 4, 1А, 2А). В верхней части обломка находится искусственная полость, с неровной, но тщательно заглаженной внутренней поверхностью, на которой видны углубления от пальцев мастера (рис. 4, 1Б, 2Б). Полость была сделана только в области живота, но где она заканчивалась в верхней части, по сохранившемуся фрагменту непонятно. Как правило, пустое пространство оставляли только в передней части фигурки, там, где находился живот, и было оно относительно небольшим. В данном же случае можно предположить, что у статуэтки полый была вся верхняя часть.

Ровный вертикальный слом дает возможность исследовать технику лепки нижней части статуэтки. Основу составляет кусок глины клинообразной формы. Судя по линиям в изломе, это также мог быть пласт глины, сложенный пополам (рис. 4, 1Б, 2Б). К основному куску глины в узкой части дополнительно налеплены небольшие пласти для формовки плоского основания статуэтки. После

чего поверхность фигурки была покрыта еще одним слоем глины толщиной 2–3 мм. Внешняя поверхность тщательно заглажена.

Технике изготовления трипольских статуэток посвящено всего несколько публикаций. Наиболее подробно затронута эта тема А. П. Погожевой, которая отмечает, что большинство статуэток, за исключением поздних (усатовского типа), формовали из двух вертикальных половинок, которые лепили отдельно, складывали, а всю внешнюю поверхность покрывали толстым слоем глины, чтобы скрыть швы. Она объясняет такой прием дуалистической идеей, приводит примеры двойных женских фигурок (Погожева 1973; 1983: 117–120) и ссылается также на аналогичные свидетельства других специалистов (Котова 1927: 324; Бибиков 1953: 205). В действительности в статье О. Г. Котовой, посвященной керамике из Моравии, описан способ формовки моравских статуэток на примере антропоморфной фигурки из Яромержице, когда одна нога вылеплена отдельно и присоединена к туловищу, изготовленному вместе со второй ногой (Котова 1927: 342).

А. П. Погожева также подчеркивает, что такая технология – лепка из двух вертикальных половинок – прослеживается в трипольских комплексах как раннего, так и позднего периодов, однако не приводит иллюстраций и ссылок на публикации, где такой способ формовки антропоморфных статуэток фиксируется на трипольских памятниках конца среднего и позднего периодов (Погожева 1983: 116).

С. Н. Бибиков, анализируя антропоморфную пластику раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая, отмечал, что большинство статуэток изготавливали из одного куска глины и лишь отдельные экземпляры были составлены из двух продольных вертикальных половинок (Бибиков 1953: 205). Этот вывод сделан исследователем на основе анализа свыше 200 антропоморфных фигурок Луки-Врублевецкой.

Скорее всего, способ изготовления статуэток из двух вертикальных половинок является одним из вариантов их формовки, который применялся не очень часто и, возможно, просто являлся технологическим приемом некоторых мастеров. В коллекции антропоморфной пластики из Немирова такой прием не встречается.

Наиболее логичными выглядят выводы румынского исследователя Д. Георгиу, который путем эксперимента определил, что туловище с ногами большинства трипольско-кукутенских статуэток изготавливали из трех кусков глины: туловище с головной-выступом и две ноги (Gheorghiu 2010). Голову могли моделировать из тулова или лепить из дополнительного куска глины.

Несмотря на значительный хронологический разброс и существенные различия во внешнем облике трипольско-кукутенской антропоморфной пластики, можно выделить некоторые закономерности в технологических приемах ее изготовления, которые прослеживаются и на рассмотренных здесь четырех массивных статуэтках из Немирова.

Туловище и ноги у подавляющего большинства антропоморфных фигурок формовали отдельно и соединяли в области бедер, о чем свидетельствуют преобладающие сломы в этом месте.

Нижнюю часть могли изготавливать из одного куска глины в случае, если ноги не были смоделированы и имели ступкообразную форму, как у двух статуэток

из Немирова (рис. 2, 4). Ноги чаще всего были соединены между собой; разделенные ноги встречаются реже и, как правило, у мужских фигурок. Идея О. Г. Котовой о креплении одной ноги к туловищу, вылепленному с другой ногой вместе на примере моравских (лендельских) статуэток, скорее всего, ошибочна. Более вероятно, что обе ноги формовали отдельно и присоединяли к торсу.

А. П. Погожева связывает происхождение статуэток с цилиндрическим или ступкообразным основанием с влиянием северного днестровского варианта (Погожева 1983: 80–81). Автор предполагает, что подобная форма нижней части в некоторых случаях является моделировкой юбки, что вполне возможно, но только в тех случаях, где не обозначен разделитель ног.

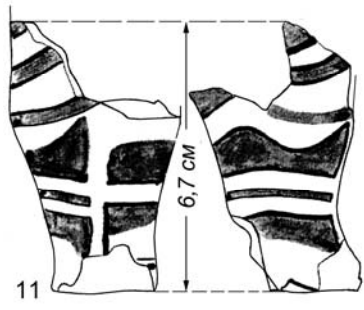
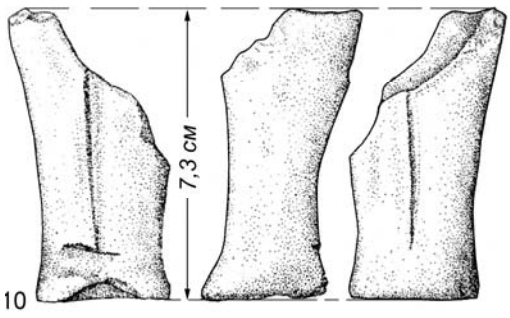
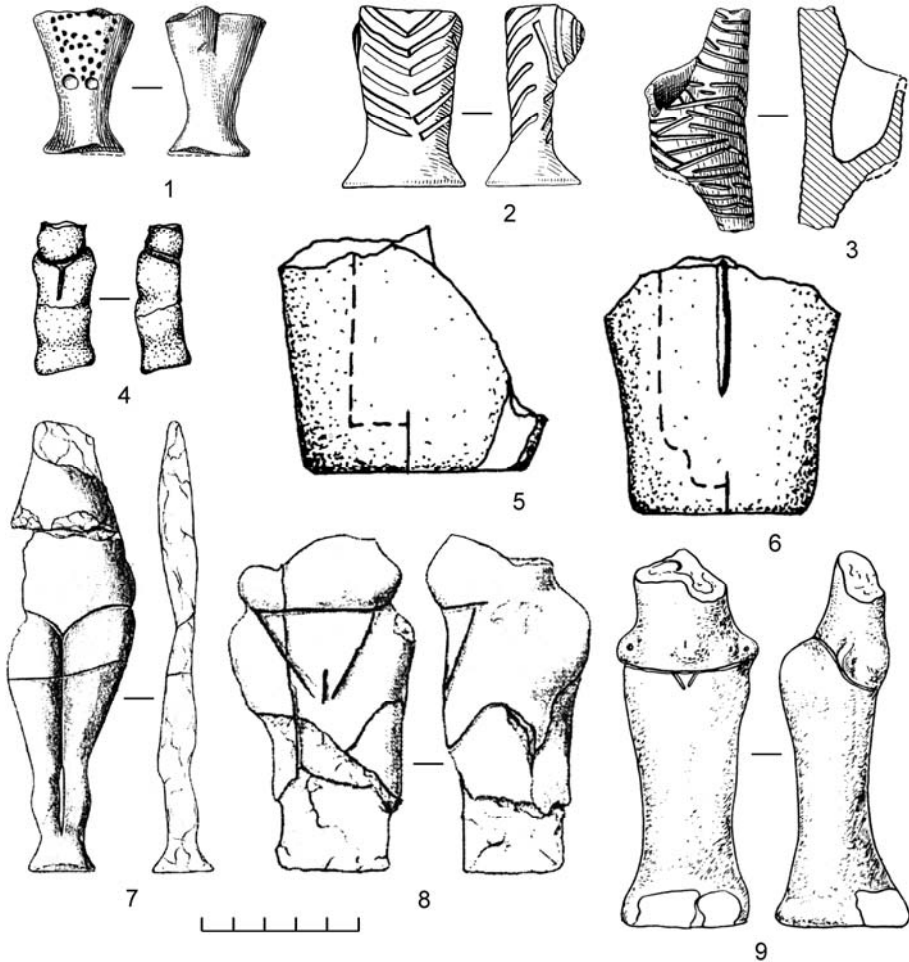
По мнению Т. Г. Мовши, фигурки с цилиндрическим основанием, как полые, так и монолитные, происходят с территории Побужья, где они получили наибольшее распространение на этапах Триполье ВП и С1 (Мовша 1969: 24).

Полые статуэтки с плоским основанием более редки, чем монолитные. Они встречаются не во всех комплексах, никогда не образуют серий и, чаще всего, сохранились в небольших фрагментах. Отдельные экземпляры были найдены на кукутенских памятниках Румынии (Matasă 1946: pl. LV, fig. 406a) (рис. 5, 10, 11). Также несколько полых массивных фигурок происходят с территории Побужья (Гусев 1995: рис. 62, 7) (рис. 5, 4, 6).

В какой-то степени их можно сопоставить с антропоморфными сосудами, известными в культуре Триполье-Кукутени (Schmidt 1932: Taf. 34, 5a–5b; Petrescu-Dîmbovița et al. 1999: fig. 284). Но в антропоморфных сосудах тщательно обработаны и внешняя, и внутренняя поверхности, т. е. это именно сосуд, который чем-то наполняли, предположительно в ритуальных целях. У полых же статуэток внутренняя поверхность практически не обработана и предполагается, что она скрыта. Аналогичным примером могут быть так называемые бинокли, у которых неорнаментированными, с необработанной поверхностью всегда оставались внутренние поверхности нижних чаш, на которые они ставились, а не подвешивались, как иногда предполагают. Что же касается полых статуэток, то, по-видимому, доступ внутрь у них осуществлялся через отверстие, куда что-то могли закладывать. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев сохранились только нижние части. Целая фигурка, у которой в голове сверху было большое отверстие, найдена на кукутенском поселении Трушешти (слой Кукутени А) (Монах 1997: fig. 228, 1).

По классификации А. П. Погожевой, все статуэтки со ступкообразной (цилиндрической) нижней частью объединены в подтип С₃ (Погожева 1983: 21). Автор не публикует в своей монографии полые фигурки, видимо, из-за недостатка информации. Даже не вдаваясь глубоко в вопросы семантики, очевидно, что полые фигурки и фигурки монолитные, но также с цилиндрическим основанием, имели разное назначение, поэтому их не следует относить к одному, выделенному А. П. Погожевой подтипу, как это иногда делают (Гусев 1995: 200).

Статуэтки с плоским основанием – и полые, и монолитные – встречаются практически во всех частях трипольского ареала. Хронологический разброс их тоже очень велик: начиная от Кукутени А (Триполье А) до Кукутени В (Триполье ВП–С1, С1) (рис. 5). Наибольшее их количество в настоящее время найдено на памятниках Побужья, относящихся к концу среднего и началу позднего периода (Триполье ВП и С1). Началу позднего периода (Триполье С1) соответствуют

и трипольские материалы поселения Немиров. В остальных регионах такие статуэтки встречаются единично. Скорее всего, у носителей культуры Триполье-Кукутени была потребность в фигурках, которые можно было поставить, а не вставлять в какую-то специальную подставку или «алтарь», как, видимо, закрепляли многочисленные статуэтки с веретенообразным основанием (Пассек 1949: рис. 50, 1). Но при этом иногда встречаются фигурки с отчетливо выпеленными ногами, которые завершаются плоской подставкой трапециевидной формы. Примером может служить статуэтка из Старого Орхья (рис. 5, 7).

В целом же из-за неравномерной изученности территории и незначительности выборки делать выводы о регионе происхождения статуэток данного типа пока преждевременно.

Артамонов 1998 – *Артамонов М. И.* Немировское городище: анализ полевой документации из раскопок 1909–1910 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Поділля, 1998. Вып. 6. С. 59–76.

Бибиков 1953 – *Бибиков С. Н.* Поселение Лука-Врублевская. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 460 с. (МИА. № 38).

Гамченко 1909 – *Гамченко С. С.* Археологические исследования в Подолье по трипольской культуре в 1909 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, д. 85.

Гусев 1995 – *Гусев С. О.* Трипольська культура Середнього Побужжя рубежу IV–III тис. до н. е. Вінниця: Антекс-УЛГД, 1995. 303 с.

Гусев 2009 – *Гусев С. О.* Антропоморфна пластика середньо бузької локальної групи трипольської культури (етап VI–VII–C1) // С. Н. Бибиков и первобытная археология. СПб.: ИИМК РАН, 2009. С. 306–316.

Котова 1927 – *Котова О. Г.* Памятники доисторической культуры эпохи расписной керамики в Моравии // Известия ГАИМК. Л., 1927. Т. 5. С. 319–352.

Круц и др. 2001 – *Круц В. А., Корвин-Пиотровский А. Г., Рыжов С. Н.* Трипольское поселение-гигант Тальянки: исследования 2001 года. Киев: НАН Украины, 2001.

Мовша 1969 – *Мовша Т. Г.* Об антропоморфной пластике трипольской культуры // СА. 1969. № 2. С. 15–34.

Пассек 1949 – *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 249 с. (МИА. № 10).

Погожева 1973 – *Погожева А. П.* К вопросу о технологии изготовления раннетрипольских статуэток // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 28–34.

Погожева 1983 – *Погожева А. П.* Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск: Наука, 1983. 144 с.

Спицын 1911 – *Спицын А. А.* Скифы и Гальштадт // Сборник археологических статей, поднесенных гр. А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в ИАК. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. С. 155–168.

Gheorghiu 2010 – *Gheorghiu D.* Ritual technology: an experimental approach to Cucuteni-Tripolye Chalcolithic figurines // *Anthropomorphic and Zoomorphic Miniature Figures in Eurasia, Africa and Meso-*

Рис. 5. Антропоморфная пластика культуры Триполье-Кукутени (аналогии): 1–3 – Дрэгушени (Кукутени А) (по Marinescu-Bilcu, Bolomey 2000: fig. 164, 1; 162, 2, 8; 168, 7); 4–6 – Ворошиловка (Триполье ВII) (по Гусев 2009: рис. 4, 4; 6, 2, 3); 7 – Старый Орхей (Кукутени А–В) (по Monah 1997: fig. 129, 2); 8 и 9 – Сороки и Кочержинцы (Триполье СI) (по Погожева 1983: рис. 24, 6 и 22, 7); 10–11 – Трушешти (Кукутени А–В) (по Petrescu-Dîmbovița et al. 1999: fig. 368, 1, 3)

Fig. 5. Anthropomorphic plastics of the Tripolye-Cucuteni culture (analogies):

1–3 – Drăgușeni (Cucuteni A) (after Marinescu-Bilcu, Bolomey 2000: fig. 164, 1, 162, 2, 8; 168, 7); 4–6 – Voroshilovka (Tripolye BII) (after Гусев 2009: fig. 4, 4; 6, 2, 3); 7 – Orheiul Vechi (Cucuteni A–B) (after Monah 1997: fig. 129, 2); 8 and 9 – Soroki and Kocherzhintsy (Tripolye CI) (after Погожева 1983: fig. 24, 6 and 22, 7); 10–11 – Trusheshti (Cucuteni A–B) (after Petrescu-Dîmbovița et al. 1999: fig. 368, 1, 3)

America: Morphology, materiality, technology, function and context. Oxford: Archaeopress, 2010. P. 61–72 (BAR. IS. No. S2138).

Marinescu-Bîlcu, Bolomey 2000 – *Marinescu-Bîlcu S., Bolomey A.* Drăgușeni: a Cucutenian community. Bucharest: Editura Enciclopedică, 2000. 198 p. (Archaeologia Romanica. 2).

Matasă 1946 – *Matasă C.* Frumușica: Village préhistorique a ceramique peinte dans la Moldavie du nord Roumanie. București: Imprimeria Națională, 1946. 167 p.

Monah 1997 – *Monah D.* Plastica antropomorfa a culturii Cucuteni-Tripolie. Piatra-Neamț: Editura Constantin Matasă, 1997. 523 p. (Bibliotheca Memoriae Antiquitatis. 3).

Petrescu-Dîmbovița et al. 1999 – *Petrescu-Dîmbovița M., A. Florescu A., Florescu M.* Trușești: Monografie arheologică. București: Ed. Academiei Române; Iași: Complexul Muzeal Naț. «Moldova», 1999. 812 p.

Schmidt 1932 – *Schmidt H.* Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumänien. Berlin; Leipzig: W. de Gruyter, 1932. 131 S.

STATUETTES FROM THE TRIPOLYAN SETTLEMENT OF NEMIROV (about a type of anthropomorphic figurines)

E. G. Starkova

The paper is devoted to the anthropomorphic statuettes from the Tripolyan settlement of Nemirov, which stand out by their size and form. These are fragments of four massive figurines, the height of which could have exceeded 20–25 cm. The lower parts of all the figurines are cylindrical and flat-based. Two of them were hollow: one completely (fig. 3), while the other combined hollow body and solid legs (fig. 4). The two other figurines were entirely solid (figs. 1, 2). Both hollow and solid figurines with a flat base are widely distributed in time and space (fig. 5). They are particularly numerous at the settlements of the Bug area dated to the late middle and early final stages of the Tripolye BII and CI period (second half of the IV millennium BC). As a rule, the statuettes of this type do not form series and are found in single copies. Though the solid and hollow statuettes with a flat base are usually attributed to the same sub-type (sub-type C₃ after A. P. Pogožheva), it is evident that they had different functions and should be described and classified separately.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ЗАПАДНОГО АРЕАЛА ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)¹

В. В. ТЕРЁХИНА, Н. Н. СКАКУН, Е. В. ЦВЕК

Ключевые слова: *трипольская культура, Западная Украина, история исследований.*

Keywords: *Tripolye culture, West Ukraine, history of research.*

До присоединения к УССР в 1939 г. западноукраинские города Тернополь, Львов, Черновцы (вместе с южнопольским г. Краковом) входили в состав сначала Австро-Венгерской империи, а после ее распада в 1918 г. – Польской Республики, и назывались Восточной Галицией. Другие украинские города Волыни и Подолии входили в состав Российской империи. Граница между империями проходила от Днестра на запад от Каменца-Подольского по Збручу до верховьев р. Горыни и далее на юг от Луцка по Бугу. Это обстоятельство стало причиной того, что археологические исследования в Восточной Галиции в XIX–первой половине XX в. проводились учеными, принадлежавшими разным научным сообществам, коллекции находок были рассеяны по музеям разных стран, а публикации далеко не всегда были доступны коллегам (Булик 2012). Именно поэтому существует острая необходимость рассмотреть вклад всех ученых в изучение трипольской культуры западных регионов Украины (Відейко 2004б).

Характер и масштаб полевых изысканий, а также постановка и решение проблем, связанных с культурно-исторической интерпретацией памятников Триполья на рассматриваемой территории (рис. 1, 2), позволяют выделить четыре этапа исследований.

I этап: 1870-е–1914 г.

Археологические открытия в Восточной Галиции в 1860–1870-х гг. способствовали активизации научного интереса к изучению исторического прошлого этой территории (Булик 2007: 13). Первые известия о древней культуре с расписной керамикой были получены А. Шнайдером (1825–1880). В 1876 г. он издал уникальную археологическую карту Галиции в 10 таблицах, которые содержали данные о большом количестве городищ, крепостей, оборонительных укреплений, могильников, курганов, поселений и других памятников. Он также составил археологический словарь, в который кроме материалов Галиции вошли материалы многих других регионов (Крушельницький 1998: 84–85). Эти данные ценны тем, что дали первое детальное описание и топографию археологических объектов, многие из которых в настоящее время уже полностью уничтожены.

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-90402.

Рис. 1. Карта-схема памятников трипольской культуры, открытых и частично изученных в конце XIX–начале XX в. на территории Западной Украины (по Childe 1923): 1 – Коропец; 2 – Бучач; 3 – Трёмбовля (с 1944 г. Теребовля); 4 – Копычинцы; 5 – Васильковцы; 6 – Выгнанка; 7 – Бильче-Золотое; 8 – Кошиловцы; 9 – Незвиско; 10 – Городница; 11 – Шипинцы; 12 – Езуполь

Fig. 1. Map showing the distribution of the Tripolye sites that were discovered and partly studied in Western Ukraine in the late XIX–early XX centuries (after Childe 1923): 1 – Koropetz; 2 – Buchach; 3 – Trembovlya (Terebovlya since 1944); 4 – Kopychintsy; 5 – Vasilkovtsy; 6 – Vygnanka; 7 – Bilche-Zolotoe; 8 – Koshilovtsy; 9 – Nezvisko; 10 – Gorodnitsa; 11 – Shipintsy; 12 – Ezupol

В 1878 г. А. Шнайдер нашел несколько фрагментов расписных сосудов и трипольские статуэтки в урочище Обоз (Obóz – «Лагерь») около с. Кошиловцы (Тернопольская обл. Украины); керамику он отнес к римскому времени, а статуэтки расценил как изображения богини Флоры (Janusz 1919: 106). В 1906 г. в ходе небольших раскопок, произведенных Л. и Т. Берштейнами, были обнаружены в значительном количестве куски обожженной глины, расписная посуда, костяные и кремневые орудия и статуэтки (Hadaczek 1914b: 5). Приглашенный из г. Черновцы профессор Р. Кайндль (1886–1930), исследовавший другой объект с находками расписной керамики (Шипинцы), также провел здесь небольшие раскопки, которые показали исключительно большое научное значение этого памятника (Kaindl 1908; Janusz 1919: 106–107) и обнаружили его сходство с такими поселениями, как Шипинцы, Городница, Бильче-Золотое (рис. 1). Результаты раскопок заинтересовался В. Пшибыславский, подвергший критическому обзору работы Р. Кайндля и решивший, ввиду важности Кошиловцев, произвести стационарные раскопки большей площадью. Смерть В. Пшибыславского помешала выполнению поставленных задач. Но спустя несколько лет, в 1908–1912 гг. профессор К. Гадачек (1873–1914) осуществил планомерные

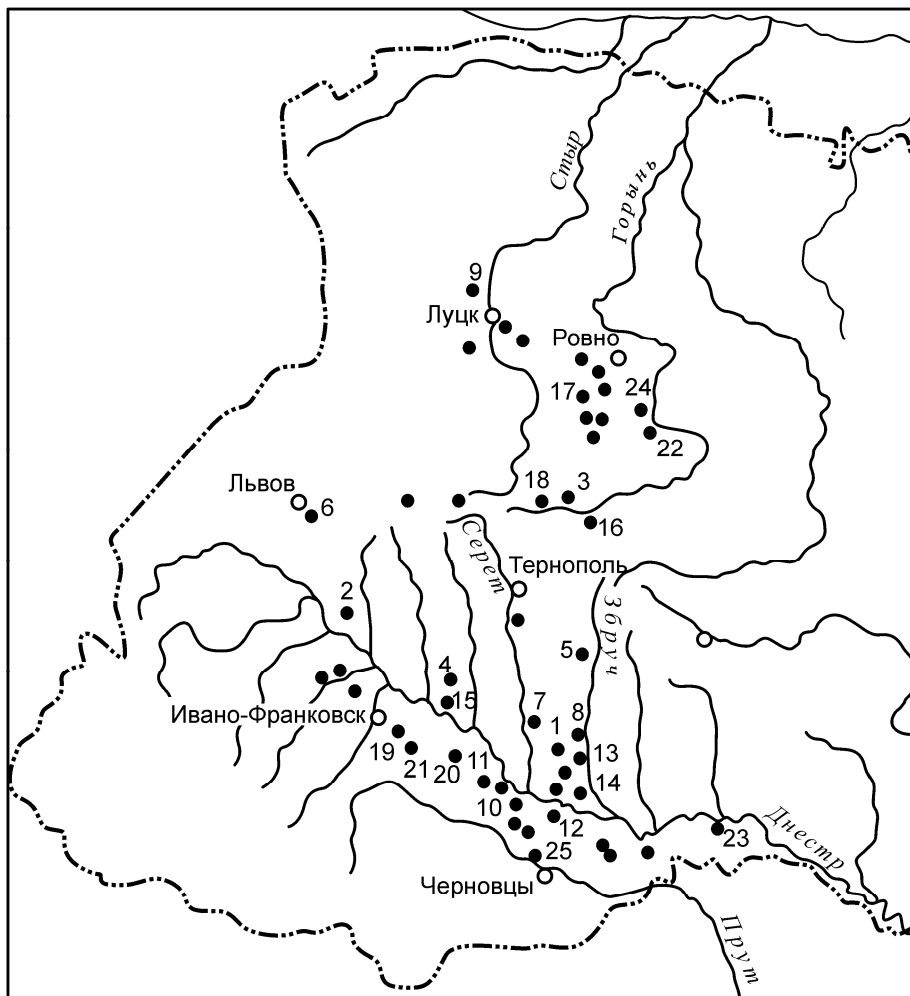

Рис. 2. Карта-схема основных памятников трипольской культуры, изученных к началу XXI в. на территории Западной Украины: 1 – Бильче-Золотое; 2 – Большовцы; 3 – Бодаки; 4 – Бучач; 5 – Васильковцы; 6 – Винники; 7 – Выгнанка; 8 – Глыбочек; 9 – Голышев; 10 – Городница над Днестром; 11 – Городница-II; 12 – Залещики; 13 – Збручанское; 14 – Касперовцы; 15 – Кошиловцы; 16 – Лановцы; 17 – Листвин; 18 – Лозы; 19 – Марковцы-I; 20 – Незвиско; 21 – Одаи-II; 22 – Острог-Земан; 23 – Поливанов Яр; 24 – Хорив; 25 – Шипинцы

Fig. 2. Map of the Tripolye sites in Western Ukraine studied by the beginning of the XXI century: 1 – Bilche-Zolotoe; 2 – Bolshovtsy; 3 – Bodaki; 4 – Buchach; 5 – Vasilkovtsy; 6 – Vinniki; 7 – Vygnanka; 8 – Glybochek; 9 – Golshev; 10 – Gorodnitsa-upon-Dniester; 11 – Gorodnitsa-II; 12 – Zaleschiki; 13 – Zbruchanskoe; 14 – Kasperovtsy; 15 – Koshilovtsy; 16 – Lanovtsy; 17 – Listvin; 18 – Lozy; 19 – Markovtsy-I; 20 – Nezvisko; 21 – Odai-II; 22 – Ostrog-Zeman; 23 – Polivanov Yar; 24 – Khoriv; 25 – Shipintsy

раскопки на этом поселении. Исследователь применил новую для того времени методику исследований, разделив площадь памятника на квадраты со стороной в 2 м. Каждый квадрат тщательно обследовался, землю снимали условными горизонтами на глубину 1–2 м (до материка). На площади 20–25 × 68 м было обнаружено 18 очагов, которые Гадачек посчитал гончарными печами или печами для выпечки хлеба (Janusz 1919: 107; Ляшко, Сохацкий 2004). По мнению исследователя, Кошиловцы представляли собой «гончарное поселение», население которого занималось «в широких размерах гончарством и изготовлением глинобитных грузил для ткачества и прядения, а также лепкой статуэток» (Nadaczek 1914a: 4).

Важно отметить, что в монографии К. Гадачека (Nadaczek 1914b) впервые после открытия культуры были детально описаны результаты полевых исследований, все категории находок, а также проведены некоторые аналогии расписной керамики с неолитическими культурами Фессалии и других областей Средиземноморья. Однако выводы исследователя были подвергнуты критике. Б. Л. Богаевский писал по поводу раскопок Гадачека: «Вряд ли можно согласиться с большинством утверждений Гадачека. Прежде всего, незначительная площадь раскопок, особенно при находке обожженной глины на большей (части. – *Авторы*) вскрытой площади и отсутствие каких бы ни было указаний на границы, определяющие пределы раскопанного участка, как самостоятельного целого, не дают основания для утверждения, что Кошиловцы являлись только поселком гончаров, а не представляли собою обычного трипольского селища. находка гончарных обжигательных печей не подтверждает и не опровергает возражений против него» (Богаевский 1937: 238).

В 1877 г. исследования в Городнице на Днестре были начаты И. Коперницким (1825–1891) и В. Пшибыславским (Kopernicki 1878; 1884; Przybysławski 1879). В 1878–1879 гг., а затем в 1883 г. они проводили раскопки на поселении, которое в литературе известно как Городница-II (рис. 1; Вейдеко 2004a). Здесь в 1895 г. местные крестьяне нашли в сосуде один из самых больших кладов медных изделий трипольской культуры. В состав клада, по данным В. Пшибыславского, входили: медный топор-молот, лезвие небольшого кинжала, браслет, диадема, кольцо, две серьги и 39 бусин (Sulimirski 1961: 91–92).

Существенный вклад в исследования западноукраинских земель внес польский археолог А. Киркор (1818–1886). Он был одним из первых, кто проводил на этой территории разведки и стационарные раскопки поселений культуры расписной керамики (Janusz 1919: 91–95). Ее происхождение А. Киркор связывал с этрусскими влияниями; позднее, изменив свои взгляды, выводил ее истоки из каменного века Древней Греции (Сохацкий 2004: 222).

С 1876 по 1878 г. А. Киркор проводил исследования всемирно известного памятника – пещеры Вертеба у с. Бильче-Золотое на Подолии (Тернопольская обл. Украины) (Janusz 1919: 78–80). В 1890 г. исследования этого памятника продолжили Г. Оссовский (1835–1897) и Л. Сапега (1856–1893). Они изучили коридор пещеры протяженностью 312 м, а затем через год в том же направлении – еще 526 м, но конца его так и не достигли (Ibid.: 80). Во время раскопок были найдены следы большого кострища, орудия труда из камня и оленьего рога, целые сосуды с расписным орнаментом, а также изделия из меди. В эти годы Г. Оссовским был сделан план пещеры Вертеба, который вместе с картой

околиц села Бильче-Золотого в 1882 г. был издан при содействии Л. Сапеги (Сохацкий 1992: 6). Необходимо отметить, что карта коридоров Вертебы была одной из первых профессионально составленных карт пещер на территории современной Украины.

В 1898–1904 гг. и в 1907 г. археологические раскопки в пещере проводил профессор В. Деметрикевич (1859–1937). Именно в это время был найден шедевр трипольских мастеров – костяная пластинка в виде головы быка, с выгравированным на ней женским изображением. Эта небольшая пластинка вошла во многие издания и стала своего рода символом трипольской культуры. В дальнейшем пещеру исследовали Я. И. Пастернак, Я. Чекановский, В. Гребеняк (1914), О. Кандыба (1928), И. К. Свешников (1956) и М. П. Сохацкий (1996–2003, 2011). По количеству и научной значимости находок пещера Вертеба не имела себе равных на Подолии, и поэтому ее называли «Надднепрянской Помпеей» (Janusz 1919: 78; Сохацкий 1992: 6).

В 1884 г. на территории парка Бильче-Золотого были обнаружены остатки трипольских жилищ (как тогда считалось, следы захоронений), а в 1889 г. при содействии владельца усадьбы Л. Сапеги профессор Е. Павлович раскопал их и нашел большое количество расписной керамики и биноклевидный глиняный сосуд (Ossowski 1891: 53).

В 1889–1891 гг. исследования продолжил Г. Оссовский, который раскопал скопления глиняной обмазки, среди которой были найдены фрагменты расписной керамики. Эти скопления он считал местом погребений – своеобразными древними гробницами, сложенными из кирпича. Он сделал рисунок-реконструкцию такого сооружения (Ibid.: fig. 17–19; 1892: fig. 1–6). На тот момент, как отмечал Ф. Волков (1847–1918), Г. Оссовский был единственным автором, представившим в чертежах «разрез сооружений аналогичных трипольских в наших местностях» и написавшим, что «вопрос о назначении трипольских и прочих сооружений того же типа все-таки остается открытым и выясниться, вероятно, только будущими раскопками» (Волков 1900: 137). Сам Ф. Волков в остатках жилищ этой культуры видел «намеки на полуподземные строения современных нам балканских народов и нашу украинскую хату с маленьким надпечным оконцем в затыльной стене и одним надпечным окном на боковой стене» (Чикаленко 2012: 25). Он воспринял общую идею В. Хвойки о назначении трипольских площадок как «домов мертвых», правда, только частично, считая, что эти «точки» (площадки) могли использоваться как жилища, мастерские гончарного производства, а также для захоронения урн с пеплом умерших (Черняков 2006: 66). В. Деметрикевич, в отличие от Г. Оссовского, В. Хвойки и Э. Штерна, одним из первых предложил интерпретировать эти «площадки» как остатки жилищ (Ляшко 2004; Черняков 2006: 64–70; Кузьмищев 2012: 140).

Нерешенным оставался и вопрос о происхождении культуры расписной керамики. Ф. Волков отвергал идею Э. Штерна о том, что на Балканы эта культура пришла с Украины через Фессалию: «в виду находок почти совершенно идентичной с ними культуры в Средней Азии (Ашхабад, Мерв и пр.), на юге Месопотамии (Суза), в Малой Азии (Гиссарлык), на о-вах Архипелага и наконец в Греции и южной Италии, показывает, что в нынешнюю Украину они принесены не с юга, а вероятно всего с востока, и распространялись не по течению рек, а правильно с В на ЮЗ» (Волков 1914: 177).

В 1893 г. под руководством Й. Шомбаты (1853–1943) и Р. Кайндля начались раскопки «Буковинской Трои» – поселения с расписной керамикой, расположенного в с. Шипинцы недалеко от г. Черновцы, которые в 1920-х гг. продолжил Г. Чайлд (Childe 1923). К сожалению, добытый материал был рассредоточен по многим научным учреждениям Вены, Берлина, Бухареста, Праги, Кракова, Львова и Черновцов.

Важно отметить, что полученные результаты исследований во многом зависели от методики раскопок. Одна из первых методических рекомендаций по раскопкам памятников трипольской культуры была дана Ф. Волковым в его статье «По поводу наших неолитических находок с керамикой до-микенского типа» (Волков 1900: 138–141). Автор справедливо заметил, что «наши раскопки заключают в себе не меньше научного интереса, чем самые крупные из западноевропейских, и если они до сих пор не занимают соответственного их важности положения в науке, то только потому, что они не умело производятся, небрежно описываются и очень плохо издаются» (Там же: 141).

Таким образом, на первом этапе археологических исследований западного ареала трипольской культуры были открыты и частично изучены памятники культуры расписной керамики (рис. 1), определено место этой культуры среди европейских культур («до-микенская»), осуществлены первые попытки стратиграфических и хронологических наблюдений, положено начало дискуссии об интерпретации находок крупных скоплений обожженной глины, опубликовано первое монографическое издание о памятнике культуры расписной керамики на территории Восточной Галиции (Nadaczek 1914b).

II этап: 1918–1940 гг.

В 1920-е гг. под руководством профессора Л. Козловского (1892–1944) были проведены раскопки больших трипольских поселений в Бучаче на горе Федор (Тернопольская обл. Украины) и Незвиско (Ивано-Франковская обл. Украины). К сожалению, из-за несовершенства методики раскопок не удалось проследить сложную стратиграфию этих многослойных памятников (Kozłowski 1930: 32–52). Но стоит отметить, что Л. Козловским на материалах глинобитных площадок поселения Незвиско была выдвинута гипотеза об истолковании площадок как остатков жилых построек, сожженных с останками умерших (Ibid.: 30–31). Среди предложенных реконструкций трипольских домов была высказана идея, что эти дома являлись постройками на сваях (Ibid.: 22).

В 1923 г. Л. Козловский вместе с Г. Чайлдом провели раскопки на трипольском поселении Кошиловцы (Обоз). Г. Чайлд побывал также на таких трипольских памятниках, как Шипинцы, Бильче-Золотое, пещера Вертеба. Он изучал коллекции из раскопок памятников трипольской культуры в Варшаве, Кракове, Львове, Вене. Используя эти материалы, исследователь выделил (Childe 1923) три территориальные группы поселений: Восточная (Поднепровье, Подолие), Центральная (Галиция, Бессарабия, Румыния) и Западная (Кошиловцы). Г. Чайлд считал трипольскую культуру одной из ветвей так называемой «дунайской культуры», которая возникла вследствие миграции населения из бассейна Эгейского моря в Среднюю и Юго-Восточную Европу (Чайлд 1952: 206).

В это же время значительный вклад в исследования трипольской культуры сделал О. Кандыба (1907–1944). Будучи еще студентом, он в 1928–1929 гг. про-

вел разведки и раскопки на ряде памятников трипольской культуры: Выгнанка, Городница над Днестром, Бучач, Залезики, Касперовцы, Кошиловцы (Обоз), Лановцы, Новоселка-Костюкова (Кандиба 2007б; Пастернак 1933). На поселении около с. Лановцы Кандыба раскопал остатки наземных глинобитных сооружений, которые однозначно трактовал как остатки уничтоженных пожаром жилищ, а не как ритуально-погребальные комплексы (Кандиба 2007б: 336–339). В 1928 г. Кандыба продолжил исследования пещеры Вертеба в Бильче-Золотом и сумел проследить стратиграфию этого сложного памятника (Там же: 340–343).

В 1930 г. О. Кандыба в своей докторской диссертации «Галицкая расписная неолитическая керамика» сформулировал положение о культуре расписной керамики как об одном из ярких явлений европейского неолита и культуре, которая была одним из форпостов мощной цивилизации Ближнего Востока (Кандиба 2007а). В 1937 г. он опубликовал монографию, посвященную трипольскому поселению Шипинцы на Буковине (Kandyba 1937; Кандиба 2004; Кандиба 2007в). Кандыба первым предложил рассматривать украинскую группу памятников «крашеной керамики» как родственную материалам Молдавии и Трансильвании (Кандиба 2007а: 104; 2007в: 114). Это предположение нашло подтверждение в работах современных исследователей, в которых Кукутень, Ареушд и Триполье рассматриваются как единая культурно-историческая общность. Большой заслугой О. Кандыбы стала разработка периодизации трипольских памятников надднестровского региона и Попрутья (Кандиба 2007в: 114–120). В отличие от слишком общей периодизации Л. Козловского (Kozłowski 1924: 109–152; 1939: 27–37), периодизация Кандыбы до сих пор не утратила своего значения (Majewski 1947; Пасек 1949, 1961; Черныш 1982; Виноградова 1983).

Важным для трипольеведения стало открытие в 1938 г. польским археологом А. Цинкаловским (1898–1983) поселения трипольской культуры у с. Бодаки на севере Тернопольской области Украины. Раскопки были предприняты в 1939 г., но дальнейшие работы прервала война. И. И. Черемыс, участник экспедиции, сообщил, что А. Цинкаловский заложил на памятнике около 10 шурфов размерами 1 × 1 м (Захарук 1953: 4). Основные результаты автору раскопок удалось опубликовать только в 1961 г. (Sunkałowski 1961). К сожалению, текст очень краток, а фотографии не передают всех деталей тех превосходных находок, которые были сделаны в Бодаках (Sunkałowski 1969: tabl. II–V).

В 1940 г. Бодаки посетил М. Л. Макаревич (1901–1988), но в связи с начавшейся войной отчет о проделанной работе не был сдан в архив. Из сообщения на Четвертой научной конференции Института археологии Академии наук СССР известно, что на поселении были открыты глинобитные жилища с керамикой, которые позволили говорить о продвижении культуры с расписной керамикой в значительно более северные районы, чем было известно ранее (Пасек 1946: 164).

Таким образом, основными достижениями второго этапа стали: накопление источниковедческой базы (рис. 2), формулирование положения об отдельных региональных группах культуры, выявление стратиграфии на некоторых памятниках и установление их относительной хронологии, интерпретация различных сторон трипольской культуры (в том числе глинобитных площадок) и публикация монографических исследований (Kozłowski 1930; Kandyba 1937). В целом этот этап по направленности исследований близок одновременным исследова-

ниям трипольских памятников на других территориях кукутено-трипольской общности (Пассек 1938; 1949: 7–21).

III этап: 1947 г. – 80-е гг. XX в.

В этот период намечается заметное отставание исследований Триполья Западной Украины от территорий Южной и Центральной Украины и Молдовы, где развернулись широкомасштабные работы, ставшие впоследствии основным источником при характеристике многих сторон трипольской культуры. В конце 1940-х гг. начинаются исследования одного из эталонных трипольских памятников – Поливанова Яра (Черновицкая обл. Украины), открытого в 1948 г. Т. С. Пассек (1903–1968) в ходе разведок, целью которых были поиски многослойных поселений (Пассек 1951). Монографическое исследование материалов раскопок в Поливановом Яре (Попова 2003) явилось результатом многолетнего кропотливого труда Т. А. Поповой (1931–2006). Детальный анализ стратиграфии позволил выделить на памятнике не три, как предполагалось ранее, а пять поселков трипольского времени. Их керамические комплексы явились основным источником для создания хорошо документированной микрохронологии и периодизации культуры в Поднестровье, где, как и на остальной территории распространения памятников трипольской культуры, большинство поселений однослойные. Прекрасное знание артефактов и широкая эрудиция Т. А. Поповой позволили очертить круг связей населения этого района с другими регионами и носителями соседних одновременных культур, что особенно важно для характеристики энеолитической эпохи Древней Европы (Скакун, Цвек 2011: 316).

В 1951 г. экспедиция ИИМК АН СССР совместно с ИОН АН УССР обследовала ранее открытый Л. Козловским памятник у с. Незвиско (Ивано-Франковская обл. Украины). Раскопки были продолжены в 1953, 1954, 1956 и 1957 гг. (Черныш 1962: 7–8). В 1953 г. на памятнике работала экспедиция ИОН АН УССР под руководством Ю. Н. Захарука (1914–1997). На раскопе площадью 190 м² было прослежено семь культурных слоев различного времени. Исследования нижних слоев проводились под руководством Е. К. Черныш (1935–2005). Два условных нижних слоя – трипольские. В верхнем из них были вскрыты часть мастерской по изготовлению орудий из кремневого сланца, полуземлянка и большая часть наземного жилища. Богатый керамический материал позволил датировать жилища этапом VII трипольской культуры (по периодизации Т. С. Пассек). Трипольское жилище перекрывало лежавшую ниже площадку, относящуюся к этапу VI. Рядом с площадкой была частично вскрыта полуземлянка этого же времени (Черныш 1955: 142).

Последующие годы исследований Незвиско принесли интересный и важный материал – удалось обнаружить не только рабочие места в жилищах, связанные с обработкой кремня, но и коллективную мастерскую, расположенную между домами (Черныш 1962).

В 1952 г. экспедиция под руководством Ю. Н. Захарука обследовала уже известное поселение у с. Бодаки в урочище Бучина. В юго-западной части урочища был заложен небольшой шурф 1 × 0,5 м, глубиной 0,7 м, в котором были обнаружены фрагменты керамики и отходы кремнеобрабатывающего производства. Культурный слой найден не был (Захарук 1953: 3–5). В 1959 г. экспедицией ЛОИА под руководством М. А. Тихановой было проведено обследование верхне-

го течения р. Горынь, в ходе которого на поселении Бодаки была обнаружена не только трипольская посуда, но и керамика X–XI в. (Тиханова 1962: 52–53).

В 1960 г. поселение посетили Т. А. Попова и Е. К. Черныш, работавшие в составе Молдавской экспедиции ИА АН СССР. На месте поселения ими были заложены два небольших раскопа (15 и 8 м²), в одном из которых было открыто сильно разрушенное наземное жилище с глинобитной печью. Исследователи соотнесли керамику из Бодак с керамикой из поселения Незвиско (Попова, Черныш 1967). Гипотеза о выделении памятников типа Бодаки в локальный вариант трипольской культуры (Там же: 179) современными исследованиями не разделяется (Старкова 2011).

Большое научное значение имели раскопки трипольских поселений Сухо-став, Кошиловцы (Тернопольская обл. Украины) и Кунисовцы (Ивано-Франковская обл. Украины), осуществленные в 1952 г. М. Ю. Смишко (1900–1981) и в 1953 г. Ю. Н. Захаруком. Результаты этих раскопок позволили уяснить ряд деталей домостроительства в эпоху позднего Триполья на Верхнем Поднестровье, а найденные в Кошиловцах и Кунисовцах захоронения пережженных костей под полом жилищ дополнили новыми данными разработку вопроса о ритуальном захоронении в жилищах (Кравец 1955).

В 1960–1980-х гг. памятники трипольской культуры изучал Н. А. Пелещин (1932–1999). Полученные данные позволили осветить проблему контактов между населением позднетрипольских поселений Волыни и носителями культуры воронковидных кубков, которое проживало на Западном Буге (Пелещин 1971; 1973; 1974; 1975: 1989). Н. А. Пелещин выделил в междуречье притоков Припяти Стыри и Горыни три локально-хронологические группы памятников: типа Бодаки, типа Хорив и типа Листвин (Пелещин 1989: 16).

Раскопки и разведки на Западной Волыни проводили в 1970–1980 гг. Б. А. Василенко, В. М. Конопля и И. Т. Кочкин (Василенко 1972; Конопля 1988; 1990; Кочкин и др. 1991). Всестороннее исследование материалов новых раскопок, вместе с результатами исследования материалов ранее известных памятников, позволило поставить вопрос о существовании верхнеднестровской локальной группы позднего этапа трипольской культуры (Василенко, Конопля 1985; Конопля 1987). По мнению авторов (Василенко, Конопля 1985: 12), она сложилась в результате переселения в верховья Днестра и Прута трипольских племен Северной Молдавии и Среднего Поднестровья (памятники типа Брынзены III–Кошиловцы), на которые оказало влияние население эпохи энеолита Центральной Европы (культуры тисаполгар, бодрогкерестур, накольчатой керамики и, в некоторой степени, воронковидных кубков).

Таким образом, на третьем этапе среди наиболее важных направлений в исследованиях выделяются развитие методики раскопок поселений большими площадями (рис. 2), выделение групп, типов и локально-хронологических вариантов трипольской культуры и выяснение характера контактов культуры Триполье-Кукутени и одновременных культур «лендельского круга».

IV этап: конец 80-х гг. XX в. – начало XXI в.

Этот этап, в связи с недостаточным финансированием, ознаменовался резким спадом археологических работ на трипольских памятниках. Большинство раскопок носило спасательный характер и лишь немногие являлись планомер-

ными. Тем не менее работы этих лет принесли значимые сведения о культуре Триполье-Кукутени Западной Украины. Так, раскопки последнего десятилетия XX в. в Бучаче, проводившиеся А. С. Сытником, выявили на поселении разнокультурные горизонты, непонятые в свое время Л. Козловским (Ситник 1993; Ситник, Ягодинська 2012).

В 1997 и 2011 гг. М. П. Сохацкий (Сохацкий, Дудар 2004; Сохацкий 2012) провел спасательные раскопки на поселении, открытом в 1968 г. И. П. Геретой (Археологічні пам'ятки... 1981: 233) недалеко от с. Збручанское, в урочище «Соколов» (Тернопольская обл. Украины). Анализ полученного в ходе археологических работ материала позволил исследователям сделать важный вывод о том, что Збручанское было исходным пунктом миграции трипольского населения из Поднестровья в Среднее Побужье и в северном направлении на Волынь (через Бодаки). На основании анализа керамики поселения Збручанское М. П. Сохацкий относит его к первой фазе шипинецкой группы трипольской культуры (Сохацкий, Дудар 2004: 66).

Интересные материалы по залещицкому варианту трипольской культуры этапа VI–VII были получены в ходе раскопок 1991–1995 гг. поселения Глыбочек (Тернопольская обл. Украины), которое было открыто М. П. Сохацким в 1987 г. (Сохацкий 1993; Сохацкий, Дудар 1996). Важной находкой стал клад медных вещей, состоящий из: крюкообразной подвески с ушком, трех колец с заостренными концами, которые заходят один за другой, ромбовидной пластины и шила. Проведенный спектральный анализ медных находок указывает на самородную медь Волыни (Klochko et al. 2000).

Не менее важными для изучения Триполья стали результаты раскопок 1999–2002 гг. на многослойном поселении Большовцы (Ивано-Франковская обл. Украины), проведенных Т. М. Ткачуком. На значительной площади были исследованы комплексы трех типов памятников трипольской культуры: залещицкого, шипинецкого и кошиловецкого. К кошиловецкому времени относится уникальный комплекс захоронения в катакомбе, рядом с которым находилась яма с тремя человеческими черепами и черепом собаки. Некоторые черты обряда захоронения (ориентация скелета, медный кинжал, кости животных) указывают на погребальные традиции люблинско-волынської культуры (Ткачук, Кочкін 2004). Поселение Большовцы является перспективным памятником для изучения взаимосвязей культур Средней Европы в Верхнем Поднестровье.

Отметим, что основным направлением работы Т. М. Ткачука является семиотический анализ трипольско-кукутенских знаковых систем (Ткачук, Мельник 2000).

Материалы раскопок в Винниках, осуществленных в 1997–1998 гг. Н. А. Пелешициным, позволили поставить вопрос о существовании поселений со смешанным составом керамического комплекса населения культуры Триполье-Кукутени этапа СII и культуры воронковидных кубков (Пелешишин 1997; 1998). В этот же период (с 1996 по 2003 г. и в 2011 г.) М. П. Сохацкий продолжал исследования пещеры Вертеба и около нее в Бильче-Золотом. В результате было вскрыто 357 м² (293 м² на поверхности и 64 м² – в девяти разных участках пещеры). Собрана коллекция керамики, антропоморфной и зооморфной пластики, орудия труда из кости, кремня, камня, медный топор, шило и 14 проколов. Интересной находкой является амулет (10 × 10 см) в виде головы быка с мощ-

ными рогами, вырезанный из костяной пластины (Сохацкий 2000; Сохацкий, Суворий 1997).

Особое внимание обращают на себя результаты раскопок 2006 и 2011 гг. энеолитического могильника Острог-Земан (Ровенская обл. Украины), проведенных А. Л. Позиховским (Позіховський, Самолук 2008; Позіховський и др. 2012). Этот памятник уникален тем, что в его погребальных комплексах имеется керамика разных культур. Для первого комплекса керамики, в который входят расписные кубки из хорошо отмученной глины, аналогии известны на трипольско-кукутенских поселениях этапа VII (Незвиско, Бодаки, Коновки, Ворошиловка). Второй комплекс керамики авторы склонны датировать жешувской фазой малицкой культуры, одновременно существовавшей с Триполье-Кукутени этапа VII на этой территории (Позіховський, Самолук 2008: 39).

Небольшие спасательные раскопки трипольских памятников на Западной Украине осуществлены в последнее десятилетие экспедициями Института украиноведения им. И. Крипьякевича НАНУ и Прикарпатского университета им. В. С. Стефаника, а также Острожского и Боршевского краеведческих музеев, и ИА НАНУ (Кочкін 2004; Черняков 2004; Дерех 2011; Сохацкий, Дударь 2011; Дерех 2012).

С 1987 г. и вплоть до настоящего времени раскопки на уже известном поселении-мастерской у с. Бодаки проводит экспедиция ИИМК РАН под руководством Н. Н. Скакун (Скакун 1990; 2004; Скакун и др. 2012). На памятнике была проведена магнитная съемка (Скакун, Тарасов 2000), позволившая определить площадь поселения и выяснить его планиграфию. Результаты археологических раскопок подтвердили данные магнитометрии (Скакун 2004; Скакун и др. 2005).

Итак, четвертый этап исследований трипольской культуры на Западной Украине характеризуется планомерными раскопками поселений, применением геофизических методов исследований, обобщением и классификацией накопленного материала, определением относительной хронологии культуры Триполье-Кукутени и контактов этой культуры с окружающими культурами, а также изучением узловых вопросов трипольеведения.

Таким образом, история изучения памятников западного ареала Триполья позволяет очертить основные направления прошлых и настоящих исследований. Вхождение этих территорий до 1939 г. в состав разных государств наложило свой особый отпечаток на историю археологических исследований трипольской культуры. Материалы многих памятников оказались распыленными по разным музеям Европы, а достижения ее первооткрывателей далеко не всегда оказывались доступны коллегам. Но именно первые исследования этой территории открыли для науки культуру (как тогда ее называли) «крашеной керамики до-микенского типа». Более поздние этапы исследовательских работ принесли важнейшие данные для интерпретации материальной и сакральной сторон трипольской культуры, уровня ее развития, относительной хронологии памятников, путей их распространения, особенностей освоения трипольцами природной среды. В последние годы получены новые материалы для выяснения экономических основ трипольской культуры, характеристики связей северо-западных окраин с центральными памятниками, а также с одновременными европейскими земледельческо-скотоводческими культурами.

Археологічні пам'ятки... 1981 – Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині кам'яного віку. Київ: Наукова Думка, 1981. 312 с.

Богаевский 1937 – *Богаевский Б. Л.* Орудия производства и домашние животные Триполья. Л.: ОГИЗ, 1937. 312 с., 20 табл.

Булик 2007 – *Булик Н. М.* Археологічна наука у Львові у XIX на початку XX століття: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2007. 20 с.

Булик 2012 – *Булик Н. М.* До питання про наукові контакти львівських археологів у XIX – на початку XX століття // МДАПВ. 2012. Вип. 16. С. 478–503.

Василенко 1972 – *Василенко Б. А.* Раскопки поздне трипольского поселения в Ивано-Франковской области // XV наукова конф. Інституту археології, присвячена 50-річчю утворення СРСР: ТД. Одеса: АН УРСР, 1972. С. 103–105.

Василенко, Конопля 1985 – *Василенко Б. А., Конопля В. М.* Верхнедністровська група пам'яток трипольської культури // ТД VI Подільської історико-краєзнавчої конф. Секція археології. Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський державний педагогічний інститут ім. В. П. Затонського, 1985. С. 10–12.

Виноградова 1983 – *Виноградова Н. М.* Племена Дністровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (периодизация, хронология, локальные варианты). Кишинев: Штиинца, 1983. 108 с.

Відейко 2004а – *Відейко М. Ю.* Городнища-ІІ скарб // Енциклопедія Трипольської цивілізації. Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. Т. 2. С. 126–127.

Відейко 2004б – *Відейко М. Ю.* Польові дослідження // Там же. Т. 1. С. 23–55.

Волков 1900 – *Волков Ф.* По поводу наших неолитических находок с керамикой до-микенского типа // АЛЮР. 1900. Т. 2. С. 131–141.

Волков 1914 – *Волков Ф.* Каменный век в России // *Гернес М.* Первобытная культура. Ч. 1. Каменный век (Дометаллические времена. Древний и новый каменный век в Европе. Сходные культуры на др. материках). Приложение 1. Рига: Наука и жизнь, 1914. С. 171–179.

Дерех 2011 – *Дерех О. М.* Рятівні дослідження на багатощаровому поселенні Тербовля VII в м. Тербовля Тернопільської обл. // АДУ 2010. Київ; Полтава, 2011. С. 95.

Дерех 2012 – *Дерех О. М.* Дослідження поселення трипольської культури Сосулівка I на Тернопільщині // АДУ 2011. 2012. С. 418.

Захарук 1953 – *Захарук Ю. М.* Археологічні дослідження на Волині в 1952 р. (Звіт про роботу Волинської експедиції). Львів, 1953 // НА ІА НАН України, ф. 1625, оп. 1952, д. 26.

Кандиба 2004 – *Кандиба О. О.* Шипинці: Мистецтво та знаряддя неолітичного селища. Чернівці: Букрек, 2004. 208 с.

Кандиба 2007а – *Кандиба О.* Галицька мальована неолітична кераміка (Докторська дисертація) // *Ольжич О.* Археологія. Київ: Видавництво імені Ольги Теліги, 2007. С. 20–109.

Кандиба 2007б – *Кандиба О.* Досліди на Галицькому Поділлі в рр. 1928 та 1929 // Там же. С. 335–345.

Кандиба 2007в – *Кандиба О.* Шипинці: Мистецтво та виробы одного неолітичного селища // Там же. С. 110–250.

Конопля 1987 – *Конопля В. М.* Верхнедністровская группа памятников трипольской культуры Украинского Прикарпатья // Задачи советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюз. конф., Суздаль, 1987 г. М.: Наука, 1987. С. 123–125.

Конопля 1988 – *Конопля В. М.* Исследования в Ивано-Франковской области // АО 1986 года. 1988. С. 287–289.

Конопля 1990 – *Конопля В. М.* Рятівні розкопки багатощарової пам'ятки Близанка на Тернопільщині // Охорона та охоронні дослідження пам'яток археології на Україні в 1989 р.: ТД та повід-омл. наук.-практ. семінару, Вінниця, берез. 1990 р. Вінниця, 1990. С. 44–45.

Кочкін 2004 – *Кочкін І. Т.* Одаї XXI // Енциклопедія Трипольської цивілізації. Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. Т. 2. С. 380.

Кочкін і др. 1991 – *Кочкін І. Т., Василенко Б. А., Конопля В. М.* Рятівні розкопки трипольських поселень Марківці-I і Одаї-II // Нові матеріали з археології Прикарпаття і Волині. Львів: Світ, 1991. С. 19–23.

Кравец 1955 – *Кравец В. П.* Изучение поздне трипольских памятников в Верхнем Поднестровье // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4. С. 133–135.

Крушельницький 1998 – *Крушельницький Б.* Археологічні зацікавлення Антоні Шнайдера (1825–1880) // Постаті української археології. Львів, 1998. С. 84–86 (МДАПВ. Вип. 7).

Кузьмищев 2012 – *Кузьмищев А. Г.* Археологические исследования Э. Р. фон Штерна: Березань, Тира, Петрены // *Історія археології: дослідники та наукові центри. Археологія і давня історія України.* Київ, 2012. Вип. 9. С. 139–147.

Ляшко 2004 – *Ляшко С. М.* Штерн Ернст Романович // *Енциклопедія Трипільської цивілізації.* Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. Т. 2. С. 627–628.

Ляшко, Сохацький 2004 – *Ляшко С. М., Сохацький М. П.* Гадачек Карло // Там же. С. 112.

Пассек 1938 – *Пассек Т. С.* Исследования трипольской культуры в УССР за 20 лет // *ВДИ.* 1938. Вып. 1 (2). С. 261–278.

Пассек 1946 – *Пассек Т. С.* Четвертая научная конференция Института археологии Академии наук УССР // *КСИИМК.* 1946. Вып. 12. С. 162–167.

Пассек 1949 – *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений (III–II тысячелетие до н. э.). М.: Изд-во АН СССР, 1949. 248 с. (МИА. № 10).

Пассек 1951 – *Пассек Т. С.* Трипольское поселение Поливанов Яр // *КСИИМК.* 1951. Вып. 37. С. 41–63.

Пассек 1961 – *Пассек Т. С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с. (МИА. № 84).

Пастернак 1933 – *Пастернак Я.* Нові археологічні набутки Музею Н. Т. Ш. у Львові за час від 1929–1932 р. // *ЗНТШ.* 1933. Т. 152. Вип. 2, ч. 2. Енеоліт. С. 8–9.

Пелешишин 1971 – *Пелешишин Н. А.* Раскопки поздне трипольского поселения у с. Листвин на Волини // *АО 1970 года.* 1971. С. 236.

Пелешишин 1973 – *Пелешишин Н. А.* Раскопки у с. Гольшев на Волини // *АО 1972 года.* 1973. С. 321.

Пелешишин 1974 – *Пелешишин Н. А.* Раскопки у с. Гольшев Волинской области // *АО 1973 года.* 1974. С. 326–327.

Пелешишин 1975 – *Пелешишин Н. А.* Раскопки у с. Хорив на Волини // *АО 1974 года.* 1975. С. 335–336.

Пелешишин 1989 – *Пелешишин Н. А.* Население Западной Волини и его этнокультурные связи: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев: ИА АН УССР, 1989. 32 с.

Пелешишин 1997 – *Пелешишин М. А.* Археологічні роботи у Винниках // *АДЛУ.* 1997. Вип. 2. С. 5–21.

Пелешишин 1998 – *Пелешишин М. А.* Археологічні роботи у Винниках 1997 р. // *АДЛУ.* 1998. Вип. 3. С. 103–107.

Позіховський і др. 2012 – *Позіховський О. Л., Бондарчук О. А., Вертелецький Д. Ю.* Дослідження багатшарової пам'ятки в м. Острозі // *АДУ* 2011. 2012. С. 407.

Позіховський, Самолюк 2008 – *Позіховський О. Л., Самолюк В. О.* Енеолітичний кремаційний могильник в околицях Острога на Західній Волині // *Археологія.* Київ, 2008. № 1. С. 28–41.

Попова 2003 – *Попова Т. А.* Многослойное поселение Поливанов Яр: К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье. СПб.: МАЭ РАН, 2003. 240 с.

Попова, Черныш 1967 – *Попова Т. А., Черныш Е. К.* Трипольское поселение у с. Бодаки // *ЗООА.* 1967. Т. 2 (35). С. 173–179.

Ситник 1993 – *Ситник О. С.* Поселення Бучач I і його місце серед трипільського масиву Подністров'я // *Трипільська культура України (до 100-річчя відкриття): ТД та повідомлень міжнародної наук. конф. Львів: Інститут народознавства АН України, 1993. С. 58–60.*

Ситник, Ягодинська 2012 – *Ситник О. С., Ягодинська М. О.* Охоронні розкопки трипільського та слов'янського поселень Бучач // *Земледельцы и скотоводы Древней Европы (Проблемы, новые открытия, гипотезы).* Дополненное издание. Киев: ИА НАНУ; СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 187–201.

Скаун 1990 – *Скаун Н. М.* Вивчення неолітичного поселення-майстерні біля с. Бодаки // *ТД і повідомлень 1-ої Тернопільської обл. наук. історико-краєзнавчої конф. Тернопіль: Тернопільський обласний краєзнавчий музей, 1990. Ч. 1. С. 43.*

Скаун 2004 – *Скаун Н. Н.* Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобработывающие комплексы) // *Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита–бронзы).* СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 57–79.

Скаун і др. 2005 – *Скаун Н. Н., Цвек Е. В., Круц В. А., Матєва Б. И., Корвин-Пиотровский А. Г., Самзун А., Яковлева Л. М.* Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 г. Киев: ИА НАНУ; СПб.: ИИМК РАН, 2005. 124 с.

Скаун і др. 2012 – *Скаун Н. Н., Цвек Е. В., Гусев С. А., Матєва Б. И., Терехина В. В.* Исследования последних лет на трипольском поселении Бодаки // *ЗИИМК.* 2012. № 7. С. 66–74.

Скаун, Тарасов 2000 – *Скаун Н. Н., Тарасов В. А.* Результаты применения магниторазведки и капламетрии при исследовании поселения трипольской культуры Бодаки // *АВ.* 2000. № 7. С. 60–69.

Скакун, Цвек 2011 – Скакун Н. Н., Цвек Е. В. Читая «Поливанов Яр». Рец. на: Попова Т. А. Многослойное поселение Поливанов Яр: К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье. СПб.: МАЭ РАН, 2003. 240 с., ил. // АВ. 2011. № 17. С. 316–322.

Сохацький 1992 – *Сохацький М. П.* З історії археологічних досліджень на Борщівщині // Літопис Борщівщини. 1992. Вип. 1. С. 4–10.

Сохацький 1993 – *Сохацький М. П.* Археологічні роботи Борщівського краєзнавчого музею у 1991–1993 рр. // Літопис Борщівщини. 1993. Вип. 3. С. 10–22.

Сохацький 2000 – *Сохацький М. П.* Дослідження археологічної експедиції Борщівського краєзнавчого музею в печері Вертеба у 1996–1998 роках // Літопис Борщівщини. 2000. Вип. 9. С. 3–10.

Сохацький 2004 – *Сохацький М. П.* Кіркоп Адам Гонорій // Енциклопедія Трипільської цивілізації. Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. Т. 2. С. 221–222.

Сохацький 2012 – *Сохацький М. П.* Звіт про рятівні археологічні дослідження на трипільському поселенні біля с. Збручанське Борщівського району Тернопільської області у 2011 р. Тернопіль, 2012 // НА ІА НАН України, ф. 2011, д. 40.

Сохацький, Дудар 1996 – *Сохацький М. П., Дудар О. В.* Розкопки трипільського поселення біля с. Глибочок Тернопільської області // Матеріали IV Міжнар. археологічної конф. студентів і молодих вчених. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 1996. С. 99–101.

Сохацький, Дудар 2004 – *Сохацький М. П., Дудар О. В.* Дослідження на трипільському поселенні Збручанське // ТД Міжнар. науково-практичної конф. «Древні землероби Європи: нові відкриття та гіпотези». м. Збараж 16–19 серпня 2004 року. Збараж: Державний історико-архитектурний заповідник в м. Збаражі; ПМК РАН, 2004. С. 64–66.

Сохацький, Дударь 2011 – *Сохацький М. П., Дударь О. В.* Дослідження трипільського поселення Васильківці на Тернопільщині // АДУ 2010. Київ; Полтава, 2011. С. 315.

Сохацький, Суrowий 1997 – *Сохацький М. П., Суrowий О. В.* Нові археологічні дослідження в печері «Вертеба» // Akademia на пошану професора Л. А. Коваленка: Історичні дослідження. Кам'янець-Подільський: 1997. Ч. 1. Історичні дослідження. С. 74–78.

Старкова 2011 – *Старкова Е. Г.* Керамические комплексы финала развитого триполья (по материалам поселений Подольской возвышенности и Верхнего Поднестровья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2011. 27 с.

Тиханова 1962 – *Тиханова М. А.* Разведка в районе верхнего течения реки Горыни // Славяно-русские древности. М., 1962. С. 46–53 (КСИА. Вып. 87).

Ткачук, Кочкін 2004 – *Ткачук Т. М., Кочкін І. Т.* Більшівці // Енциклопедія Трипільської цивілізації. Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. Т. 2. С. 53–54.

Ткачук, Мельник 2000 – *Ткачук Т. М., Мельник Я. Г.* Семіотичний аналіз трипільсько-кукутенських знакових систем. Івано-Франківськ: Плай, 2000. 237 с.

Чайлд 1952 – *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Иностранная литература, 1952. 468 с.
Черныш 1955 – *Черныш Е. К.* Раскопки в с. Незвиско, Станиславской области // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4. С. 142–144.

Черныш 1962 – *Черныш Е. К.* К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье (по материалам многослойного поселения у с. Незвиско) // Неолит и энеолит юга европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 5–85 (МИА. № 102).

Черныш 1982 – *Черныш Е. К.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 165–320 (Археология СССР).

Черняков 2004 – *Черняков І. Т.* Острог-Замкова гора // Енциклопедія Трипільської цивілізації. Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. Т. 2. С. 396.

Черняков 2006 – *Черняков І. Т.* Вікентій Хвойка (1850–1914). Київ: Архетип, 2006. 200 с.

Чикаленко 2012 – *Чикаленко Л.* Хведір Кіндратович Вовк як передісторик // Історія археології: дослідники та наукові центри. Археологія і давня історія України. Київ, 2012. Вип. 9. С. 21–25.

Childe 1923 – *Childe V. G.* Shipenitz: a late Neolithic Station with Painted Pottery in Bukowina // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London, 1923. Vol. 53. July to December. P. 263–288.

Cynkalski 1961 – *Cynkalski A.* Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa: Polskie towarzystwo archeologiczne, 1961. 270 s., 31 tabl.

Cynkalski 1969 – *Cynkalski A.* Osiedle kultury Trypolskiej w Bodakach nad Horyniem // Wiadomości Archeologiczne. Warszawa, 1969. T. 34, z. 2. S. 221–227.

Hadaczek 1914a – *Hadaczek Ch.* La colonie industrielle de Koszyłowce (arond.-t de Zalezcyki) de l'époque énéolithique. Album des fouilles. Léopol: Imprimerie de l'ossolineum. Librairie Gubrynowicz et Fils, 1914. 28 p., 33 tabl.

Hadaczek 1914b – *Hadaczek K.* Osada przemysłowa w Koszylowcach z epoki eneolitu. Studya do początków cywilizacji w połud.-wschod. Europie. Lwów, 1914. 79 s., 10 tabl. (Archiwum naukowe wydawnictwo Towarzystwa dla popirania nauki Polskiej. Dział I, T. 7, z. 2).

Janusz 1919 – *Janusz B.* Kultura przedhistoryczna Podola Galicyjskiego. Lwów: Wydawnictwo Polskie, 1919. 172 s.

Kaindl 1908 – *Kaindl R. Fr.* Neolithische Funde mit bemalter Keramik in Koszylowce (Ostgalizien) // *Jahrbuch für Altertumskunde.* Wien, 1908. Bd 2. Hf. 2–3. S. 144–150.

Kandyba 1937 – *Kandyba O.* Schipenitz: Kunst und Geräte eines neolithischen Dorfes. Leipzig; Wien: Schroll und Keller Verlag, 1937. 154 s., 574 abb., 8 fototafeln (Bücher zur Ur- und Frühgeschichte. Bd 5, Gr. 8).

Klochko et al. 2000 – *Klochko V., Manichev V., Kvasnista V., Kozak S., Demchenko L., Sokhatskij M.* Issues concerning tripolye metallurgy and the virgin copper of Volhynia // *The Western Border Area of the Tripolye Culture.* Poznań, 2000. S. 168–186 (Baltik–Pontik Studies. Vol. 9).

Kopernicki 1878 – *Kopernicki J.* Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem, wspólnie z p. Władysławem Przybysławskim, Człon. Kom. antrop. i arch. dokonane w roku 1877 // *ZWAK.* 1878. T. 2. S. 19–72.

Kopernicki 1884 – *Kopernicki J.* Dalsze poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem przez p. Wład. Przybysławskiego w latach 1878–1882 // *ZWAK.* 1884. T. 8. S. 3–32.

Kozłowski 1924 – *Kozłowski L.* Młoda epoka kamienna w Polsce (Neolit). Lwów: Towarzystwo naukowe; Uniwersytet Jagielloński, 1924. 242 s., 30 tabl.

Kozłowski 1930 – *Kozłowski L.* Budowli kultury ceramiki malowanej (w świetle badań przeprowadzonych w Koszylowcach, Niezwiskach i Buczaczu). Lwów: Towarzystwo naukowe; Uniwersytet Jagielloński, 1930. 63 s.

Kozłowski 1939 – *Kozłowski L.* Zarys pradziejów Polski Południowo-Wschodniej. Lwów: Związek Polskich towarzystw naukowych we Lwowie, 1939. 104 s. (Polska Południowo-Wschodnia. T. 1).

Majewski 1947 – *Majewski K.* Studia nad kulturą trypiłską // *Archeologia: Rocznik Towarzystwa Archeologicznego we Wrocławiu, poświęcony historii sztuki i kultury materialnej.* Wrocław, 1947. I. S. 93–138.

Ossowski 1891 – *Ossowski G.* Sprawozdanie drugie z wycieczki paleoetnologicznej po Galicji (w roku 1890) // *ZWAK.* 1891. T. 15. S. 3–88.

Ossowski 1892 – *Ossowski G.* Sprawozdanie trzecie z wycieczki paleoetnologicznej po Galicji (w roku 1891) // *ZWAK.* 1892. T. 16. S. 63–96.

Przybysławski 1879 – *Przybysławski Wl.* Ustęp z poszukiwań archeologicznych w Horodnicy nad Dniestrem dokonanych w r. 1878 // *ZWAK.* 1879. T. 3. S. 70–73.

Sulimirski 1961 – *Sulimirski T.* Copper Hoard from Horodnica on the Dniester // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.* Wien, 1961. Bd 91. P. 91–97.

PRINCIPAL DIRECTIONS IN THE STUDY OF THE WESTERN AREA OF THE TRIPOLYE CULTURE (an historiographical essay)

V. V. Terekhina, N. N. Skakun, E. V. Tsvek

The history of the study of the Tripolye sites in the western regions of Ukraine can be subdivided into four stages, each of which is marked by certain achievements. Ist stage: 1870-es–1914; IInd stage: 1918–1940; IIIrd stage: 1947–1980-es; IVth stage: late 1980–early 2000-es. The first explorations resulted in the discovery of new archaeological objects, which gave rise to the discussion about the interpretation of adobe constructions and functions of the settlements. The questions related to chronology, periodization, and excavation methodology were discussed as well. However, this activity was irregular and spontaneous, and the materials of many sites were scat-

tered over different museums of Europe. The later stages of research gave very important data about the material and sacral components of the Tripolye culture, as well as its development, ways of adaptation to natural conditions, relative chronology of the sites, and their distribution. In the last years, the systematic excavations conducted at the reference site of Bodaki shed an important light on the economic basics of Tripolye. They gave also new materials for reconstructing the connections between the northwestern and central areas of the culture, and its connections with the coeval farming-herding cultures of Europe.

СОСТАВНОЙ ДОЛЬМЕН В БАССЕЙНЕ р. СОЧИ

Е. В. ГАЛИЩЕВА, К. А. ГЛАЗОВ

Ключевые слова: бассейн р. Сочи, составной дольмен на хр. Ажек, период средней бронзы.

Keywords: Sochi river basin, composite dolmen on the Azhek ridge, Middle Bronze Age.

Первое упоминание о дольменах в бассейне р. Сочи (Краснодарский край) относится к 1978 г., когда В. И. Марковин, ссылаясь на информацию, полученную в 1967 г. сочинскими краеведами К. Ф. Иванцевым и П. М. Голубевым, отметил, что «при впадении р. Иегош в р. Сочи <...> имеются четыре плиточных дольмена. От них видны лишь перекрытия» (Марковин 1978: 44). К сожалению, в тексте не указано, какая из пяти рек Иегош, впадающих в р. Сочи, имелась в виду. Многочисленные экспедиции СОРГО, организованные для поиска этих дольменов, не принесли пока результатов. Между тем сведения из книги В. И. Марковина перекочевали в «Каталог историко-культурного наследия Сочи» (Каталог... 1997: 65) и в Государственный реестр памятников (Перечень..., д. 114, № 3063).

Нужно заметить, что дольмены Иегоша – не единственные памятники в бассейне р. Сочи, информация о которых поступает от туристов, охотников и лесников. В частности, у авторов имеются непроверенные устные сообщения о том, что на склонах гор Сахарная-Амуко туристы заметили, по крайней мере, два корытообразных дольмена, а в верховьях р. Ажек видели плиту со следами обработки. Поиск подобных сооружений в бассейне р. Сочи представляет большой интерес, так как этот район является частью «белого пятна» между дольменными группами по р. Шахе и дольменами Медовеевки и Красной Поляны.

По состоянию на 2014 г. в бассейне р. Сочи зафиксирован только один дольмен составного типа, расположенный на западном склоне хр. Ажек у подножья г. Сахарная в старом ореховом саду. Памятник обнаружили члены СОРГО В. Л. Ксенофонтов и Б. А. Тарчевский при проверке информации охотников. В 1997 и 2003 гг. экспедиция СОРГО с участием Б. А. Тарчевского, В. Л. Ксенофонтова и А. П. Солодько обследовала этот объект. Его обмерили, провели глазомерную съемку подходов к нему и нанесли памятник на карту (1 : 25000) (Тарчевский 1952–1999; 2000–2014). Сведения о нем опубликованы (Кондраков 2002: 21, № 50; Лоншакова, Солодько 2007: 26–27, 68).

В 2007 г. К. А. Глазов организовал экспедицию к дольмену (проводник П. А. Руденко, уроженец пос. Ажек), в рамках которой осуществили детальные обмеры сооружения. Материалы экспедиции переданы в архив Музея истории города-курорта Сочи. На их основании составлена учетная карточка на этот археологический объект (Учетные карточки... 2008). В январе 2011 г. новое исследование дольмена было дополнено фотофиксацией.

В настоящее время памятник полуразрушен. Его фасад ориентирован вниз по склону, в сторону бассейна р. Ажек, азимут 256°. По имеющейся информа-

ции, дольмен был взорван в 1980-х гг. охотниками. Сохранились задняя стена и нижний ярус юго-восточной стены, заглубленные в склон. Фасад, перед которым в радиусе 5–10 м разбросаны фрагменты плит, и западный угол сооружения сильно повреждены.

В тыльной части памятника блоки, составляющие стену камеры, расположены в три ряда, но последующая реконструкция позволила определить, что блоки третьего яруса являются обломками плиты перекрытия (рис. 1, 2). Камера дольмена, имеющая подковообразную форму, образована двумя ярусами блоков. Ее фасад оформлен двумя вертикально установленными блоками с пазами, которые фиксировали переднюю плиту дольмена (рис. 1, 1), пострадавшую от взрыва. В целостности сохранилась лишь ее верхняя часть, имевшая высоту 90 см по юго-западной грани, северо-западная грань плиты сколота. Ширина передней плиты составляет 170 см, толщина – до 25 см. В 60 см от ее юго-западной грани располагается верхняя часть входного отверстия, которое размещено асимметрично. Диаметр отверстия равняется примерно 37 см.

Юго-западный порталый блок в настоящее время сколот в своей верхней части. Он возвышается на 90 см над уровнем дна камеры. Длина блока по верху составляет 83 см, толщина – 40 см. На расстоянии 20 см от его передней грани высечен паз глубиной до 7 см, который по всей высоте имеет ширину 28 см. Края паза скруглены.

Частично поврежденный взрывом северо-западный порталый блок лежит на земле. Его максимальная высота достигает 130 см, ширина – 90 см. На внутренней стороне блока на расстоянии 30 см от его переднего края выбит паз шириной 25–30 см и глубиной 6–7 см. Судя по размерам этого блока, фасадная плита и юго-западный порталый блок также имели высоту около 130 см.

Как указано выше, подковообразная камера дольмена сложена из каменных блоков, размещенных в два яруса. Нижний ярус, включающий шесть блоков, практически не потревожен, верхний ярус частично разрушен. Блоки тщательно подогнаны друг к другу и уложены с перекрытием швов (рис. 1, 2). Внутренняя поверхность каменной кладки грубо обработана пунктирными точечными ударами и не зашлифована.

Ниже приведены размеры блоков, из которых сложена камера. Они пронумерованы против часовой стрелки, начиная с юго-западного переднего угла склепа.

Блок № 1 (нижний ярус) имеет длину 148 см, высоту – 92 см и толщину – около 60 см. На его передней части лежит другой блок (80 × 20 × 84 см), представляющий собой, скорее всего, фрагмент перекрытия дольмена. На задней части нижнего блока лежит блок второго яруса (90 × 40 × 60 см). Далее находится еще один блок (45 × 40 × 35 см).

Блок № 2 (нижний ярус) имеет размеры 90 × 68 см. На нем с частичным перекрытием шва расположен другой блок (80 × 50 см), а сверху – фрагмент перекрытия склепа (100 × 30 × 70 см).

Тыльная сторона камеры сложена из следующих блоков: внизу располагался блок № 3 (100 × 70 см), на нем находится еще один блок (70 × 50 см), выше лежит расколотый на две части фрагмент перекрытия дольмена (150 × 40 × 34 см).

Блок № 4 (нижний ярус) имеет размеры 114 × 60 см, на нем с перекрытием шва расположены два блока (70 × 66 см и 94 × 70 × 45 см).

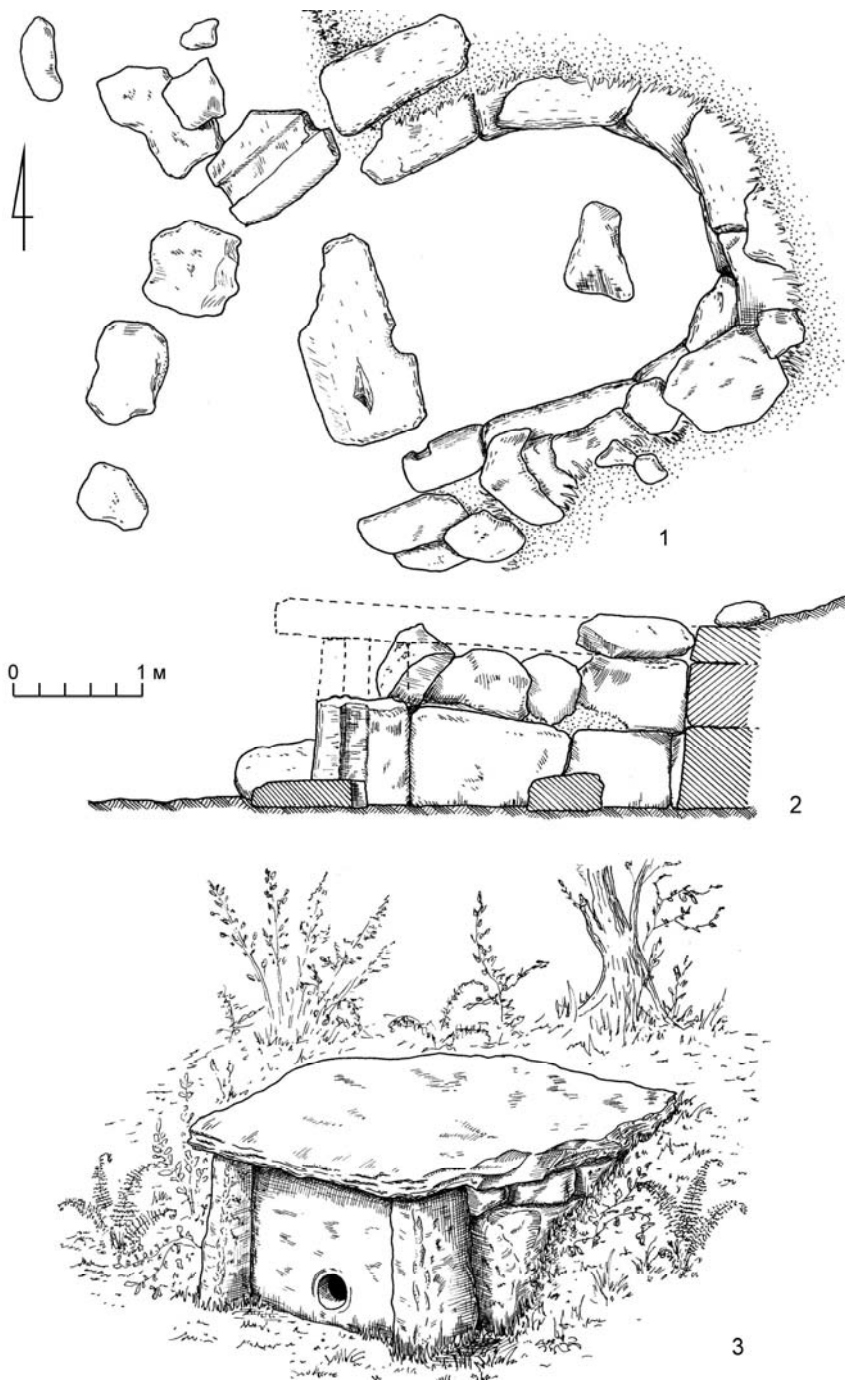

Рис. 1. Дольмен на хр. Ажек: 1 – план; 2 – продольный разрез; 3 – реконструкция
Fig. 1. Dolmen on the Azhek ridge: 1 – plan; 2 – longitudinal section; 3 – reconstruction

Блоки № 5 и № 6 (нижний ярус) имеют размеры 80×54 см и $104 \times 55 \times > 40$ см. Ранее на блоке № 6 стоял блок второго яруса ($120 \times 77 \times 40$ см), выпавший после взрыва из камеры.

К северо-западу от входа в дольмен лежит еще один блок ($110 \times 30 \times 66$ см). Судя по его ширине, он являлся частью плиты перекрытия. Кроме того, перед фасадом лежат два других блока ($84 \times 50 \times 73$ см и $100 \times 30 \times 54$ см), а внутри камеры – блок неправильной формы ($100 \times 40 \times 53$ см).

Камера дольмена имела длину около 280 см и ширину – 240 см, ее высота в тыльной части составляла около 120 см.

Проведенные в 2007 и 2011 гг. исследования памятника у г. Сахарная позволили сделать его модельную реконструкцию. Суть метода заключается в том, что по замерам, зарисовкам и фотографиям изготавливаются масштабные копии деталей и элементов дольмена, из которых он затем и собирается. Работы в данном направлении были начаты в 2009 г. (Глазов 2009: 50). В соответствии с такой технологией была изготовлена модель дольмена, находящегося на Солоницком хр., а также Большого Солохаульского дольмена, выявленного нашей экспедицией в 2005 г. (Галищева, Глазов 2007).

Полная модельная реконструкция дольмена на хр. Ажек еще не завершена, но уже воссоздан внешний вид памятника (рис. 1, 3), конструкция которого находит ближайšie аналогии в составных дольменах Гузерипля (Марковин 1997: 244–250). При сравнении дольменов Гузерипля и склепа на хр. Ажек (таблица; рис. 2) видно, что основные конструктивные особенности и ориентация памят-

Т а б л и ц а

Сравнение конструкции дольменов на хр. Ажек и у пос. Гузерипль

	Дольмен на хр. Ажек	Дольмен № 1, пос. Гузерипль	Дольмен № 2, пос. Гузерипль
Сохранность	полуразрушенный	целый	полуразрушенный
Тип	составной	составной	составной
Ориентация	западная	западная	западная
Размеры фасадной плиты (высота $\times$ ширина, в см)	$130^* \times 170\text{--}180^*$	$230 \times 225\text{--}245$	$210^* \times 214^*$
Форма и размеры лаза (см)	круглый (?) ($37^* \times 37^*$)	круглый (38×40)	круглый (38×38)
Расстояние от верха плиты до верха лаза (см)	80^*	170	$120\text{--}130^*$
Боковые порталные блоки (длина $\times$ высота, в см)	$83 \times 130^*$, 90×130	$170 \times 220\text{--}245$, $158 \times 220\text{--}245$	111×222 , 109×210
Форма и размеры камеры, (длина $\times$ ширина, в см)	подковообразная, сужающаяся к фасаду (280×240)	подковообразная, сужающаяся к фасаду (370×267)	овальная (310×400)
Блоки камеры (к-во ярусов/к-во блоков в ярусе)	$2/6 + 7(?)$	$4\text{--}2/? + 6 + 2 + ?$	$3\text{--}4/? + 6 + ? + ?$
Перекрытие (размеры, в см)	отсутствует	2 плиты (510×390 ; 335×160)	отсутствует
Дворик	не выявлен	не выявлен	имеется (?)
Ограда-кромлех	не выявлена	диаметром 12 м	не выявлена

* Размеры восстановлены по косвенным признакам.

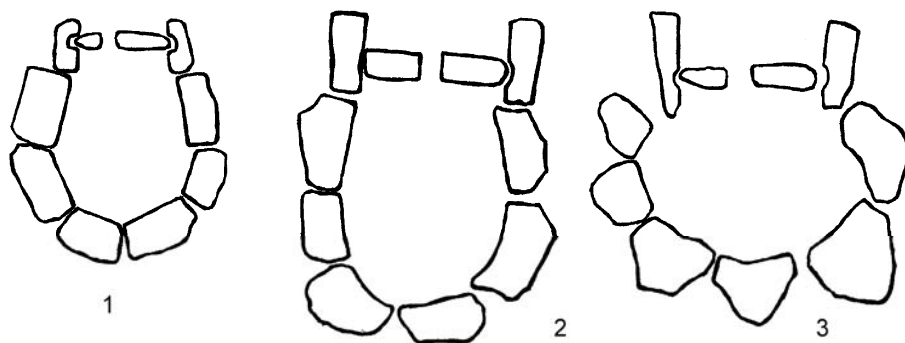

Рис. 2. Конструкции дольменов: 1 – дольмен на хр. Ажек; 2 и 3 – дольмены № 1 и № 2 у пос. Гузерипль

Fig. 2. Construction of dolmens: 1 – dolmen on the Azhek ridge; 2 и 3 – dolmens 1 and 2 near the present day settlement of Guzeriply

ников сходны. Конечно, камеры дольменов № 1 и № 2 у пос. Гузерипль имеют большие размеры, чем камера дольмена у г. Сахарная. Однако особенности конструкций всех упомянутых памятников (круглая или подковообразная камера, обрамленная спереди вертикальными порталными блоками, в пазах которых зафиксирована фасадная плита) ставят эти дольмены в один ряд. Аналоги подобной конструкции на территории Большого Сочи пока не выявлены.

Предварительный анализ карты-схемы распространения дольменов на Западном Кавказе (Марковин 1978: 20) показывает, что для района Сочи–Туапсе локализируются два «коридора», вдоль которых могло идти взаимодействие носителей дольменной культуры Черноморского побережья и Прикубанья: Гойтхский перевал на севере и на юге район Гузерипля по долине р. Белой и Березовой с выходом в верховья Шахе и на Красную Поляну. Поэтому сходство конструкций составных дольменов Гузерипля и хр. Ажек, вероятно, не случайно.

Несмотря на то что в бассейне р. Сочи зафиксирован только один памятник, поиски здесь других дольменов перспективны. Через данный район проходил важный путь Бзогу–Ажек–Иегош–Медовеевка–Красная Поляна, на котором расположены дольменная группа «Три дуба» на р. Шахе, дольмен на хр. Ажек, группы «Ровнота» и «Носовцева поляна» в районе пос. Медовеевка, а также дольмены Красной Поляны.

Галишева, Глазов 2007 – Галишева Е. В., Глазов К. А. Новые данные по Солохаульской дольменной группе // Доклады СОРГО. Сочи: СОРГО, 2007. Вып. 4 (подготовлен к 50-летию отделения, 1957–2007 гг.). С. 154.

Глазов 2009 – Глазов К. А. Создание базы данных дольменов Сочи и попытка реконструкции разрушенных памятников // Материалы Всеросс. научно-практ. конф., посвящ. 100-летию курорта Сочи. Сочи: Редакционно-издательский отдел Сочинского ГУ, 2009. С. 195.

Каталог... 1997 – Каталог историко-культурного наследия Сочи / Гусева А. В., Карацуба М. К. (ред.). Краснодар: Краснодарские известия, 1997. 104 с.

Кондряков 2002 – Кондряков Н. В. Тайны сочинских дольменов. Сочи, 2002. 129 с.

Лоншакова, Солодъко 2007 – Лоншакова Н. В., Солодъко А. С. Природное и историко-культурное наследие Хостинского района города Сочи. Сочи: Омега-Принт, 2007. 112 с.

Марковин 1978 – *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.

Марковин 1997 – *Марковин В. И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. Пушино: Объединенное научно-техническое издательство Пушинского научного центра РАН, 1997. 403 с.

Перечень... – Перечень выявленных объектов археологического наследия г. Сочи // АМИГКС, ф. 1, д. 114.

Тарчевский 1952–1999 – *Тарчевский Б. А.* Дневник походов, экспедиций, восхождений. Ч. 1. 1952–1999 гг. Поход № 88. Личный архив.

Тарчевский 2000–2014 – *Тарчевский Б. А.* Дневник походов, экспедиций, восхождений. Ч. 2. 2000–2014 гг. Поход № 129. Личный архив.

Учетные карточки... 2008 – Учетные карточки на памятник бронзового века (дольмены) // АМИГКС, ф. 1, д. 76.

COMPOSITE DOLMEN IN THE SOCHI RIVER BASIN

E. V. Galishcheva, K. A. Glazov

As of 2014, only one dolmen of the composite type has been known in the Sochi river basin (Krasnodar region). It is situated on the western slope of the Azhek ridge, near the foot of Sakharnaya mountain. According to the available information, it was blown up by hunters in the 1980-es. Its rear wall and the lower tier of the southeastern wall, embedded into the slope, are still in place. The front face and western corner of the construction are severely damaged. In the rear part of the monument the blocks forming the wall of the chamber are placed in three rows, but the reconstruction has shown that the blocks of the third tier are fragments of the ceiling slab (fig. 1, 2). The horseshoe-shaped chamber is formed by two tiers of blocks, its front face consists of two vertically set grooved blocks which locked the position of the front slab (fig. 1, 1) damaged by the explosion. Only its upper part is intact. The lower tier of the chamber consisting of six stone blocks remains almost undisturbed, while the upper one is partly destroyed. The stone blocks were carefully matched to one another and laid with overlapping joints (fig. 1, 2). The works conducted in 2007 and 2011 allowed to provide a model reconstruction of the dolmen. First the copies of its details and elements were manufactured, and then they were assembled. The full model reconstruction is not yet finished, but the outer appearance of the monument has already been recreated (fig. 1, 3). The closest analogies can be found among the composite Dolmens of Guzeripl (table; fig. 2). Of course, the chambers of dolmens 1 and 2 from Guzeripl are bigger than that of the dolmen neat Mount Sakharnaya, but the constructive details in all three cases are very similar (circular or horseshoe-shaped chamber with vertically set grooved portal blocks, locking the position of the front slab). No analogies to this construction has yet been found in the Big Sochi area.

ИСТОРИКО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КИНЖАЛОВ ИЗ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА АЗЕРБАЙДЖАНА

А. М. ГАСАНОВА

Ключевые слова: *кинжалы, металлургия, средний бронзовый век, Азербайджан.*

Keywords: *daggers, metallurgy, Middle Bronze Age, Azerbaijan.*

В настоящей работе изложены результаты историко-аналитического исследования кинжалов, выявленных на памятниках среднего бронзового века на территории нынешнего Азербайджана.

Речь идет, в основном, о закавказском типе кинжала с плоским кованым клинком. Это оружие имеет плоский короткий с отверстиями, иногда зубчатый язычок для крепления деревянной или костяной рукоятки, причем на многих кинжалах рукоятки не сохранились. Встречаются полые ажурные с вырезанными треугольниками металлические набалдашники полушаровидной формы. Данные кинжалы характеризуются широкими полукруглыми плечиками и подтреугольным дулезвийным ребристым или выпуклым клинком, который постепенно сужается к закругленному или треугольному концу.

Реже встречаются переднеазиатские кинжалы, представляющие собой узкие удлиненные клинки с рамочной рукояткой. Вдоль средней части клинка располагаются от одного до трех параллельных валиков. Рукояти кинжалов имеют полушаровидное или прямоугольное навершие. На территории Азербайджана (Нахичеванская АР) зафиксировано шесть таких кинжалов (два экземпляра происходят из каменных ящиков Кызылванка, четыре – из погребений около г. Джульфа). Это оружие датируется XVII–XV вв. до н. э. (Алиев 1991: 92).

Почти все анализируемые кинжалы отлиты с последующей проковкой и заточкой лезвий. Для рассматриваемого периода изучено 35 кинжалов, основная часть которых представлена клинками. Некоторые кинжалы сохранили ободки и рукоятки с набалдашниками. Почти все экземпляры имеют удовлетворительную сохранность, их поверхность покрыта патиной, некоторые сильно окислены. Проба, взятая на анализ, представляет собой порошок окислов и металла. Длина рассматриваемых образцов оружия колеблется от 6 до 20 см, а вес варьирует от 19,5 до 412,7 г. Анализируемые кинжалы датируются от середины III до середины II тыс. до н. э.

Основное количество кинжалов происходит из погребальных памятников (курганы, каменные ящики, грунтовые, в том числе впускные захоронения). Находки в захоронениях значительного количества металлических изделий, включая кинжалы, говорят о том, что в исследуемую эпоху металл активно использовали в сакральной сфере (Авилова 2012: 10–11). Металлопроизводство носило культовый характер и подчинялось потребностям социальной элиты, которая стимулировала его развитие.

Таблица

Результаты количественного спектрального анализа металла кинжалов
из памятников среднего бронзового века Азербайджана

№ п/п	Предмет (вес в граммах)	Содержание элементов (%)											Дата	Тип сплава
		Sn	Pb	Zn	As	Sb	Au	Ag	Bi	Ni	Co	Fe		
1	Клинок кинжала (78)	3,2	0,16	–	1,03	0,02	–	0,16	–	0,089	0,002	0,64	середина III тыс. до н. э.	Cu-Sn-As
2	Фрагмент кинжала (32,5)	0,3	0,28	0,55	0,5	0,2	0,12	–	0,05	0,38	0,006	0,1		Cu-As-Zn
3	Клинок кинжала (41,3)	0,53	0,2	0,03	0,1	0	0,12	–	0,03	0,22	–	0,15		Cu-Sn
4	Кинжал (211)	0,015	0,1	0,2	1,4	0,15	–	–	0,025	0,007	–	0,05		Cu-As
5	Кинжал (215)	0,03	0,05	0,05	0,53	0,2	0,015	0,12	0,02	0,005	–	0,1	вторая половина на III тыс. до н. э.	Cu-As
6	Кинжал (373,2)	0,03	0,22	–	0,47	–	0,012	0,01	0,03	0,003	–	0,15		Cu-As
7	Кинжал (378,5)	0,2	0,2	–	0,55	0,2	–	0,005	–	0,005	–	0,32		Cu-As
8	Кинжал (375,1)	0,03	0,21	–	0,57	0,05	–	0,11	–	0,001	–	0,11		Cu-As
9	Кинжал (41)	0,005	0,03	0,005	2,11	0,03	0,0015	0,044	0,1	0,006	0,006	0,35		Cu-As
10	Кинжал (225)	1,0	–	–	0,4	0,7	–	–	0,01	0,06	0,004	0,1		Cu-Sn-Sb
11	Кинжал (281)	9,35	0,55	–	0,71	–	–	0,019	–	0,004	–	0,12		Cu-Sn-As-Pb
12	Кинжал (311)	8,1	0,39	–	0,2	–	–	0,07	–	0,004	–	0,12		Cu-Sn
13	Кинжал (154)	6,95	0,02	–	0,04	0,02	–	0,012	–	0,002	–	0,5		Cu-Sn
14	Кинжал (90,7)	0,03	0,018	0,3	0,86	0,02	0,007	0,01	0,008	0,02	–	0,3	начало II тыс. до н. э.	Cu-As
15	Кинжал (278)	6,35	0,37	0,002	0,81	0,05	0,0005	0,0036	0,001	0,01	0,006	0,005		Cu-Sn-As
16	Кинжал (275)	8,4	0,04	–	0,35	–	–	0,1	–	0,001	–	0,45		Cu-Sn
17	Кинжал (273)	0,008	0,005	–	3,73	0,02	–	0,0016	–	0,1	0,004	0,12		Cu-As
18	Кинжал (272)	5,87	0,6	–	0,56	0,06	0,0005	0,002	0,002	0,01	0,0005	0,1		Cu-Sn-As-Pb
19	Клинок кинжала (19,5)	0,006	0,08	–	0,2	0,007	0,001	0,0005	0,007	0,015	0,1	0,15		Cu
20	Лезвие кинжала (47)	10,0	0,2	–	0,25	0,025	–	0,006	–	–	0,015	0,08		Cu-Sn
21	Кинжал (64,2)	4,1	0,07	0,01	0,01	0,02	–	0,004	0,009	0,025	0,3	0,005		Cu-Sn
22	Кинжал (182)	0,03	0,22	–	0,47	–	0,012	0,01	0,03	0,003	–	0,1		Cu-As
23	Кинжал (300)	0,2	0,82	0,1	0,5	0,03	–	0,05	0,02	0,03	0,005	0,2	XVIII– XVI вв.	Cu-Sn-As-Pb
24	Фрагмент кинжала (6)	8,5	0,55	0,1	0,41	0,3	–	0,05	0,005	0,03	0,005	0,3		Cu-Sn-Pb
25	Кинжал (268)	0,02	0,05	0,5	1,45	0	–	0,062	0,031	0,05	0,007	0,02	до н. э.	Cu-As
26	Лезвие кинжала (195)	3,65	0,3	–	0,15	0,07	–	0,03	0,01	0,06	0,008	0,3		Cu-Sn
27	Набалдашник кинжала (42)	3,45	0,2	–	0,1	0,1	–	0,04	0,015	0,05	0,008	0,2		Cu-Sn
28	Лезвие кинжала (174)	8,05	0,38	–	0,053	–	–	0,075	0,006	0,0058	0,005	0,02		Cu-Sn

№ п/п	Предмет (вес в граммах)	Содержание элементов (%)											Дата	Тип сплава
		Sn	Pb	Zn	As	Sb	Au	Ag	Bi	Ni	Co	Fe		
29	Кинжал (412,7)	3,5	0,05	0,02	—	—	—	—	0,01	0,005	0,007	0,45	XV–XIV вв. до н. э.	Cu-Sn
30	Лезвие кинжала (378)	0,5	—	—	—	0,02	—	0,001	—	0,01	0,01	0,04		Cu-Sn
31	Рукоятка кинжала (378)	11,1	1,15	0	0,85	0,3	—	0,034	0,005	0,15	—	0,15		Cu-Sn-As-Pb
32	Кинжал (93,5)	3,1	0,03	0	1,5	0,3	0,005	—	—	0,002	0,1	0,11		Cu-Sn-As
33	Облодок кинжала (160)	10,0	0,4	0,07	1,5	2,0	—	0,049	0,007	0,006	0,007	0,6		Cu-Sn-As-Sb
34	Набалдашник кинжала (160)	7,1	0,7	0,21	0,55	0,4	0,22	0,11	0,009	0,09	0,01	0,7		Cu-Sn-As-Pb
35	Лезвие кинжала (160)	9,0	0,4	0,2	0,18	0,07	—	0,007	0,005	0,013	0,013	0,6		Cu-Sn
36	Лезвие кинжала (116)	4,5	0,5	0,25	1,5	0,2	—	0,035	0,008	0,18	0,008	0,6		Cu-Sn-As-Pb
37	Облодок кинжала (116)	2,3	0,7	0,5	2,0	0,8	—	0,03	0,018	0,06	0,006	0,22		Cu-Sn-As-Pb-Zn-Sb
38	Набалдашник кинжала (116)	0,5	0,4	0,3	1,4	0,6	—	0,03	0,018	0,03	0,002	0,18		Cu-Sn-As-Sb
39	Лезвие кинжала (150)	9,7	1,8	0,8	0,3	0,05	—	0,03	0,013	0,09	0,002	0,6		Cu-Sn-Pb-Zn
40	Облодок кинжала (150)	6,6	3,0	1,5	0,4	0,04	—	0,07	0,027	0,05	0,02	1,0		Cu-Sn-Pb-Zn
41	Набалдашник кинжала (150)	5,3	2,5	1,45	0,4	0,03	—	0,08	0,019	0,06	0,015	0,95	Cu-Sn-Pb-Zn	

* Все кинжалы изготовлены на медной основе; место находки: 1 – курган Гобустан; 2, 3 – курган с. Дюбецди, Апшерон; 4 – курган с. Дашсахлахлы, Казахский р-н; 5, 6 – курган с. Минберек, Казахский р-н; 7 – грунтовое погребение, с. Дашоз, Шекинский р-н; 8 – курган с. Кюдурли, Шекинский р-н; 9 – курган Ханкенди, Нагорный Карабах; 10 – курган Хачинчай, Нагорный Карабах; 11–13 – впускное погребение № 80, Аликемектепе, Джалилабадский р-н; 14 – курган № 1, впускное погребение, с. Кюдурли, Шекинский р-н; 15–18 – поселение Кызылбурун, Нахичеванская АР; 19 – поселение Узерликтепе, Агдамский р-н; 20 – каменный ящик Кызылбурун; 21 – грунтовое погребение, бассейн р. Алазань, Шекинский р-н; 22 – грунтовое погребение с. Карабаclar, Нахичеванская АР; 23, 24 – курган Чалхангала, Нахичеванская АР; 25 – грунтовое погребение Бабадервиш, Казахский р-н; 26–28 – курган № 1, впускное погребение, с. Хачбулаг, Дашкесанский р-н; 29 – грунтовое погребение Бабадервиш; 30, 31 – впускное погребение Аликемектепе, Джалилабадский р-н; 32 – грунтовое погребение, с. Диза-Сабир, Ордубадский р-н Нахичеванская АР; 33–41 – курган № 1, Хачбулаг, Дашкесанский р-н.

Аналитическое изучение кинжалов проведено в Секторе археологической технологии Института археологии и этнографии НАН Азербайджана. Метод исследования (количественный спектральный анализ) был разработан проф. И. Р. Селимхановым применительно к металлическим изделиям на медной основе (Селимханов 1960: 85–96, 108, 109). Результаты аналитики представлены в таблице. Интерпретация полученных данных выполнена по методике И. Р. Селимханова, причем к легирующим металлам отнесены такие вещества, содержание которых в сплаве составляет от 0,5 % и выше (Там же: 31; Кашкай, Селимханов 1973: 51–52, 84). Анализы показали, что все исследуемые кинжалы изготовлены на медной основе, причем 9 из них произведены из мышьяковистой бронзы, 12 – из оловянистой бронзы, а остальные – из оловянистой бронзы, для получения которой использовали в качестве лигатуры мышьяк, свинец, сурьму и цинк. Выявлены также незначительные естественные примеси исходных медных руд, из которых приготавливались сплавы для производства кинжалов.

Один экземпляр оружия выполнен из меди, содержащей незначительную естественную примесь исходной руды (таблица, ан. № 19). Кинжал обнаружен на поселении Узерликтепе, недалеко от г. Агдам. Автор раскопок относит слой, в котором он встречен, к XX–XIX вв. до н. э. (Кушнарера 1959: 394–395). Естественная примесь (более 0,5 %), выявленная в металле кинжала, придает ему прочность.

Необходимо отметить, что более ранние изделия изготавливали в основном из сплавов, состоящих из двух или трех компонентов, причем легирующими элементами являются мышьяк и олово, которые употреблялись как вместе, так и по отдельности. Речь идет о мышьяковистых (Cu–As), оловянистых (Cu–Sn), а также мышьяково-оловянистых бронзах (Cu–As–Sn). Реже встречаются сплавы из четырех компонентов, для которых характерна повышенная примесь одновременно трех легирующих элементов (As, Sn, Pb).

На финальном этапе исследуемого периода, в XV–XIV вв. до н. э., наряду с оловянистой бронзой появляются многокомпонентные сплавы, которые содержат одновременно As, Sn, Pb, Sb, Zn (таблица, ан. № 37). Их открытие можно объяснить экспериментами ремесленников-металлургов с целью получения более качественных сплавов. В расплав меди добавляли различные присадки, чтобы заменить дефицитное олово или переплавленный лом.

Необходимо отметить, что в 27 из 35 исследуемых кинжалов обнаружена примесь олова, хотя его промышленные запасы на Кавказе отсутствуют (Кашкай, Селимханов 1973: 148). Незначительные рудопроявления олова имеются в Грузии (Тавадзе, Сакварелидзе 1959: 53–54) и в Кабардино-Балкарии (Минералы 1960: 161–165). Однако местные источники этого металла не могли удовлетворить нужды населения. Поэтому олово на территорию нынешнего Азербайджана ввозили, возможно, из региона Ближнего Востока, где была налажена торговля этим металлом, или из Ирана, где имелись месторождения, разрабатываемые в пору бронзового века (Гасанова 2012: 143).

Следует отметить, что в 11 экз. в качестве легирующего элемента использовали свинец, а в 22 – мышьяк. Известно, что оба металла начиная с эпохи ранней бронзы совместно употребляли для получения медных сплавов. Свинец придает сплавам большую жидкотекучесть (Рагимова 1978: 59), мышьяк – твер-

дость и прочность. В эпоху среднего бронзового века в качестве легирующих примесей впервые начали использовать сурьму и цинк.

Проведенные исследования показали, что большинство кинжалов закавказского производства выплавлено из сырья, добытого при разработке местных рудопроявлений. Исключением являются переднеазиатские кинжалы. Однако и среди них имеются экземпляры, изготовленные автохтонными металлургами.

Подводя итоги, подчеркнем, что большинство кинжалов обнаружено в погребальных памятниках и лишь четыре экземпляра найдено на поселениях: один – в Узерликтепе и три – в Кызылбуруне (Кушнарера 1959: 413, 414, рис. 21; Алиев 1991: 17, 229). Развитие металлургии носило культовый характер, а не технический. Определенное количество металлических изделий в погребальных памятниках указывает на социальный статус погребенного и доказывает ценность таких предметов, в том числе и оружия, среди которого особое место занимают кинжалы.

Авилова 2012 – *Авилова Л. И.* О некоторых группах металлических находок Ближнего Востока (Энеолит–средний бронзовый век) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. Материалы Междунар. конф. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 10–12 (XXVII Крупновские чтения).

Алиев 1991 – *Алиев В. Г.* Культура эпохи средней бронзы Азербайджана. Баку: Элм, 1991. 256 с.

Гасанова 2012 – *Гасанова А. М.* Исследование металлических изделий из курганных захоронений эпохи средней бронзы северо-западного Азербайджана // Известия НАН Азербайджана. Серия история, философия и право. Баку, 2012. № 1. С. 141–151.

Кашкай, Селимханов 1973 – *Кашкай М. А., Селимханов И. Р.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку: Элм, 1973. 223 с.

Кушнарера 1959 – *Кушнарера К. Х.* Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама // Тр. Азербайджанской (Орен-Калинской) экспедиции. Т. 1. 1953–1955 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 388–430 (МИА. № 67).

Минералы 1960 – Минералы: Справочник / Ф. В. Чухров (гл. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. 616 с.

Рагимова 1978 – *Рагимова М. Н.* Из истории использования свинца в древнем и средневековом Азербайджане. Баку: Элм, 1978. 98 с.

Селимханов 1960 – *Селимханов И. Р.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1960. 183 с.

Тавадзе, Сакварелидзе 1959 – *Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н.* Бронзы древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1959. 85 с.

HISTORICAL ANALYTICAL STUDY OF DAGGERS FROM THE MIDDLE BRONZE AGE SITES OF AZERBAIJAN

A. M. Gasanova

The author analyses the Trans-Caucasian type daggers with a flat hammered blade and Near Eastern daggers with a long narrow blade and frame handle. Altogether 35 daggers were studied. They are dated to the period from the middle of the III to the middle of the II millennium BC. The analyses have shown that copper is the basic material in all of them: nine daggers are made of arsenical bronze, twelve of tin

bronze, and the rest of tin bronze alloyed with arsenic, lead, stibium and zinc. In addition they may contain a small admixture of primary copper ores. It is necessary to note that the earlier objects were mainly made of two- or three-component alloys, with arsenic and tin used both together and separately (table). These were arsenic (Cu–As), tin (Cu–Sn), as well as arsenic-tin (Cu–As–Sn) bronzes. At the final stage of the period under consideration, in the XV–XIV centuries BC, tin bronze was supplemented with multi-component alloys, containing As, Sn, Pb, Sb, Zn (table). An admixture of tin was found in 27 of 35 daggers, though there are no workable reserves of tin in the Caucasus. Lead was used as an alloying component in 11 instances, and arsenic in 22 instances. It is known that beginning with the Bronze Age both these metals were used in copper alloys together. Stibium and zinc started to play this role in the middle of the Bronze Age. The present study has shown that most of the Trans-Caucasian daggers were melted from the raw materials of local origin. This is not the case as to the Near Eastern daggers, though some of them were made by autochthonous metallurgists, too.

СТЕПНАЯ КЕРАМИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ В СЛОЯХ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПОДГОРНОЙ ПОЛОСЫ КОПЕТДАГА

В. А. АЛЁКШИН

Ключевые слова: *подгорная полоса Копетдага, период Намазга VI, поздний бронзовый век, степная керамика, Южный холм Анау, Елькен-депе, Теккем-депе, алакульская культура, саргаринско-алексеевская культура.*

Keywords: *Kopet Dag foothills, Namazga VI period, Late Bronze Age, steppe pottery, Southern hill of Anau, El'ken-depe, Tekkem-depe, Alakul' culture, Sargary-Alexeyevka culture.*

Существенным фактором культурного развития южных областей Центральной Азии в пору позднего бронзового века стала, как об этом свидетельствуют некоторые археологические находки, встреча двух различных миров – земледельческого и пастушеского, которые соприкоснулись после того как в оазисы, где издавна обитало оседлое население, проникли с севера племена номадов из азиатских степей. Однако вопросы о том, когда в земледельческие районы попали пришельцы и какова была их культурная принадлежность, все еще остаются дискуссионными.

Некоторую ясность в эти проблемы вносит изучение так называемой керамики степного типа, которая была обнаружена в слоях ряда древнеземледельческих памятников времени Намазга VI. Речь идет о фрагментах грубых лепных орнаментированных сосудов, которые в настоящее время исследователи определяют как посуду племен, населявших степную зону Евразии в эпоху бронзового века (Кузьмина 1964; 1988).

В отечественной археологической литературе эту керамику вначале именовали тазабагьябо-андроновской (Массон 1956б: 312), андроново-тазабагьябской (Массон 1956а: 251) или андроновской (Массон 1959: 98, 116). Затем Е. Е. Кузьмина, указав на сложность культурной идентификации данных изделий, представленных, как правило, небольшими фрагментами (Кузьмина 1964: 147; Кузьмина, Ляпин 1984: 15), дала им название «керамика степного типа эпохи бронзы» (Кузьмина 1964: 147). В поддержку этой дефиниции сразу же выступил А. М. Мандельштам (Мандельштам 1966: 243), и вскоре она стала общепринятой в отечественной науке.

Анализ названных артефактов включает определение их стратиграфической позиции в напластованиях древнеземледельческих поселений, а также культурную атрибуцию таких находок и синхронизацию их с керамическими комплексами археологических культур степной зоны Евразии, что, в свою очередь, позволит установить время первых контактов оседлого населения и номадов на юге Центральной Азии.

Главную трудность в таком исследовании представляет культурная идентификация степной керамики, обнаруженной на древнеземледельческих поселе-

ниях. Маршруты передвижения пастушеских племен, постепенно перемещавшихся на юг из мест своего первоначального обитания, часто перекрещивались, что приводило к возникновению новых групп мобильного населения, в культуре которого могли самым причудливым образом сочетаться традиции различных археологических комплексов. Кроме того, номады, сталкиваясь в своих странствиях с племенами охотников и рыболовов, заселявших северную часть центральноазиатского ареала, могли и от них воспринять некоторые культурные импульсы. В результате различных процессов взаимовлияния найденная в земледельческих оазисах степная посуда хотя и сделана в манере, очень близкой традициям гончарства евразийских степей, но не копирует ее, представляя собой определенное культурное своеобразие. Именно это обстоятельство и вызывает острые дискуссии при атрибуции степной керамики Центральной Азии.

Рассмотрим, согласно приведенным выше методическим рекомендациям, находки черепков этой посуды на поселениях позднего бронзового века в подгорной полосе Копетдага на юге Туркменистана.

Фрагменты степной керамики были здесь впервые обнаружены американской экспедицией под руководством Р. Пампелли при обследовании в 1904 г. Южного холма Анау, расположенного близ Ашхабада. Эти черепки (рис. 1, 1–3) зафиксированы на террасе С в среднем слое так называемой культуры Анау III (Pumpelly 1908: 43–49; Schmidt 1908: 122–124), которая соответствует стадиям Намазга IV–Намазга VI современной периодизации анауской культуры (Массон 1956б: 311–314; 1959: 98–100). Три обломка упомянутой посуды находились между отметками + 21 и + 19 футов от уровня равнины, окружающей памятник к моменту раскопок (Schmidt 1908: 143, pl. 15, 7–9).

В 1950-е гг. В. М. Массон установил, что на этих глубинах залегал археологический материал времени Намазга VI (Массон 1956б: 312; 1959: 98, 117). Поскольку культурные отложения Южного холма Анау, заключенные между отметками + 40 футов и + 37 футов 7 дюймов содержат смешанный материал позднего бронзового века (период Намазга VI) и раннего железного века (период Яз I) (Массон 1959: 102, примеч. 24; Schmidt 1908: 108), то напластования террасы С между уровнями + 21 и + 19 футов, в которых залегали рассматриваемые артефакты, не могут относиться ко времени позднего Намазга VI и должны принадлежать более ранним отложениям этого периода. Р. Пампелли утверждал, что после завершения стадии Анау III, которое соответствовало финальному этапу периода Намазга VI, поселок был заброшен жителями и оставался незаселенным в течение длительного времени (Pumpelly 1908: 49, 52, 60). Однако лепные орнаментированные черепки попали в культурный слой Южного холма Анау задолго до времени предполагаемого заустения.

Необходимо, впрочем, отметить, что терраса С находилась на юго-восточном склоне памятника (Schmidt 1908: 118). В связи с этим можно было бы предположить, что фрагменты керамики степного типа перемещены сюда из более поздних отложений периода Намазга VI и, таким образом, находились на этом участке холма во вторичном залегании. Но такому допущению противоречит молчание Г. Шмидта о находках подобного рода в вышележащих напластованиях времени Намазга VI.

В книге Р. Пампелли отсутствуют сведения о том, как часто рассматриваемые артефакты встречаются в толще слоев памятника. Создается впечатление,

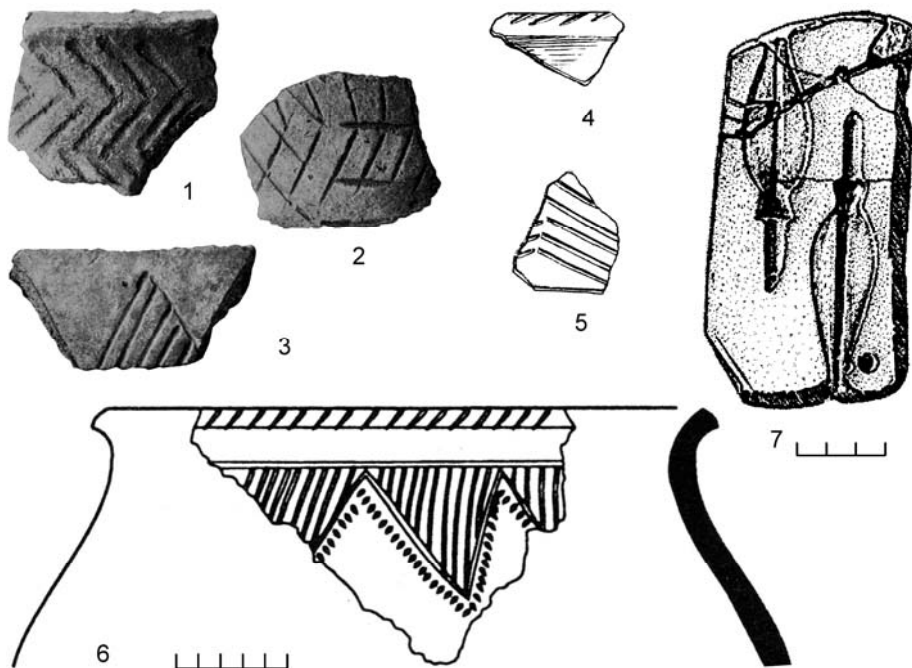

Рис. 1. Степная керамика и литейная форма (7) позднего бронзового века из древнеземледельческих поселений подгорной полосы Копетдага: 1–3 – Южный холм Анау, терраса С (по Schmidt 1908); 4–5 – Елькен-депе, слой I (по Марушенко 1959); 6 – Теккем-депе, период 6, фрагмент лепного ангобированного сосуда (по Щетенко, Кутимов 1999); 7 – Теккем-депе, период 3, каменная литейная форма для отливки дротиков с кольцевым упором (по Щетенко 1999а)

Fig. 1. Late Bronze Age steppe pottery and mould (7) from ancient farming settlements of the Koped Dag foothills: 1–3 – Southern hill of Anau, terrace C (after Schmidt 1908); 4–5 – Elken-depe, layer I (after Марушенко 1959); 6 – Tekkem-depe, period 6, fragment of a hand-modeled engobed vessel (after Щетенко, Кутимов 1999); 7 – Tekkem-depe, period 3, stone mould for casting dart heads with a ring-shaped retainer (after Щетенко 1999а)

что весь корпус этих источников ограничен тремя опубликованными черепками. К сожалению, в отчете Г. Шмидта описанию данной категории археологического материала уделено лишь несколько строк (Ibid.: 143), причем отсутствует подробная информация как о численности керамики степного типа, обнаруженной на Южном холме Анау, так и об археологическом контексте, в котором она залегала. Возможно, что минимальное количество находок такой посуды связано с ограниченными масштабами исследования памятника. В конечном счете, учитывая тот факт, что мощность напластований позднего бронзового века составляет на данном поселении не менее 3,5 м (Массон 1959: 100), лепная орнаментированная керамика, найденная на Южном холме Анау, вероятно, относится к концу периода раннего Намазга VI.

Специалисты нашли ей близкие параллели в посуде некоторых степных племен, являвшихся частью андроновской культурной общности. Е. Е. Кузьмина обратила внимание на то, что найденные в Анау черепки не имеют налипного валика, который обычно прикреплен между венчиком и плечиками сосуда

(Кузьмина 1964: 152). Такой валик появляется на керамике обитателей степей лишь в конце существования федоровской культуры (Корочкова, Стефанов 1983: 145, 148–150). Следовательно, рассматриваемая керамика Южного холма Анау относится ко времени расцвета культур андроновского круга.

Другой особенностью этой посуды является орнамент, который сопоставим с декором сосудов алакульской культуры, также входившей в состав андроновской общности (Кузьмина 1964: 152), причем орнамент, представленный на фрагментах лепной керамики Анау, по мнению Е. Е. Кузьминой, характерен уже для позднего алакульского времени (Кузьмина 2008: 77). Недавно Ю. Г. Кутимов, посвятивший несколько публикаций анализу степной посуды, обнаруженной на юге Центральной Азии, подтвердил вывод Е. Е. Кузьминой о том, что обломки лепных сосудов Южного холма Анау относятся к алакульскому типу керамики (Кутимов 1999: 320).

В одной из ранних работ Е. Е. Кузьмина сообщает о том, что на рассматриваемом памятнике в отложениях периода позднего Намазга VI было также обнаружено несколько фрагментов степной посуды с налепным валиком (Кузьмина 1964: 145, рис. 3: 20; 152, 153; 1988: 54), которая получила широкое распространение в степях в постфедоровское время (Кузьмина 1988: 54; 2008: 74). Сообщая о черепках с валиком из Анау, Е. Е. Кузьмина не ссылается ни на публикацию археологических материалов, ни на архивные или музейные фонды. Более того, в двух своих обобщающих монографиях, посвященных археологии энеолита и бронзового века Центральной Азии (Кузьмина 1994; 2008), исследовательница вообще не упоминает эти находки. В отчете же Г. Шмидта (Schmidt 1908) нет информации об открытии на Южном холме Анау обломков валиковой керамики. Таким образом, сведение о ее наличии здесь является ошибочным.

В литературе также имеется информация о находках степной керамики на поселении эпохи неолита и бронзового века Серманча-депе (Ганялин 1956: 84; Массон 1959: 117; Кузьмина 1964: 149), которое расположено между г. Каахка и пос. Душак, севернее железнодорожной станции Арман-Сагат. Стратиграфическая позиция этих артефактов, вопреки суждению об их залегании в кроющем слое памятника (Кузьмина 2008: 74–75), неизвестна. Более того, имеющиеся сообщения о данных находках грешат ошибками. Сообщается, например, о том, что лепной черепок, изданный в отчете Г. Шмидта (Schmidt 1908: pl. 15, 9), был якобы обнаружен Б. А. Куфтиным на поселении Серманча-депе (Ганялин 1956: 84, примеч. 4). Между тем в отчете Б. А. Куфтина, изучавшего этот памятник в 1952 г., вообще нет упоминаний о наличии здесь степных сосудов (Куфтин 1956; Хлопин 1963: 14). Скорее всего, их обломки были найдены С. А. Ершовым, который обследовал Серманча-депе годом позже (Ганялин 1956: 81, примеч. 4; Марущенко 1956: 5–6; Хлопин 1963: 14). К сожалению, открытые здесь фрагменты лепной керамики остались неопубликованными.

Черепки степной посуды были выявлены при исследовании поселения бронзового и железного веков Елькен-депе (рис. 1, 4, 5). Обломки лепных орнаментированных сосудов залегали здесь в нижней части древнейшего слоя I, который относится к периоду Намазга VI (Кузьмина 1994: 232; Марущенко 1959: 60, 62), причем опубликовано лишь два таких фрагмента (Марущенко 1959: 77, табл. V, *вверху слева, внизу слева*).

Сведения о том, что керамика этого типа была обнаружена в верхней части слоя Елькен I (Кузьмина 1964: 152, 153), что она перекрывает отложения времени Намазга VI (Виноградова, Кузьмина 1986: 130) или находится в кроющем слое памятника (Кузьмина 2008: 74, 75), неточны.

Рассматриваемая посуда украшена вертикальной елочкой и косыми насечками по венчику (Кузьмина 1964: 149; Марущенко 1959: 77, табл. V). Сообщение о наличии на степных сосудах Елькен-депе декора в виде налепного валика (Виноградова, Кузьмина 1986: 130; Кузьмина 1964: 152, 153; 1988: 54; 2008: 74, 75) не подтверждается изданными материалами, так как на опубликованных фрагментах лепной керамики, происходящих из этого поселения (Марущенко 1959: 77, табл. V), валик не представлен.

Степная посуда Елькен-депе обнаружена в стратиграфическом шурфе, заложенном на внешнем склоне вала памятника, к юго-востоку от его цитадели. Толща напластований времени Намазга VI составляет здесь 3 м 95 см (Там же: 59, 74, табл. II). Из этого следует, что черепки лепных сосудов данного поселения относятся к периоду раннего Намазга VI, возможно, к его концу. Отсутствие информации о наличии на степной керамике налепных валиков говорит о том, что она предшествует посуде позднего федоровского времени и, вероятно, синхронна керамике алакульского типа, обнаруженной на Южном холме Анау.

Степная керамика, обнаруженная на двух других памятниках подгорной полосы, подробно рассмотрена в предыдущих работах автора (Алёшкин 2012; 2013). Приведем здесь лишь основные выводы этих публикаций.

Рассматриваемые материалы встречены во время раскопок поселения Теккем-депе (Ганялин 1956; Щетенко 1999б; Щетенко, Кутимов 1999), расположенном в 4 км к юго-западу от железнодорожной станции Каахка. Пора раннего Намазга VI (периоды Теккем 1 и Теккем 2) представлена на поселении большим зданием, которое со временем было заброшено, и в его помещения стали сбрасывать бытовые отходы, не только заполнившие оставленные комнаты, но и образовавшие над ними слой толщиной до 1 м (период Теккем 3), который, по мнению А. Я. Щетенко, соответствует финалу раннего Намазга VI. К начальной фазе функционирования этой свалки относятся два фрагмента алакульской керамики, зафиксированные на уровне второго пола пом. 43 (Алёшкин 2012: 279, 280, рис. 1, III, 1, 2).

Степная керамика была встречена и в кроющем слое памятника (период Теккем 6), относящемся к поре позднего Намазга VI. Однако черепки этих сосудов отложились на поселении уже после того, как оно было заброшено и его руины дважды ненадолго занимали пришлые номады. Часть лепной посуды кроющего слоя была украшена налепным валиком, характерным для керамики саргаринско-алексеевской культурной традиции андроновского круга (Там же: 279, 280–282, рис. 1, III, 3–10).

Степная орнаментированная керамика была зафиксирована также при раскопках Намазга-депе, крупнейшего в Южном Туркменистане поселения эпохи энеолита и бронзового века. Это городище расположено неподалеку от Теккем-депе, в 6 км юго-западнее железнодорожной станции Каахка. Фрагменты анализируемой посуды выявлены в северной части памятника, при исследовании так называемой Вышки – холма, образованного слоями времени Намазга VI.

Ранняя пора этого периода представлена здесь тремя этапами существования многокомнатного здания, выстроенного на сырцово-глиняной платформе (горизонты Вышка I₁–I₃). Руины названного сооружения перекрывала более поздняя постройка, относящаяся уже к горизонту Вышка II₁ (финал периода раннее Намазга VI). В одной из ее комнат был обнаружен горшок, изготовленный в соответствии с двумя керамическими традициями: земледельческой (гончарный круг) и степной алакульской (отдельно вылепленное дно сосуда, прикрепленное к его стенкам глиняной лентой) (Алехин 2013: 117, 118, рис. 4, 2).

В крошащем слое Вышки (горизонт III₄) представлена степная керамика с резным орнаментом и, в отдельных случаях, с налепным рельефным валиком (Там же: 118, рис. 4, 1, 3–6). Декор этих сосудов характерен для керамики саргаринско-алексеевской культуры андроновского круга. Стратиграфическое залегание данной посуды позволяет сделать вывод о том, что она отложилась здесь после того, как поселок на Вышке был оставлен его обитателями.

Суммируя данные о распределении степной керамики в толще культурных отложений четырех из пяти упомянутых выше поселений анауской культуры, можно утверждать, что первое появление номадов в подгорной полосе Копетдага связано с проникновением в этот регион небольших групп пастушеского населения, материальная культура которых близка традициям алакульского археологического комплекса. Последний, являвшийся частью андроновской общности, формировался в западной части ее ареала, в Южном Зауралье и Северном Казахстане, а затем распространился в Западном и отчасти Центральном Казахстане (Кузьмина 1994: 40; 2008: 55). Из Казахстана носители алакульских культурных традиций, вероятно, через территорию нынешнего Западного Узбекистана добрались до земледельческих оазисов подгорной полосы.

Этот контакт номадов и земледельцев пришелся на финальный этап периода раннего Намазга VI, когда из-за недостатка воды некогда цветущий край пришел почти в полное запустение (Массон 1966: 169, 170, 176, 177). Большая часть его жителей была вынуждена покинуть обжитые места и переселиться в другие районы, более приспособленные для занятия земледелием. Жизнь теплилась лишь в нескольких расположенных в центральной части подгорной полосы небольших поселках (Южный холм Анау, терраса С; Елькен I; Теккем 3; Намазга-депе, Вышка II₁), с обитателями которых пришельцы и могли вступить в непосредственное общение.

Западные и восточные границы распространения в подгорной полосе номадов, изготовивших глиняную посуду в соответствии с традициями алакульского гончарства, еще не установлены. Однако на поселении Улуг-депе, расположенном в юго-восточной части подгорной полосы, степная керамика в отложениях периода Намазга VI не обнаружена. Не исключено, что группы пастушеского населения, о которых идет речь, проникли на юг нынешнего Туркменистана узким клином, охватившим лишь центральную часть подгорной полосы. Нельзя также дать ответ на вопрос, как далеко от земледельческих поселков размещались пастушеские становища, так как последние, вероятно, были перекрыты впоследствии ветровыми отложениями.

Характер взаимоотношений местного и пришлого населения в рассматриваемую эпоху пока не ясен. Судя по количеству степной керамики, выявленной в культурных напластованиях земледельческих поселков, контакты двух куль-

турных миров не были ни тесными, ни длительными. Такому заключению на первый взгляд противоречит находка в отложениях периода Теккем 3 каменной формы (рис. 1, 7),¹ которая служила для отливки двух имеющих кольцевой упор и листовидное лезвие с нервюрой, металлических изделий (Щетенко 1999а: 271, 273, 274, рис. 2, 1; 1999б: 329, 330, рис. 4, 1), аналогичных, по мнению А. Я. Щетенко (1999б: 328, 330; 2000а: 135; 2000б: 263; 2001: 106; 2002: 60) и Е. Е. Кузьминой (1994: 44, 369, 428, рис. 30, 16, 17; 2008: 75), ножам, которые характерны для культур позднего бронзового века степной зоны Евразии.

Однако при ближайшем рассмотрении это противоречие оказывается мнимым. Во-первых, кольцевой упор как конструктивное решение, обеспечивающее надежное крепление наконечника копья к древку или клинка кинжала к рукояти, появился на Востоке еще в раннем бронзовом веке. Копье с таким упором было встречено, например, на северо-западе Кавказа при раскопках новосвободненского могильника Клады. Эта находка датируется третьей четвертью IV тыс. до н. э. (Резепкин 2012: 22, 74, 92–93, 157, рис. 28, 10; 258, рис. 130, 8; 262, рис. 134, 7; 303, рис. 175, 6; рис. на с. 322, 4, *слева*). Оружие с кольцевым упором широко представлено в памятниках среднего бронзового века (III–рубеж III и II тыс. до н. э.) в Леванте, Малой Азии, Месопотамии и Иране (Авиллова 2008: 22, 79, рис. 19, 20, 22; 98, рис. 23, 9; 120, рис. 28, 5, 7; 129, рис. 31, 10, 11; Резепкин 2012: 267, рис. 139, 1). В Центральной Азии оно обнаружено при раскопках могильников Пархай I и Сумбар I (Юго-Западный Туркменистан), относящихся к первой половине II тыс. до н. э. (Кутимов 2009), причем в данном случае речь идет о наконечниках копий и дротиков (Хлопин 1983: 147, 148, 149, 157, 159, 173, табл. XIV, 4, 5; 182, табл. XXIII, 6; 216, табл. LVII, 7; 220, табл. LXI, 5, 6, 11, 13).

Во-вторых, длина изделий, которые можно было отлить в форме, обнаруженной на Теккем-депе, составляет лишь 9 и 8,2 см (Щетенко 1999а: 273; 1999б: 329). Очевидно, эти артефакты являлись наконечниками дротиков. Напротив, длина ножей с кольцевым упором, типичных для памятников позднего бронзового века степной зоны Евразии, варьирует в среднем от 15 до 20 см, хотя имеются и более длинные экземпляры (Подобед и др. 2009: 3–4).

В-третьих, первые ножи с кольцевым упором хотя и появляются в азиатской части степного пояса еще в позднее федоровское время (Кузьмина 1994: 44, 369, 428, рис. 30, 16, 17; Подобед и др. 2009: 7), но широкое распространение получают лишь в саргаринско-алексеевскую эпоху (Подобед и др. 2009: 7), которая датируется XIV–XIII вв. до н. э. (Кутимов 2002: 197; 2008: 175–177). Литейная же форма из Теккем-депе относится к горизонту 3, синхронному алакульскому времени, когда кольцевой упор еще не был известен в евразийских степях.

Таким образом, можно утверждать, что рассматриваемая каменная форма предназначалась для отливки оружия, изготовленного в традициях древневосточного металлообрабатывающего ремесла, и это неудивительно, так как южные районы Центральной Азии с глубокой древности являлись северной периферией древнеземледельческой ойкумены.

¹ Археологический контекст, в котором была обнаружена эта литейная форма, и ее датировка подробно рассмотрены в другой подготавливаемой к публикации статье.

Следовательно, находка из Теккем-депе не может служить доказательством того, что степные племена оказали большее, чем полагали ранее, воздействие на коренное население подгорной полосы Копетдага, например, в области литейного производства.

Косвенно на контакт пришлых номадов и автохтонного населения в конце периода раннего Намазга VI может указывать лишь упоминавшийся выше горшок из Намазга-депе (горизонт Вышка II₁).

Вторая волна пастушеского населения докатилась до подгорной полосы Копетдага в саргаринско-алексеевский период, когда все известные к настоящему времени земледельческие поселки времени Намазга VI уже были заброшены и номады устраивали на них временные становища, о чем свидетельствуют находки небольшого количества фрагментированной степной керамики в крошащем слое поселений Теккем-депе (горизонт 6) и Намазга-депе (горизонт Вышка III₄).

Лишь один черепок (рис. 1, б), найденный на первом из этих памятников, свидетельствует о том, что к тому времени племена андроновского круга могли заимствовать отдельные, издавна свойственные земледельцам технологические приемы ремесленного гончарства. Речь идет о фрагменте крупного сосуда с треугольным орнаментом, который был обнаружен на стратиграфическом раскопе, на глубине 80 см от поверхности, возле гончарной печи. По одним данным, черепок находился в слое мусора, по другим – в заполнении двора. Форма сосуда, способ его изготовления и орнаментация характерны для посуды степных племен. Покрытие черепка двумя слоями ангоба и качественный обжиг присущи земледельческой ремесленной традиции (Щетенко 1999б: 328–329; Щетенко, Кутимов 1999: 120), причем оба этих приема пришельцы должны были усвоить еще до того, как они обосновались на Теккеме, покинутом оседлым населением.

В целом, археологические материалы алакульской и саргаринско-алексеевской культурных традиций, найденные в подгорной полосе Копетдага, настолько скудны, что не позволяют разобраться как в природе контактов пастушеского и земледельческого населения, так и в деталях проникновения сюда номадов в позднем бронзовом веке. Видимо, не имевшая месторождений металлических руд подгорная полоса, в которой на протяжении периода Намазга VI хозяйство клонилось к упадку из-за недостатка воды, не представляла никакого интереса для пастушеских племен, и поэтому они лишь эпизодически появлялись в этом регионе.

Авилова 2008 – *Авилова Л. И.* Металл Ближнего Востока: модели производства в неолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 277 с.

Алёкшин 2012 – *Алёкшин В. А.* К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова.* СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 2. С. 278–284.

Алёкшин 2013 – *Алёкшин В. А.* Степная керамика эпохи бронзы в стратиграфическом контексте «Вышки» поселения Намазга-депе и проблема датирования периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // *ЗИИМК.* 2013. № 8. С. 107–129.

Виноградова, Кузьмина 1986 – *Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е.* Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // *Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока.* М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 126–151.

Ганялин 1956 – *Ганялин А. Ф.* Теккем-тепе (раскопки 1952–1953 гг.) // ТИИАЭ: Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. Т. 2. С. 67–86 (Материалы по археологии Туркменистана).

Корочкова, Стефанов 1983 – *Корочкова О. Н., Стефанов В. И.* Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкирский ГУ, 1983. С. 143–151.

Кузьмина 1964 – *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964. С. 141–158.

Кузьмина 1988 – *Кузьмина Е. Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. 1988. № 2. С. 35–59.

Кузьмина 1994 – *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 461 с.

Кузьмина 2008 – *Кузьмина Е. Е.* Арии – путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008. 558 с.

Кузьмина, Ляпин 1984 – *Кузьмина Е. Е., Ляпин А. А.* Новые находки степной керамики на Мургабе // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 6–22.

Кутимов 1999 – *Кутимов Ю. Г.* Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 314–322.

Кутимов 2002 – *Кутимов Ю. Г.* Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазабагыбской культуры Южного Приаралья // АВ. 2002. № 9. С. 191–203.

Кутимов 2008 – *Кутимов Ю. Г.* Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 159–180.

Кутимов 2009 – *Кутимов Ю. Г.* Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 22 с.

Куфтин 1956 – *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. 1956. Т. 7. С. 260–290.

Мандельштам 1966 – *Мандельштам А. М.* Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966. С. 239–259.

Марущенко 1956 – *Марущенко А. А.* Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР // ТИИАЭ. 1956. Т. 2. С. 5–10 (Материалы по археологии Туркменистана).

Марущенко 1959 – *Марущенко А. А.* Елькен-депе (отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // ТИИАЭ. 1959. Т. 5. С. 54–109 (Материалы по археологии Туркменистана).

Массон 1956а – *Массон В. М.* Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа) // ТЮТАКЭ. 1956. Т. 7. С. 233–259.

Массон 1956б – *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // Там же. С. 291–373.

Массон 1959 – *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 216 с. (МИА. № 73).

Массон 1966 – *Массон В. М.* Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966. С. 151–178.

Подобед и др. 2009 – *Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.* Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский ГУ, 2009. № 1–2 (13–14). С. 3–16.

Резепкин 2012 – *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 37).

Хлопин 1963 – *Хлопин И. Н.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 1: Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 29 с., 25 табл. (САИ. Вып. Б3-8).

Хлопин 1983 – *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы: По материалам Сумбарских могильников. Л.: Наука, 1983. 242 с.

Щетенко 1999а – *Щетенко А. Я.* Литейные формы эпохи поздней бронзы с поселения Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова): III Граковские чтения. Запорожье: Запорожский национальный университет, 1999. С. 271–278.

Щетенко 1999б – *Щетенко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 323–335.

Щетенко 2000а – *Щетенко А. Я.* К проблеме периодизации культуры Намазга VI // Взаимодействие культур и цивилизаций (В честь юбилея В. М. Массона). СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 127–141.

Щетенко 2000б – *Щетенко А. Я.* Хронологические аспекты контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной бронзы евразийских степей // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: Материалы науч. конф. «75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга». 28–30 марта 2000 г. Ижевск: Удмуртский ГУ, 2000. С. 260–263.

Щетенко 2001 – *Щетенко А. Я.* Финальные этапы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1998–1999 гг.: Краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2001. С. 105–107.

Щетенко 2002 – *Щетенко А. Я.* Археологические комплексы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана (по материалам Намазга-депе) // АВ. 2002. № 9. С. 51–64.

Щетенко, Кутимов 1999 – *Щетенко А. Я., Кутимов Ю. Г.* Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // АВ. 1999. № 6. С. 114–123.

Pumpelly 1908 – *Pumpelly R.* Ancient Anau and the Oasis-world // *Pumpelly R.* Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilization of Anau. Origins, growth and influence of environment. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1908. Vol. 1. P. 3–80 (Publication no. 73).

Schmidt 1908 – *Schmidt H.* An archaeological Expedition in Anau and Old Merv // *Ibid.* P. 83–210.

STEPPE POTTERY OF THE BRONZE AGE FROM THE ANCIENT FARMING SETTLEMENTS OF THE KOPET DAG FOOTHILLS

V. A. Alekshin

As is evidenced by some archaeological finds, the cultural development of the southern areas of Central Asia in the late Bronze Age was seriously influenced by the meeting of two different worlds, namely, the worlds of farmers and herders. The ancient farming settlements of the Kopet Dag foothills (Southern hill of Anau, El'ken-depe) yielded fragments of rough hand-modeled decorated vessels (fig. 1, 1–5), which are identified as characteristic of the nomads, who occupied the steppe zone of Eurasia in the Bronze Age. The study of these vessels gives grounds to assert that the first appearance of herders in the Kopet Dag foothills was associated with the penetration of small groups of the Alakul' people. The contact of nomads and farmers falls on the final stage of the Early Namazga VI period, when the shortage of water caused nearly total depopulation of foothill zone. Judging by the quantity of the steppe pottery found on the farming settlements, the contacts between the two worlds were neither close nor long. At the first glance, such a conclusion is contradicted by the find at the site of Tekkem-depe of a stone mould (fig. 1, 7), which had served to cast two metal articles analogous, in A. Ya. Shchetenko's and E. E. Kuzmina's opinion, to the knives typical of the late Bronze Age cultures of the steppe zone of Eurasia. However, this mould was designed to cast weapons manufactured according to the traditions of the ancient East craftsmanship, and cannot be regarded as a proof that the steppe tribes exerted influence on the indigenous population of the Kopet Dag foothills, for example, in the realm of foundry. The second wave of herders reached the Kopet Dad foothills in the Sargary-Alexeyevka period, when all the farming settlements of the Namazga VI time we know of were abandoned, and nomads used them as their temporary camps.

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

А. З. БЕЙСЕНОВ

Ключевые слова: *Центральный Казахстан, переходный период (донгал), ранний железный век, поселения, керамика.*

Keywords: *Central Kazakhstan, transitional period (Dongal), Early Iron Age, settlements, pottery.*

В 1960-х гг. М. К. Кадырбаев выделил на территории Казахстана тасмолинскую археологическую культуру, ареал которой охватывал территорию от Улытау и верховьев р. Ишим до Чингизского хребта (Кадырбаев 1966). Согласно современным данным она представляет собой большую историко-этнографическую общность, распространенную в Центральном (Бейсенов 2011) и Северном Казахстане (Хабдулина 1994), а также в Южном Зауралье (Таиров 2007). Для обозначения восточного ареала степных культур скифского времени М. К. Кадырбаев предложил условный термин «сакская культурная общность» (Кадырбаев 1966: 401), ядро которой составляли племенные объединения Казахстана и Алтая. Общие черты сходства обусловлены сложением на андроновской основе, однако четко выделяются локальные варианты раннекочевнических культурных комплексов (Кадырбаев 1968: 32). Обобщение накопленных к концу XX в. данных по раннему железному веку Центрального Казахстана было сделано автором (Бейсенов 1997), в том числе были выделены погребения конца I тыс. до н. э., названные памятниками коргантасского типа или этапа (Бейсенов 1995; 1997: 9, 10, 12–13, 16). В настоящее время широко изучаются ранее неизвестные погребальные сооружения сакской элиты. Таким образом, в результате многолетних исследований памятников Центрального Казахстана накоплен важный круг источников по раннему железному веку этого региона.

На современном этапе в археологии раннего железного века Центрального Казахстана складывается новое направление, связанное с исследованием поселенческих памятников. Благодаря работам Института археологии им. А. Х. Маргулана в Центральном Казахстане (Каркаралинский р-н Карагандинской обл.) в 2000 г. были обнаружены первые поселения, на некоторых из них были заложены шурфы и сняты планы. В 2001 г. были открыты полтора десятка памятников и проведены небольшие раскопки (Бейсенов 2002). С начала XXI в. на территории Центрального Казахстана автором было открыто несколько десятков поселений раннесакского периода VII–VI вв. до н. э.

Поселения расположены на территории современных Карагандинской и юго-западной части Павлодарской обл. Казахстана, при этом основные исследования автора сосредоточены на территории Карагандинской обл., где к настоящему времени зафиксировано более 40 таких памятников. Автором были проведены раскопки на 10 поселениях Центрального Казахстана (8 – в Карагандинской обл., 2 – в Павлодарской обл.), давшие материалы раннесакского времени (Бей-

сенов 2006; 2009а; 2009б; 2009в; Бейсенов, Ломан 2006; 2007; 2009; Бейсенов, Мерц 2010). Еще один памятник в Карагандинской обл. открыт и изучен В. В. Варфоломеевым и М. В. Бедельбаевой (Бедельбаева, Варфоломеев 2008). Поселения раннесакского времени известны также на территории Акмолинской обл. – в ходе работ Ишимской экспедиции Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана) на р. Силеты К. А. Акишевым и М. К. Хабдулиной исследованы поселения Таскора и Таскора-1 (Хабдулина 2003).

Все вышеперечисленные поселения широко покрывают территорию Казахского мелкосопочника, составляя один ареал. Топографическое положение поселений раннесакского времени существенно отличается от поселений бронзового века, для которых характерно расположение в долинах и вдоль рек. Скорее всего, именно это обстоятельство явилось причиной их сравнительно недавнего обнаружения археологами.

Топографически поселения раннесакского времени тяготеют к верхним склонам возвышенностей (рис. 1). Выбирались восточные, юго-восточные освещенные стороны, нередко здесь имеются небольшие родники, высохшие русла. Жилища «придвинуты» тыльной стороной к верху возвышенности, часто к большим скалам, а входы их ориентированы вниз.

Поселения имели в основном небольшую площадь. На многих из них представлено всего 2–3 округлых или овальных сооружений. Самое крупное поселение Сарыбуйрат (Каркаралинский р-н Карагандинской обл.) имеет площадь до 9000–10 000 м². Зафиксированы каменные основания стен. Мощные внешние стены толще внутренних и образованы двумя рядами положенных плашмя или вертикально вкопанных крупных камней, пространство между которыми забутовано. Нередко основания стен состоят из огромных валунов или высоких и широких плит, выступающих на 0,5–1 м на современной дневной поверхности. Часто такие поселения создают впечатление сооружений более позднего времени, в частности, они похожи на разрушенные казахские зимовки.

Все эти сооружения наземного характера, поэтому многие особенности планировки обычно довольно хорошо прослеживаются еще до раскопок. В практике полевых исследований близкое расположение развалов казахских зимовок – частое явление. Нередко казахские постройки покрывают древние сооружения. Шурф на поселении Карпык-1 выявил верхний казахский слой с фрагментом чугунного казана, ниже которого залегал древний слой с керамикой и каменной мотыгой. На ряде раскопанных памятников в дерновом слое встречены разные изделия казахского времени (Керегетас-2 – обломки стеклянной посуды; Сарыбуйрат – фрагмент железной подковы, обломок медного таза; Едирей-3 – обломки изготовленных кузнечным способом медных изделий, в числе которых фрагмент ведра, и т. д.). Близкое нахождение казахских строений повлияло на степень сохранности поселений. Согласно археологическим раскопкам и разведкам следы интенсивной выборки камней имеют все без исключения памятники. Иногда значительные участки жилищ и хозяйственных построек выбраны «до основания».

Поселения характеризуются тонким культурным слоем. Жилища наземные и состоят из жилых помещений округлой, овальной и подпрямоугольной формы, окруженных различными пристройками, коридорами и др. Условно это можно обозначить как «усадебную планировку», которая преобладает.

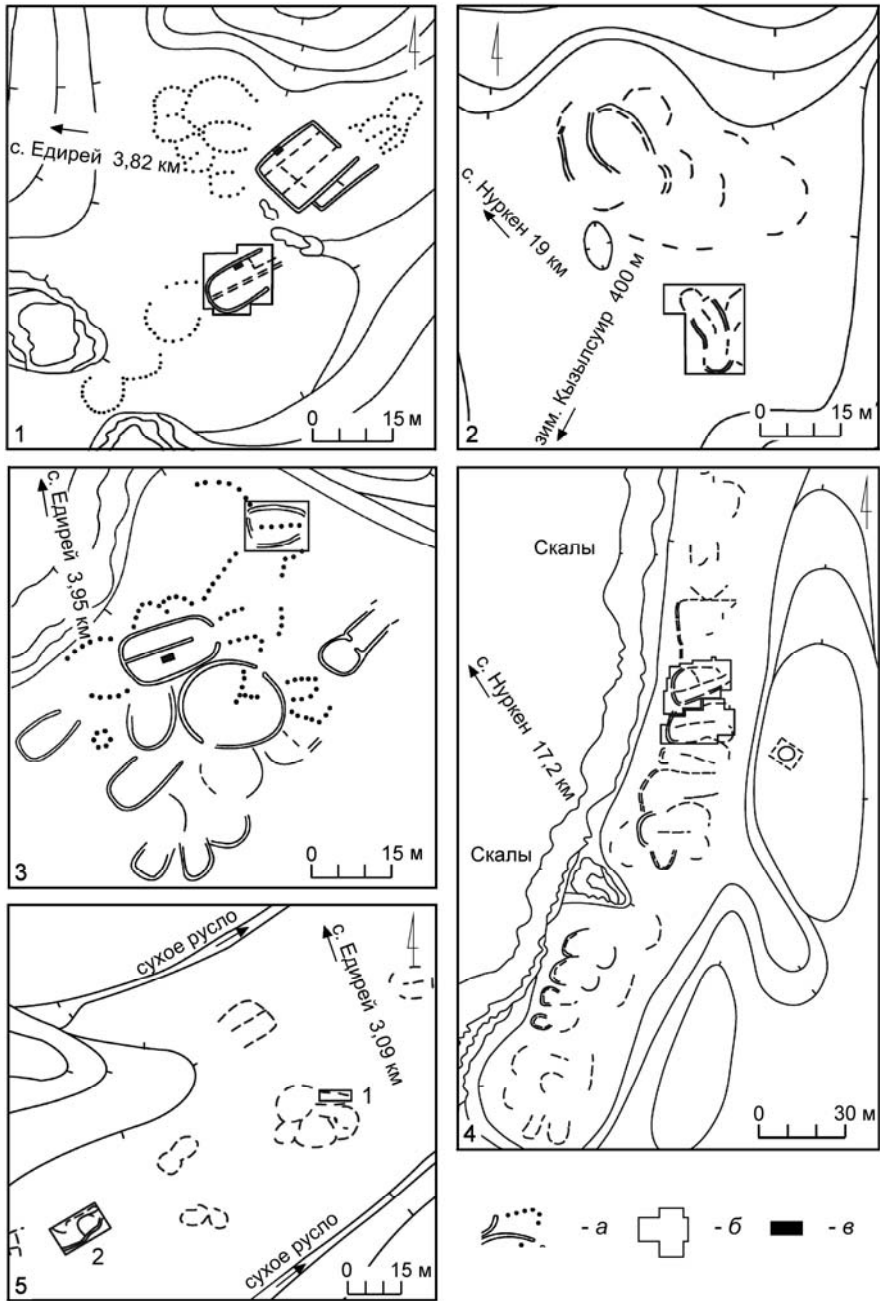

Рис. 1. Поселения раннесакского времени Центрального Казахстана, планы: 1 – Керегетас-2; 2 – Кызылсуир-2; 3 – Едирей-3; 4 – Сарыбуйрат; 5 – Едирей-1. Условные обозначения: *a* – остатки каменных стен; *б* – раскоп; *в* – шурф

Fig. 1. Early Saka settlements of Central Kazakhstan, plans: 1 – Kereghetas-2; 2 – Kyzylsuir-2; 3 – Edirei-3; 4 – Sarybuiirat; 5 – Edirei-1. Legend: *a* – remains of stone walls; *b* – excavation area; *v* – test pit

Рассмотренные топо-планиграфические особенности раннесакских поселений связаны с природно-климатическими условиями региона в описываемую эпоху. В целом они указывают на возможные климатические изменения, произошедшие в Центральном Казахстане к началу раннего железного века. Если исходить из этнографических данных, то такие особенности, как расположение на верхних склонах возвышенностей, компактная планировка, наличие мощных каменных стен, показывают похолодание климата, увеличение осадков, наступление морозной, снежной зимы с сильными ветрами.

По сравнению с поселениями позднего бронзового века на раннесакских поселениях найдено сравнительно мало керамики (рис. 2, 3). Обнаружены также каменные орудия, бронзовый нож раннесакского типа (рис. 2, 9) и керамическая литейная форма для ножа (Бейсенов, Мерц 2010: 44).

Керамика рассматриваемых поселений обнаруживает поразительную однородность и сходство – это позволяет считать ее практически одновременной, рассматривать как единый комплекс и выделить общие признаки. Характерные признаки керамических комплексов позволили предложить датировку раскопанных поселений VII–VI вв. до н. э. (Бейсенов, Ломан 2009). При этом учитывалась находка К. А. Акишевым и М. К. Хабдулиной в культурном слое поселения Таскора бронзового черешкового наконечника стрелы раннесакского времени (рис. 2, 5; см. Хабдулина 2003: рис. 12, 8).

Общее количество изученных сосудов, подсчитанное по фрагментам с венчиками, – более 400 экз. По форме тулова сосуды делятся на горшки (около 30 %), банки (менее 30 %) и небольшие, редко встречающиеся чашки. Форма 40 % сосудов оказалась неопределимой. В некоторых случаях сосуды, преимущественно банки, имели дополнительные детали: петлеобразные ушки, плоские горизонтальные ручки, вертикальные ручки, сливы, трубчатые носики (рис. 3).

Орнаментировано около трети посуды. Сосуды главным образом украшали горизонтальным рядом глубоких ямок (до 40 %), «жемчужин» (до 30 %) или пальцевых вдавлений (17 %). Единично на каждом памятнике встречаются также сосуды, украшенные горизонтальными однорядными и многорядными зигзагами, вертикальными и горизонтальными отпечатками гладкого и гребенчатого штампов, треугольными, прямоугольными и овальными вдавлениями, валиками и др.

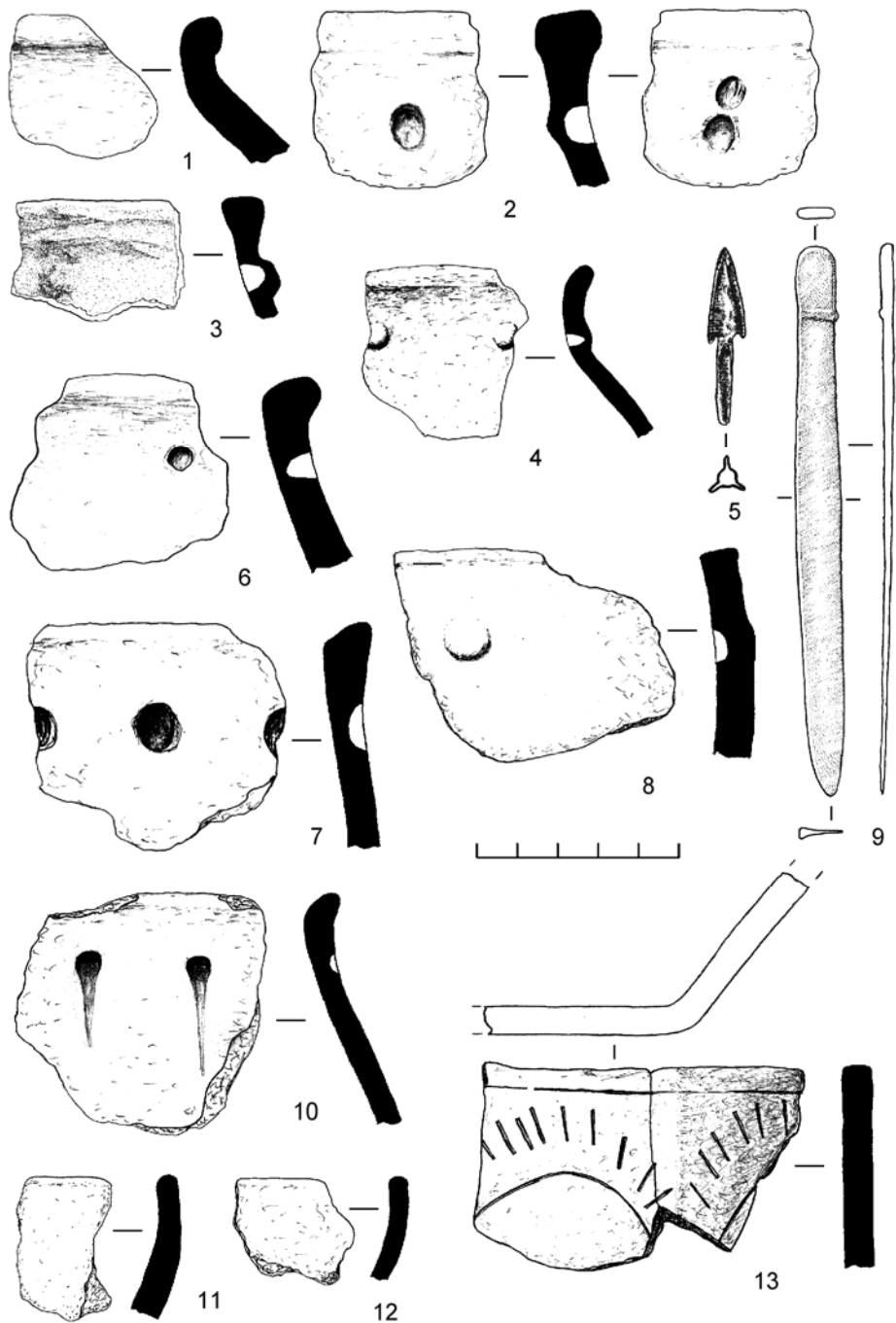
Результаты проведенного В. Г. Ломаном технико-технологического анализа сосудов (состав, способы конструирования) из пяти раскопанных автором поселений показали существование нескольких устойчивых технологических приемов в изготовлении глиняной посуды. Как по орнаментации, так и по технико-технологическим особенностям сосудов в настоящее время устанавливается генетическая связь между керамическими комплексами поселений донгальского

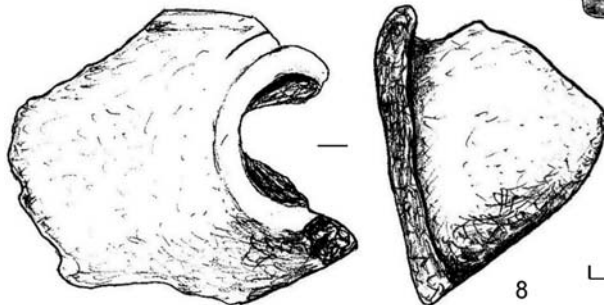
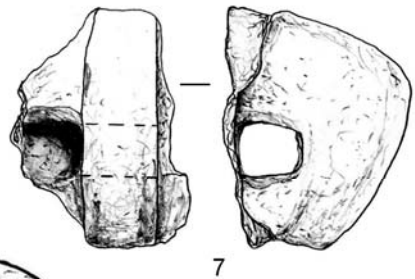
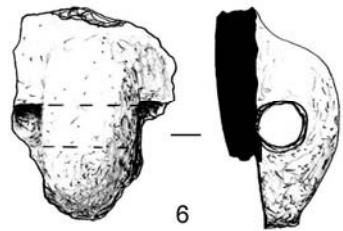
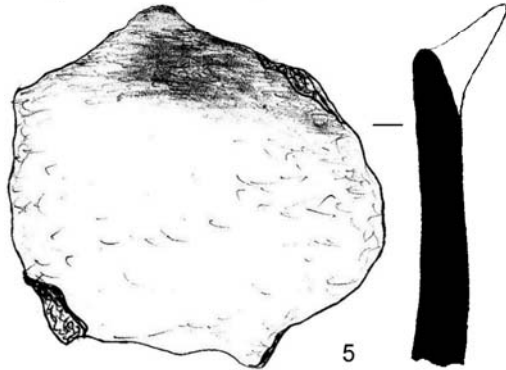
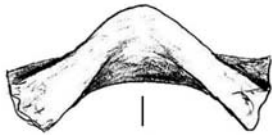
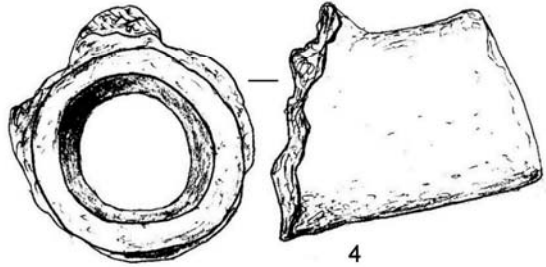
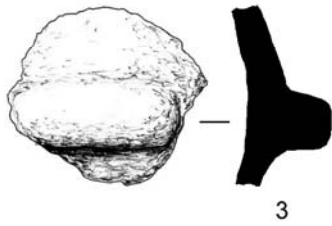
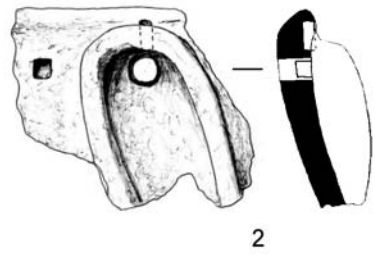
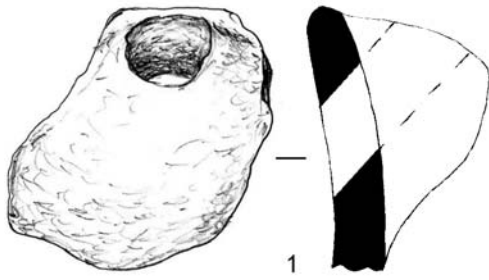

Рис. 2. Керамика и бронзовые предметы (5, 9) из поселений раннесакского времени Центрального Казахстана: 1–4, 6, 10 – фрагменты горшков; 5 – наконечник стрелы (по Хабдулина 2003); 7–8 – фрагменты баночных сосудов; 9 – нож; 11–12 – фрагменты чашек; 13 – обломок сосуда редкого типа. 1–2, 4, 6, 9 – Сарыбуйрат; 3 – Тагыбайбулак; 5 – Таскора; 7–8, 11–12 – Керегетас-2; 10, 13 – Едирей-1

Fig. 2. Pottery and bronze objects (5, 9) from the Early Saka settlements of Central Kazakhstan: 1–4, 6, 10 – vessel fragments; 5 – arrowhead (after Хабдулина 2003); 7–8 – fragments of pot-like vessels; 9 – knife; 11–12 – fragments of cups; 13 – fragment of a rare vessel type. 1–2, 4, 6, 9 – Sarybuirat; 3 – Tagybaibulak; 5 – Taskora; 7–8, 11–12 – Keregetas-2; 10, 13 – Edirei-1

8

переходного этапа Центрального Казахстана и раннесакского времени. Сделан вывод об участии донгальцев в формировании населения раннесакского периода Центрального Казахстана (Бейсенов, Ломан 2009: 245).

Среди каменных орудий (рис. 4) имеются многочисленные мотыги малых форм, зернотерки, куранты, песты, терочники и др., основная часть которых подверглась минералогическому (канд. геол.-мин. наук Н. Л. Панкратова, Алматы, Казахстан; А. В. Павлюц, Караганда, Казахстан) и трасологическому (канд. ист. наук А. А. Плешаков, Петропавловск, Казахстан; канд. ист. наук Н. Ю. Кунгурова, Барнаул, Россия) анализам.

Согласно данным трасологических исследований среди каменных орудий труда преобладают мотыги (найдено по несколько десятков на каждом раскопанном поселении), также довольно много зернотерок. Так, на поселении Сарыбуйрат среди 210 каменных орудий выявлено 93 экз. мотыг, а 16 орудий представляли собой обломки зернотерок и курантов. На поселении Кызылсуир-2 среди 32 орудий обнаружено 19 мотыг и 8 обломков зернотерок и курантов. Изучение мотыг показало, что использовали их преимущественно в земляных работах, имеются также экземпляры со следами ударов о твердые поверхности (ударные; камень, руда?). При исследовании зернотерок и курантов специалистами-трасологами отмечены следующие категории следов: 1) от частиц, имеющих острые грани; 2) от растирания веществ наподобие красок; 3) от растирания веществ растительного происхождения; 4) от растирания злаков.

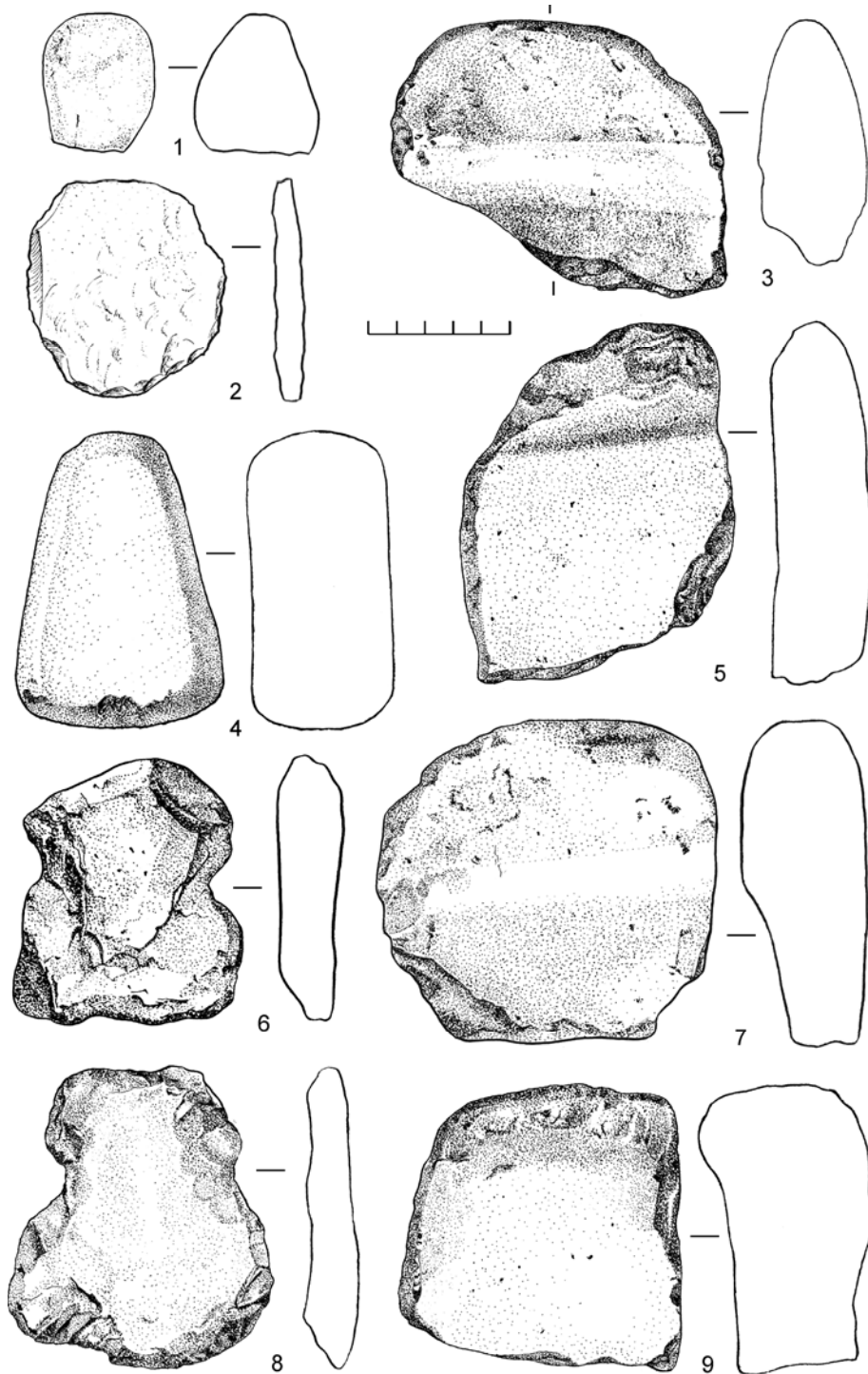
Открытие в Центральном Казахстане многочисленных поселений раннего железного века позволило по-новому поставить вопросы генезиса раннесакского культурного комплекса этого региона. В настоящее время актуальны как общие проблемы исследования этих поселений, так и отдельные аспекты их сложения и связи с предыдущими культурно-хронологическими образованиями.

В этой связи возрос интерес к теме донгальских памятников, относящихся к переходному этапу от эпохи бронзы к раннему железному веку. Как известно, во второй половине 1980-х гг. на материалах поселений Донгал, Кент (поздний слой) В. Г. Ломаном был выделен донгальский тип керамики (Ломан 1987). Попутно им же было указано на наличие в Казахстане ряда поселений с керамикой донгальского типа: Тагыбайбулак в Центральном и Трушниково в Восточном Казахстане. С конца 1990-х гг. количество поселений донгальского времени увеличилось. Были получены материалы с поселений Бугулы-1 (раскопки А. З. Бейсенова и В. Г. Ломана), Каратал-2 (раскопки А. З. Бейсенова). В ходе этих работ существенно пополнились представления об особенностях поселений донгальского этапа.

С открытием и изучением поселения Едирей-2 (раскопки А. З. Бейсенова) в Каркаралинском р-не Карагандинской обл. встал вопрос о поселениях донгальско-раннесакского облика, керамика которых явственно обнаруживает генетическую связь между донгальским и раннесакским культурно-хронологическими

Рис. 3. Керамика поселений раннесакского времени Центрального Казахстана: 1, 4–5, 8 – фрагменты сосудов со сливом; 2–3, 6–7 – фрагменты сосудов с ручками. 1–3, 6–7 – Сарыбуйрат; 4 – Керегетас-2; 5, 8 – Едирей-1 (масштабы: а – 6–8; б – 1–5)

Fig. 3. Pottery from the Early Saka settlements of Central Kazakhstan: 1, 4–5, 8 – fragments of lipped vessels; 2–3, 6–7 – fragments of handled vessels. 1–3, 6–7 – Sarybuirat; 4 – Kereghetas-2; 5–6 – Edirei-1 (scales: a – 6–8; b – 1–5)

пластами. Особенность керамической коллекции поселения Едирей-2 заключается в «сближении» с керамикой раннесакских поселений, на что указывают формы слабопрофилированных горшков, наличие ямочно-жемчужного орнамента, грибовидных венчиков, венчиков с карнизом, желобчатых венчиков. Бронзовая проковка из Едирей-2 имеет аналогии с так называемыми гвоздевидными шильями, найденными на многих памятниках раннего железного века Западной Сибири. Наконец, некоторые технико-технологические особенности сосудов Едирей-2 тоже позволяют связать этот памятник с поселениями последующей раннесакской эпохи. По результатам исследований сделан вывод о том, что поселение Едирей-2 является памятником позднедонгальского времени, характеризующимся сочетанием в керамике донгальско-раннесакских черт, и датируется VIII–VII вв. до н. э. (Бейсенов, Ломан 2009).

В целом, материалы Едирей-2, наряду с данными ряда других донгальских поселений, позволили более уверенно связать раннесакские поселения Центрального Казахстана с памятниками донгальского переходного этапа. Следует отметить, что донгальские черты в керамике (или донгальская керамика) отмечены на поселениях многих регионов – Северный Казахстан, Алтай, Жетысу. В настоящее время в научный оборот введены материалы поселения Бургулюк переходного времени на юге Казахстана. Керамика каржантауского типа, выделенная Б. А. Байтанаевым по материалам раскопок этого памятника (Байтанаев 2011: 19–32), во многом схожа с донгальской посудой. По сути, перед нами местный вариант центральноказахстанского донгальского этапа.

Интересно поселение Асы-1 в Жетысу. Ссылаясь на материалы Центрального Казахстана, А. Н. Марьяшев и О. Н. Гумирова связывают «второй строительный горизонт» этого памятника с периодом перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Представленная в публикации (Марьяшев, Гумирова 2011: 274–275, рис. 6–7) керамика «второго горизонта» Асы-1 очень выразительна и явно сближается с посудой поселений раннесакского времени Центрального Казахстана. Нужно отметить, что здесь собственно донгальских черт не так много, хотя имеются немногочисленные фрагменты с валиком, орнаментированным «пальцевыми защипами», и другими донгальскими признаками.

В Северной Киргизии (Кочкорская долина) К. Ш. Табалдиевым исследовано поселение Чап. Автор публикации связывает памятник с эпохой бронзы–ранним железным веком (Табалдиев 2005). Наличие на этом памятнике материалов эпохи бронзы остается под вопросом, но опубликованная посуда в точности воспроизводит облик раннесакской керамики из Центрального Казахстана.

Приведенные данные не единичны. Следует ожидать, что поселения, демонстрирующие «центральноказахстанские» (как донгальские, так и раннесакские) черты в керамике, распространены в Казахстане и ряде сопредельных регионов (Алтай, Южный Урал) достаточно широко. Исследователи раннего железного

Рис. 4. Каменные орудия поселений раннесакского времени Центрального Казахстана:

1 – терочник; 2 – скребло; 3, 5, 7, 9 – обломки курантов со сработанной рабочей поверхностью; 4 – пест для размельчения и растирания мягких материалов; 6, 8 – мотыги. 1–2, 4 – Сарыбуйрат; 3, 5–9 – Кызылсуир-2

Fig. 4. Stone tools from the Early Saka settlements of Central Kazakhstan: 1 – grinding stone; 2 – scraper; 3, 5, 7, 9 – fragments of pestles with heavily worn working surface; 4 – pestle for grinding soft tissues; 6, 8 – hoes. 1–2, 4 – Sarybuiirat; 3, 5–9 – Kyzylsuir-2

века неоднократно отмечали близость культуры Центрального Казахстана к культурным образованиям Восточного Казахстана и Алтая, Семиречья, Южного Зауралья. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы поселений в целом вполне согласуются с такими выводами. Хотелось бы отметить, что работы по поиску и изучению поселений раннесакского времени Центрального Казахстана находятся сейчас на начальной стадии и для плодотворного изучения проблемы прежде всего необходимо создать представительную источниковедческую базу.

Байтанаев 2011 – *Байтанаев Б. А.* Древности Бургулюка. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2011. 224 с.

Бедельбаева, Варфоломеев 2008 – *Бедельбаева М. В., Варфоломеев В. В.* Кыштан – центрально-казахстанское поселение эпохи раннего железа // *Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи.* Астана: Астана, 2008. С. 241–245.

Бейсенов 1995 – *Бейсенов А. З.* К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина–конец I тыс. до н. э.) // *Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность).* Алматы: Санат, 1995. С. 55–61.

Бейсенов 1997 – *Бейсенов А. З.* Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана (7–1 вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова, 1997. 26 с.

Бейсенов 2002 – *Бейсенов А. З.* К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // *Исторична наука: Проблеми розвитку. Матеріали Міжнарод. науч. конф. Секція «Археологія».* 17–18 сентября 2002 г. Восточно-Украинский национальный университет им. В. Даля, г. Луганск. Луганск: Изд-во ВНУ, 2002. С. 9–12.

Бейсенов 2006 – *Бейсенов А. З.* Поселения раннего железного века в Карагандинской области (Центральный Казахстан) // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы Всероссий. научно-практ. конф.* Барнаул: Азбука, 2006. Вып. 15. С. 155–161.

Бейсенов 2009а – *Бейсенов А. З.* Некоторые результаты исследования поселения раннего железного века Кызылсуир-2 (Центральный Казахстан) // *Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Серия историческая.* Алматы, 2009. № 4 (55). С. 222–225.

Бейсенов 2009б – *Бейсенов А. З.* Поселение раннесакского времени Едирей-1 в Центральном Казахстане // *Алаш (Историко-этнологический журнал).* Алматы, 2009. № 6 (27). С. 56–63.

Бейсенов 2009в – *Бейсенов А. З.* Поселение Сарыбуйрат – памятник раннего железного века Центрального Казахстана // *ВУК.* Алматы, 2009. Вып. 4/2. С. 8–11.

Бейсенов 2011 – *Бейсенов А. З.* Сарыарка – колыбель степной цивилизации. Алматы, 2011. 32 с.

Бейсенов, Ломан 2006 – *Бейсенов А. З., Ломан В. Г.* Вопросы изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // *Известия НАН РК. СОН.* 2006. № 1. С. 36–45.

Бейсенов, Ломан 2007 – *Бейсенов А. З., Ломан В. Г.* О керамике поселений раннего железного века Керегетас-2, Едирей-1, Едирей-3 (Центральный Казахстан) // *Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007.* С. 156–159.

Бейсенов, Ломан 2008 – *Бейсенов А. З., Ломан В. Г.* Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // *Известия НАН РК. СОН.* 2008. № 1. С. 35–41.

Бейсенов, Ломан 2009 – *Бейсенов А. З., Ломан В. Г.* Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: Инжу-Маржан, 2009. 264 с.

Бейсенов, Мерц 2010 – *Бейсенов А. З., Мерц В. К.* К изучению памятников района р. Шидерты // *Известия НАН РК. СОН.* Алматы, 2010. № 1. С. 40–45.

Кадырбаев 1966 – *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры // *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1966. С. 303–433.

Кадырбаев 1968 – *Кадырбаев М. К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // *Новое в археологии Казахстана.* Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1968. С. 21–36.

Ломан 1987 – *Ломан В. Г.* Донгальский тип керамики // *Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана.* Караганда: Карагандинский ГУ, 1987. С. 115–129.

Ломан 2009 – *Ломан В. Г.* К проблеме сложения раннесакских поселенческих комплексов Центрального Казахстана // ВУК. 2009. Вып. 4/2. С. 12–15.

Марьяшев, Гумирова 2011 – *Марьяшев А. Н., Гумирова О. Н.* Раскопки поселения Асы-1 в 2008–2009 гг. // Вопросы археологии Казахстана. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2011. Вып. 3. С. 265–278.

Табалдиев 2005 – *Табалдиев К. Ш.* О поселениях ранних кочевников Тянь-Шаня // Турк цивилизациясынын дуйнолук цивилизациялар ичиндеги орду: II эл аралык турк цивилизациясы конгрессинин материалдары. (Second international congress on tuki civilization. Bishkek, October 4–6, 2004). Бишкек, 2005. С. 305–310.

Таиров 2007 – *Таиров А. Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского ГУ, 2007. 274 с.

Хабдулина 1994 – *Хабдулина М. К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым, 1994. 170 с.

Хабдулина 2003 – *Хабдулина М. К.* Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана: Култегш, 2003. С. 189–214.

SETTLEMENTS OF THE EARLY SAKA PERIOD IN CENTRAL KAZAKHSTAN

A. Z. Beisenov

A new direction in the study of settlements has been forming in the archaeology of Central Kazakhstan since the beginning of the XXI century. The author have discovered over 40 sites, and 10 of them were subject to excavation. The characteristic of the pottery assemblages of these Early Saka settlements is based on the study of more than 400 vessels. The pottery shows a continuity with the ceramics of the preceding Dongal period, and is similar to the materials from Northern Kazakhstan, Altai, and Zhetysu. The settlements are dated to the VII–VI centuries BC.

КЛАССИФИКАЦИЯ АНТИЧНЫХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА VI–НАЧАЛА V В. ДО Н. Э.

А. В. БАТАСОВА

Ключевые слова: *Северное Причерноморье, Таманский п-ов, сельские поселения античного времени, классификация поселений, археологическая разведка, анализ подъемного материала.*

Keywords: *North Black Sea region, Taman' peninsula, antique rural settlements, classification of settlements, archaeological reconnaissance, analysis of surface finds.*

В последние годы в отечественном антиковедении отмечается устойчивый интерес к изучению сельских поселений Таманского п-ова, в особенности на этапе его колонизации греческими переселенцами. Районированию полуострова и анализу хоры городов Азиатского Бопора посвящены, в частности, работы А. А. Завойкина и Г. П. Гарбузова (Завойкин 2009; 2010; Завойкин, Гарбузов 2010; Гарбузов, Завойкин 2011). В данной статье предлагается новый подход к анализу сельских поселений, исходя из специфики самого источника.

Процесс освоения греками Таманского п-ова не носил хаотичного характера. На факт основания того или иного поселения влияли разные обстоятельства, в том числе взаимоотношения с уже существующими поселениями. Можно предположить, что с самого начала выработывались определенные схемы взаимодействия между отдельными пунктами. В результате этого складывалась система расселения, структура которой определялась существованием разноуровневых поселений. Целью работы является выявление этих иерархических уровней. Сам факт их наличия или отсутствия может предоставить ценную информацию, отражающую суть процесса колонизации территории. Кроме того, схемы взаимодействия, заложенные на первом этапе освоения, должны были повлиять и на последующую эволюцию системы расселения Таманского п-ова. Предлагаемая классификация является лишь частью полноценного исследования, однако уже на этом уровне можно сделать определенные выводы, характеризующие некоторые особенности греческой колонизации Таманского п-ова.

Среди поселений Таманского п-ова выделяются четыре памятника, уверенно соотносимые с известными из письменной традиции античными городами: 2 городища по обе стороны нынешнего пос. Сенной (Фанагория, Кепы), городище на месте современной Тамани (Гермонасса) и городище возле хут. Гаркуша (Патрей). В данной работе мы не касаемся этих памятников, принимая их устоявшуюся интерпретацию. В большей степени нас интересуют поселения, определяемые как сельские. В результате разведок, проведенных Я. М. Паромовым на Таманском п-ове в 1980-х гг., выявлено более 200 поселений различных хронологических периодов, составлено описание памятников и собран подъемный материал. К сожалению, «Археологическая карта Таманского полуострова»

(Паромов 1992) все еще не опубликована,¹ но она охватывает всю совокупность памятников и позволяет проанализировать степень однородности этой совокупности.

Вопрос о возможности анализа памятников по данным разведок является дискуссионным. В литературе представлены две, фактически противоположные точки зрения на этот счет:

«In the first instance the presence of finds of Neolithic, Early Bronze Age, Middle Bronze Age and Late Bronze Age date at a site does not necessary imply continuity of occupation throughout the period in question, since each of these chronological divisions was itself of long duration. The absence of finds from many sites on the other hand does not document abandonment, since excavation is necessary to establish the absence of material representative of a given period. Surface collection alone is insufficient» (Renfrew 1972: 245).

«There can be little doubt that surficial deposits retain considerable distributional information at least on a gross scale <...> Surface data have two powerful advantages over buried sources: 1) They constituted a body of information that can be obtained on a regional scale. 2) They can usually be acquired at a fraction of the cost of excavated material» (Dunnell, Dancey 1983: 270).

На наш взгляд, скептическое отношение К. Ренфрю к возможности анализа памятников по результатам разведок не совсем обоснованно. В этом случае проблема заключается не в источнике и не в исходных данных, а в методике, в подходе к материалу. Разработка методического подхода, способствующего получению информации даже из такого противоречивого источника, является одной из основных задач нашей работы (см. также Батасова 2013). В качестве примеров анализа памятников по данным разведок и подъемному материалу можно привести ряд работ (Bintliff, Snodgrass 1988; Bes et al. 2006, и др.), которые показали, что подъемный материал при определенном методическом подходе к его анализу может быть репрезентативным. Тем не менее оговоримся, что все результаты предлагаемой статьи носят предварительный и вероятностный характер и требуют дальнейшей работы для их подтверждения или корректировки.

Из описания поселений, полученных в ходе разведок Я. М. Паромова и отраженных в его рукописи, были отобраны данные о поселениях, на которых в подъемном материале зафиксирован хотя бы один керамический фрагмент архаического времени.² Этот подъемный материал был разделен на три группы:

I) фрагменты, датируемые VI в. до н. э.;

II) фрагменты, датируемые VI–V вв. до н. э.;

III) фрагменты с широкой датировкой (VI–IV вв. до н. э.).

Для каждого поселения подсчитывалось количество материала по этим хронологическим группам и общее количество керамики. В окончательный список не включены поселения, на которых обнаружены только фрагменты амфорной тары с широкой датировкой (группа III), не позволяющие с большой долей уве-

¹ Выражаю сердечную благодарность Я. М. Паромову за возможность пользоваться неопубликованными материалами.

² Список датирующих фрагментов представлен в рукописи Я. М. Паромова и в опубликованной статье (Абрамов, Паромов 1993).

ренности отнести время функционирования памятника к VI–началу V в. до н. э. В эту статистическую выборку не вошли поселения, отождествленные с городами (Фанагория, Гермонасса, Патрей, Кепы), а также «Тирамба». Отдельно учитывались также памятник Артюшенко I (№ 150), в подъемном материале которого не зафиксировано архаических фрагментов, но в ходе стационарных работ время основания поселения было отнесено к интересующему нас периоду (Виноградов 2002; 2006), поселение Артюшенко II (№ 239), обнаруженное позднее (Kashaev 2005), и разрушенное поселение у мыса Тузла.³

Таким образом полный список поселений, основание которых, возможно, относится к архаическому периоду, составляют 103 поселения (с учетом поселения у мыса Тузла – 104), из них в выборку включено 96 поселений (табл. 1). Для каждого поселения выборки имеются данные о площади памятника и составе его подъемного материала. Главным внешним признаком, который может быть связан со статусом памятника в системе расселения, является площадь распространения материала. Несмотря на все возможные погрешности, нельзя отрицать, что поселение, расположенное в наиболее удачном месте, имеет больший потенциал к тому, чтобы занять особое положение, что должно отразиться на степени интенсивности жизни на нем. В археологическом отношении это может отразиться в больших размерах поселения. В ряде исследований (Renfrew 1972; Wagstaff 1975) площадь напрямую связывается со статусом поселения. Однако, поскольку площадь многослойного поселения является палимпсестом (суммой площадей памятника во все периоды его существования), атрибутировать поселение по одному этому признаку будет методически неверно. Хронологические параметры может предоставить подъемный материал, внутри которого нами выделено три составляющих признака для каждого поселения: 1) общее количество подъемного, прежде всего амфорного материала античного времени; 2) абсолютное количество архаических фрагментов; 3) процентное содержание архаических фрагментов в собранном материале.

В идеальной модели многослойного поселения, где рост поселения и накопление материала происходили равномерно и постепенно, должны наблюдаться следующие зависимости этих характеристик: 1) площадь поселения прямо пропорциональна общему количеству подъемного материала; 2) абсолютное количество архаических фрагментов прямо пропорционально их процентному содержанию.

В результате анализа сочетания этих двух признаков на конкретных поселениях⁴ были выделены 4 группы (табл. 2, стб. 4):

Группа А – небольшие по площади поселения с небольшим количеством подъемного материала (нормальное распределение). Площадь – до 30 га, количество подъемного материала – до 66 фрагментов.

Группа В – большие по площади поселения, но подъемного материала мало. Площадь – от 30 га, количество подъемного материала – до 66 фрагментов.

---

³ К сожалению, в настоящее время поселение у мыса Тузла находится под водой и работа с его материалами невозможна.

⁴ Поселения Кучугуры 2 (№ 23) и Вышестеблиевская 11 (№ 78) не учитывались, так как их размеры не определены.

Т а б л и ц а 1

**Характеристика включенных в выборку поселений
по площади и подъемному материалу**

№ п/п	№ по Паромов 1992	Памятник	Площадь (га)	Количество арханческих фрагментов по группам			Всего арханческих фрагментов	Общее количество фрагментов	% арханческих фрагментов
				Группа I	Группа II	Группа III			
1	2	Ильич 2	10,4	0	3	0	3	28	11
2	6	Приазовский 1	1,5–2,0	1	2	0	3	32	9
3	7	Приазовский 2	18,2	2	1	0	3	71	4
4	9	Приазовский 4	18,5	0	13	0	13	72	18
5	10	Приазовский 5	0,8	0	1	0	1	46	2
6	12	Батарейка 2	21,3	0	1	0	1	12	8
7	14	Батарейка 4	9	0	4	0	4	41	10
8	16	Запорожская 2	27,5	0	3	0	3	18	17
9	18	Красноармейский 1	80	0	1	0	1	81	1
10	20	Красноармейский 3	28	0	5	0	5	77	6
11	22	Красноармейский 5	9,2	0	1	0	1	13	8
12	23	Красноармейский 6	3,7	0	2	0	2	25	8
13	31	Береговой 4	46,5	0	12	0	12	91	13
14	33	Кучугуры 15	60	0	6	0	6	54	11
15	34	Кучугуры 3	22	0	30	0	30	146	21
16	36	Кучугуры 5	5,4	1	4	0	5	57	9
17	38	Кучугуры 7	10	0	10	0	10	54	19
18	40	Кучугуры 9	18	0	1	0	1	19	5
19	44	Кучугуры 13	3	0	2	0	2	16	13
20	46	Кучугуры 4	4	1	10	0	11	21	52
21	47	Кучугуры 16	8	0	4	7	11	18	61
22	49	Кучугуры 18	3	0	2	0	2	25	8
23	50	Кучугуры 2	–	0	3	0	3	17	18
24	51	Фонталовская 1	42	0	16	0	16	96	17
25	52	Фонталовская 2	37	0	3	0	3	40	8
26	53	Фонталовская 3	6,5	1	32	0	33	151	22
27	54	Фонталовская 4	3,5	0	2	0	2	53	4
28	56	Фонталовская 6	43	2	14	0	16	42	38
29	57	Фонталовская 7	4,5	0	9	0	9	46	20
30	58	Фонталовская 8	2,5	0	1	0	1	15	7
31	60	Волна Революции	114	2	7	0	9	76	12
32	61	Волна Революции 2	4,5	0	1	0	1	14	7
33	63	Волна Революции 4	4,5	0	1	0	1	13	8
34	64	Волна Революции 5	18,5	0	2	0	2	11	18
35	79	Сенной 2	20	0	3	0	3	22	14
36	80	Сенной 3	12,5	0	3	0	3	34	9
37	86	Сенной 9	20,5	0	17	0	17	72	24
38	90	Соленый 3	60	0	25	0	25	114	22
39	92	Ахтанизовская 1	42	0	14	0	14	88	16
40	93	Ахтанизовская 2	17	0	11	0	11	26	42
41	95	Ахтанизовская 4	28,4	0	2	0	2	30	7
42	99	Ахтанизовская 8	0,25	0	1	0	1	4	25
43	114	Приморский 14	1	0	1	0	1	23	4
44	117	Приморский 17	9,5	0	1	0	1	93	1

Продолжение табл. 1

№ п/п	№ по Паромов 1992	Памятник	Площадь (га)	Количество арханческих фрагментов по группам			Всего арханческих фрагментов	Общее количество фрагментов	% арханческих фрагментов
				Группа I	Группа II	Группа III			
45	118	Приморский 18	0,5	0	3	0	3	51	6
46	123	Приморский 23	26	0	4	0	4	27	15
47	124	Тамань 1	44	0	18	0	18	126	14
48	126	Тамань 3	23	3	29	0	29	152	19
49	127	Тамань 4	37	0	18	0	18	80	23
50	128	Тамань 5	3,8	0	3	5	8	23	35
51	129	Тамань 6	3,5	0	2	0	2	9	22
52	131	Тамань 8	4	0	1	0	1	32	3
53	133	Тамань 10	0,6	0	1	7	8	33	24
54	135	Тамань 12	8,5	0	2	0	2	6	33
55	136	Тамань 13	11	0	1	0	1	34	3
56	137	Волна 1	32	2	25	0	27	130	21
57	138	Волна 2	7,5	1	2	0	3	34	9
58	140	Волна 4	4	0	4	0	4	57	7
59	143	Таманский 3	57	0	7	0	7	34	21
60	144	Таманский 4	62	7	58	0	65	138	47
61	145	Таманский 5	42	1	5	0	6	105	6
62	146	Таманский 6	11	0	1	0	1	122	1
63	147	Таманский 7	23	0	2	0	2	7	29
64	151	Веселовка 1	32	0	6	0	6	45	13
65	153	Веселовка 3	20	0	2	2	4	9	44
66	154	Веселовка 4	2,5	0	2	0	2	14	14
67	157	Прогресс 1	16	0	6	0	6	45	13
68	160	Виноградный 1	29	0	10	0	10	37	27
69	161	Виноградный 2	47	1	58	0	59	145	41
70	163	Виноградный 4	22	0	4	0	4	33	12
71	166	Виноградный 7	31	0	4	0	4	37	11
72	167	Виноградный 8	11,3	0	1	0	1	1	100
73	168	Виноградный 9	6,2	0	2	13	15	46	33
74	173	Вышестеблиевская 1	31	0	15	0	15	66	23
75	174	Вышестеблиевская 2	24,8	0	8	0	8	32	25
76	178	Вышестеблиевская 6	16	0	5	0	5	55	9
77	182	Вышестеблиевская 10	34	0	6	0	6	39	15
78	183	Вышестеблиевская 11	–	0	2	0	2	10	20
79	185	Вышестеблиевская 13	23	0	4	0	4	21	19
80	186	Вышестеблиевская 14	7,5	0	3	1	3	35	9
81	189	Старотитаровская 1	15	0	1	0	1	25	4
82	190	Старотитаровская 2	13,8	0	2	0	2	42	5
83	193	Старотитаровская 5	48	0	19	0	19	52	37
84	195	Старотитаровская 7	30	0	5	0	5	17	29
85	202	Старотитаровская 14	10,4	0	3	0	3	9	33
86	203	Старотитаровская 15	20	0	3	0	3	42	7
87	204	Старотитаровская 16	15	0	13	0	13	82	16
88	205	Старотитаровская 17	21	0	4	0	4	47	9
89	206	Старотитаровская 18	6,5	0	1	0	1	2	50
90	207	Старотитаровская 19	22	0	1	0	1	21	5

Окончание табл. 1

№ п/п	№ по Паромов 1992	Памятник	Площадь (га)	Количество архаических фрагментов по группам			Всего архаических фрагментов	Общее количество фрагментов	% архаических фрагментов
				Группа I	Группа II	Группа III			
91	209	Стрелка	42,5	0	5	0	5	29	17
92	210	Стрелка 2	9	0	12	0	12	48	25
93	215	За Родину 5	14	0	1	0	1	8	13
94	221	Голубицкая 2	12,7	2	4	0	4	26	15
95	223	Голубицкая 4	15,2	0	1	0	1	13	8
96	229	Темрюк 5	4,9	0	1	1	2	9	22

Т а б л и ц а 2

**Группы поселений с архаическим подъемным материалом,
выделенные по сочетаниям признаков**

№ п/п	№ по Паромов 1992	Памятник	Группа по соотношению площади поселения и общего количества подъемного материала	Группа по соотношению абсолютного и относительного количества подъемного материала архаического времени	Итоговая группа
1	2	Ильич 2	A	1a	3
2	6	Приазовский 1	A	1a	3
3	7	Приазовский 2	C	1a	3
4	9	Приазовский 4	C	1б	3
5	10	Приазовский 5	A	1a	3
6	12	Батарейка 2	A	1a	3
7	14	Батарейка 4	A	1a	3
8	16	Запорожская 2	A	1a	3
9	18	Красноармейский 1	D	1a	3
10	20	Красноармейский 3	C	1a	3
11	22	Красноармейский 5	A	1a	3
12	23	Красноармейский 6	A	1a	3
13	31	Береговой 4	D	1б	2
14	33	Кучугуры 15	B	1a	3
15	34	Кучугуры 3	C	3	1
16	36	Кучугуры 5	A	1a	3
17	38	Кучугуры 7	A	1б	3
18	40	Кучугуры 9	A	1a	3
19	44	Кучугуры 13	A	1a	3
20	46	Кучугуры 4	A	2a	3
21	47	Кучугуры 16	A	2б	3
22	49	Кучугуры 18	A	1a	3
23	50	Кучугуры 2	-	1a	3
24	51	Фонталовская 1	D	1б	2
25	52	Фонталовская 2	B	1a	3
26	53	Фонталовская 3	C	3	1
27	54	Фонталовская 4	A	1a	3

Продолжение табл. 2

№ п/п	№ по Паромов 1992	Памятник	Группа по соотношению площади поселения и общего количества подъемного материала	Группа по соотношению абсолютного и относительного количества подъемного материала арханчского времени	Итоговая группа
28	56	Фонталовская 6	В	2б	3
29	57	Фонталовская 7	А	1а	3
30	58	Фонталовская 8	А	1а	3
31	60	Волна Революции	Д	1а	3
32	61	Волна Революции 2	А	1а	3
33	63	Волна Революции 4	А	1а	3
34	64	Волна Революции 5	А	1а	3
35	79	Сенной 2	А	1а	3
36	80	Сенной 3	А	1а	3
37	86	Сенной 9	С	1б	3
38	90	Солёный 3	Д	3	1
39	92	Ахтанизовская 1	Д	1б	2
40	93	Ахтанизовская 2	А	2б	3
41	95	Ахтанизовская 4	А	1а	3
42	99	Ахтанизовская 8	А	1а	3
43	114	Приморский 14	А	1а	3
44	117	Приморский 17	С	1а	3
45	118	Приморский 18	А	1а	3
46	123	Приморский 23	А	1а	3
47	124	Тамань 1	Д	1б	2
48	126	Тамань 3	С	3	1
49	127	Тамань 4	Д	1б	2
50	128	Тамань 5	А	2а	3
51	129	Тамань 6	А	1а	3
52	131	Тамань 8	А	1а	3
53	133	Тамань 10	А	1а	3
54	135	Тамань 12	А	2а	3
55	136	Тамань 13	А	1а	3
56	137	Волна 1	Д	3	1
57	138	Волна 2	А	1а	3
58	140	Волна 4	А	1а	3
59	143	Таманский 3	В	1а	3
60	144	Таманский 4	Д	4	1
61	145	Таманский 5	Д	1а	3
62	146	Таманский 6	С	1а	3
63	147	Таманский 7	А	1а	3
64	151	Веселовка 1	С	1а	3
65	153	Веселовка 3	А	2а	3
66	154	Веселовка 4	А	1а	3
67	157	Прогресс 1	А	1а	3
68	160	Виноградный 1	А	1б	3
69	161	Виноградный 2	Д	4	1
70	163	Виноградный 4	А	1а	3
71	166	Виноградный 7	В	1а	3
72	167	Виноградный 8	А	2а	3
73	168	Виноградный 9	А	2б	3

Окончание табл. 2

№ п/п	№ по Паромов 1992	Памятник	Группа по соотношению площади поселения и общего количества подъемного материала	Группа по соотношению абсолютного и относительного количества подъемного материала архаического времени	Итоговая группа
74	173	Вышестеблиевская 1	В	1б	3
75	174	Вышестеблиевская 2	А	1а	3
76	178	Вышестеблиевская 6	А	1а	3
77	182	Вышестеблиевская 10	В	1а	3
78	183	Вышестеблиевская 11	–	1а	3
79	185	Вышестеблиевская 13	А	1а	3
80	186	Вышестеблиевская 14	А	1а	3
81	189	Старотитаровская 1	А	1а	3
82	190	Старотитаровская 2	А	1а	3
83	193	Старотитаровская 5	В	2б	3
84	195	Старотитаровская 7	А	1а	3
85	202	Старотитаровская 14	А	2а	3
86	203	Старотитаровская 15	А	1а	3
87	204	Старотитаровская 16	С	1б	3
88	205	Старотитаровская 17	А	1а	3
89	206	Старотитаровская 18	А	2а	3
90	207	Старотитаровская 19	А	1а	3
91	209	Стрелка	В	1а	3
92	210	Стрелка 2	А	1б	3
93	215	За Родину 5	А	1а	3
94	221	Голубицкая 2	А	1а	3
95	223	Голубицкая 4	А	1а	3
96	229	Темрюк 5	А	1а	3

Группа С – небольшие по площади поселения с большим количеством подъемного материала. Площадь – до 30 га, количество подъемного материала – от 66 фрагментов.

Группа D – большие по площади поселения с большим количеством подъемного материала (нормальное распределение). Площадь – от 30 га, количество подъемного материала – от 66 фрагментов.

Наиболее перспективными для выявления среди них поселений, выделявшихся на фоне остальных в архаическое время, можно считать группы С и D.

При анализе соотношения абсолютного и относительного количества архаической керамики в подъемном материале были выделены 6 групп и подгрупп (табл. 2, стб. 5):

Подгруппа 1а – поселения с небольшим абсолютным и относительным количеством архаического материала (нормальное распределение). Абсолютное количество архаического материала – 1–9 фрагментов, относительное – до 29 %.

Подгруппа 1б – поселения с небольшим абсолютным и относительным количеством архаического материала (нормальное распределение). Абсолютное количество архаического материала – 10–19 фрагментов, относительное – до 29 %.

Подгруппа 2а – поселения с небольшим абсолютным количеством архаического материала, но его процентное содержание велико. Абсолютное количество архаического материала – 1–9 фрагментов, относительное – от 30 %.

Подгруппа 2б – поселения с небольшим абсолютным количеством архаического материала, но его процентное содержание велико. Абсолютное количество архаического материала – 10–19 фрагментов, относительное – от 30 %.

Группа 3 – поселения с большим абсолютным количеством подъемного материала, но небольшим относительным его содержанием. Абсолютное количество архаического материала – от 20 фрагментов, относительное – до 29 %.

Группа 4 – поселения с большим абсолютным и относительным количеством архаического материала (нормальное распределение). Абсолютное количество архаического материала – от 20 фрагментов, относительное – от 30 %.

Приоритетными для нас будут поселения из групп 3 и 4. Однако на количество подъемного материала раннего периода существования поселения оказывает влияние степень интенсивности жизни на нем в последующие эпохи, а следовательно, и количество более позднего материала. Эти показатели находятся в обратной зависимости. В связи с этим в определенном сочетании нас могут заинтересовать и некоторые поселения подгрупп 1б и 2б. В отношении группы 2 в целом можно предположить, что расцвет этих поселений пришелся на ранний период. Этим объясняется значительное процентное содержание раннего материала.

Для завершения классификации рассмотрим сочетание уже выделенных групп поселений. Для этого построим таблицу 3, где по вертикали отметим группы по первому сочетанию признаков (площадь/общее количество подъемного материала), а по горизонтали – по второму сочетанию (абсолютное/относительное количество подъемного материала). На пересечении значений отметим номера конкретных, соответствующих им поселений. В ходе предыдущей работы были выделены приоритетные группы сочетаний признаков (С, D, 3, 4 и, возможно, 1б, 2б). На пересечении групп С, D и 3, 4 находятся 7 поселений, которые явно выделяются из выборки и в архаическое время могли занимать доминирующее положение в округе (центральное место). Подгруппа 2б не дает сочетаний с группами С или D. Подгруппа 1б сочетается с обеими приоритетными группами. Выше говорилось о том, что небольшое количество архаического подъемного материала может быть связано с большой интенсивностью жизни на поселении в последующие эпохи (как следствие, большое количество более позднего материала, большая мощность культурного слоя и т. д.). Поэтому также выделим группу 1б/D. Среди этих поселений также могут быть пункты, занимавшие центральные места, однако с меньшей степенью вероятности. Для дальнейшего их определения потребуются дополнительные методы анализа.

Остальные поселения расположены в ячейках с неприоритетными сочетаниями признаков, и, вероятно, если они и существовали в VI– начале V в. до н. э., то были небольшими деревнями.

В результате предложенной классификации выделились 3 итоговые группы (табл. 2, стб. 6; табл. 3):

Итоговая группа 1 (в ячейках 3/С, 3/D, 4/D) – 7 поселений, ярко выделяющиеся на фоне остальной выборки. Вероятно, они занимали центральное место в системе расселения в архаическое время. Их можно считать центрами сельскохозяйственной округи.

Т а б л и ц а 3

**Корреляция групп поселений с архаическим подъемным материалом,
выделенных по сочетаниям признаков***

Группы	1а	1б	2а	2б	3	4
А	2, 6, 10, 12, 14, 16, 22, 23, 36, 40, 44, 49, 54, 57, 58, 61, 63, 64, 79, 80, 95, 99, 114, 118, 123, 129, 131, 133, 136, 138, 140, 147, 154, 157, 163, 174, 178, 185, 186, 189, 190, 195, 203, 205, 207, 215, 221, 223, 229	38, 160, 210	46, 128, 135, 153, 167, 202, 206	47, 93, 168	–	–
В	33, 52, 143, 166, 182, 209	173	–	56, 193	–	–
С	7, 20, 117, 146, 151	9, 86, 204	–	–	34, 53, 126	–
Д	18, 60, 145	31, 51, 92, 124, 127	–	–	90, 137	144, 161
?	50, 183	–	–	–	–	–

* Жирным шрифтом выделены приоритетные группы признаков и значимые группировки поселений.

Итоговая группа 2 (в ячейке 1б/Д) – 5 поселений, среди которых при дальнейшем анализе также могут быть выделены центральные пункты.

Итоговая группа 3 (в ячейках 1а/А, 1а/В, 1а/С, 1а/Д, 1б/А, 1б/В, 1б/С, 2а/А, 2б/А, 2б/В) – остальные 84 поселения, которые, видимо, являлись рядовыми сельскими поселениями. Среди них могут находиться центры на уровне отдельных зон освоения, но эта дифференциация может быть проведена лишь при последующем анализе.

Итак, совокупность сельских поселений Таманского п-ова, существование которых можно отнести к VI–началу V в. до н. э., не является однородной. На основании корреляции различных показателей выделяются по меньшей мере три группы поселений. Это позволяет предположить, что уже на ранних этапах освоения Таманского п-ова существовала иерархия поселений, повлиявшая на дальнейшую эволюцию системы расселения.

Предложенная классификация не является окончательной, поскольку для определения статуса поселения необходимо проанализировать и другие признаки в рамках пространственного и контекстуального подходов к изучению древних поселений.

Абрамов, Паромов 1993 – *Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. М.: Научно-исследовательский археологический центр «Архэ», 1993. Вып. 2. С. 25–98.

Батасова 2013 – *Батасова А. В.* О новых подходах к изучению поселений хоры греческих городов // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Археологический объект в контексте истории. Керчь: НАН Украины, Крымское отделение Института востоковедения, Институт археологии, Центр археологических исследований «Деметра», Украинский национальный комитет византинистов, 2013. С. 31–36 (Боспорские чтения. Вып. 14).

Виноградов 2002 – *Виноградов Ю. А.* Архаические комплексы поселения Артюшенко I // Таманская старина. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Вып. 4. С. 61–66.

Виноградов 2006 – *Виноградов Ю. А.* Лепная керамика архаического времени с поселения Артощенко I на Таманском полуострове // ЗИИМК. 2006. Вып. 1. С. 69–76.

Гарбузов, Завойкин 2011 – *Гарбузов Г. П., Завойкин А. А.* Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. // ДБ. 2011. Вып. 15. С. 90–172.

Завойкин 2009 – *Завойкин А. А.* О «больших» и «малых» городах Боспора. // ДБ. 2009. Вып. 13. С. 176–205.

Завойкин 2010 – *Завойкин А. А.* Периодизация освоения греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. (соотношение письменных и археологических источников) // Античный мир и археология. Саратов: Саратовский ГУ, 2010. Вып. 14. С. 203–217.

Завойкин, Гарбузов 2010 – *Завойкин А. А., Гарбузов Г. П.* О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 184–219.

Паромов 1992 – *Паромов Я. М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992 (депонирована в ИНИОН РАН № 47103 от 1.10.1992).

Bes et al. 2006 – *Bes P., Poblome J., Bintliff J.* Puzzling over Pottery. Thespieae, Tanagra and Methodological Approaches toward Surface Ceramics // *Old Pottery in a New Century: Innovating Perspectives on Roman Pottery Studies.* Atti del Convegno Internazionale di Studi, Catania, 22–24 Aprile 2004. Catania: Bretschneider, 2006. P. 339–345 (Monografie dell'Istituto per i beni archeologici e monumentali).

Bintliff, Snodgrass 1988 – *Bintliff J., Snodgrass A.* Mediterranean survey and the city // *Antiquity.* 1988. Vol. 62, no. 234. P. 57–71.

Dunnell, Dancey 1983 – *Dunnell R. C., Dancey W. S.* The siteless survey: a regional scale data collection strategy // *Advances in archaeological method and theory.* New York: Academic Press, 1983. Vol. 6. P. 267–287.

Kashaev 2005 – *Kashaev S. V.* Excavations of the settlements Artyushchenko-2 and Vyshestelievskaya-11 by the Taman Archaeological group // *Hyperboreus.* 2005. Vol. 11, fasc. 2. P. 310–315.

Renfrew 1972 – *Renfrew C.* The emergence of civilization. London: Methuen, 1972.

Wagstaff 1975 – *Wagstaff J. M.* A note on settlement numbers in Ancient Greece // *The Journal of Hellenic Studies.* 1975. Vol. 95. P. 163–168.

CLASSIFICATION OF THE ANTIQUE RURAL SETTLEMENTS OF THE TAMAN' PENINSULA (VI–early V centuries BC)

A. V. Batasova

The paper puts forward a classification of the antique rural settlements of the Taman' peninsula dating from the VI–early V centuries BC. The classification is based on the materials of reconnaissance works carried out by Ya. M. Paromov in the 1980-es (Паромов 1992; table 1). The author analyzes the combinations between site areas and total amounts of surface finds, as well as absolute and relative amounts of surface finds of the Archaic time (table 2, columns 4 and 5). The comparison of the sites on the basis of various parameters leads to the conclusions about the heterogeneity of the sample, different dynamics of life on the sites under consideration, and their place in the Archaic settlement system. As a result the settlements are divided into three groups (table 2, column 6; table 3). Group 1 (cells 3/C, 3/D, 4/D) consists of 7 settlements which appear to have occupied the central place in the settlement system (centers of rural areas). Group 2 (cell 16/D) includes 5 settlements, some of which too could have played a role of local centers. Group 3 (cells 1a/A, 1a/B, 1a/C, 1a/D, 16/A, 16/B, 16/C, 2a/A, 26/A, 26/B) includes the remaining 84 sites, which seem to have been ordinary rural settlements. It is likely that the hierarchy of settlements had existed since the early stages of the colonization of Taman'.

ГЕРОДОТ И ПЛАВАНИЕ ПО БОРИСФЕНУ

К. К. ШИЛИК

Ключевые слова: *Геродот, Северное Причерноморье, Ольвия, скифы, речные плавания, Днепр (Борисфен).*

Keywords: *Herodotus, North Black Sea region, Olbia, Scythes, Dnieper (Borisphenus).*

Плавания по рекам Скифии и, в частности, по Борисфену-Днепру интересовали многих исследователей. Высказывались различные, в том числе противоположные, суждения. Но единого мнения о скорости плавания и о пройденных расстояниях выработано не было.

Сам Геродот о плаваниях по Борисфену четырежды говорит в книге IV, в § 18, 53 и 71. Рассмотрим подробно эти параграфы. В § 18, 1 Геродот сообщает: «Если перейти Борисфен, первая от моря страна – Гилея, если же идти вверх от нее – (там) живут скифы-земледельцы». ¹ А в § 18, 2 добавляет: «в сторону северного ветра эта земля (скифов-земледельцев) простирается *на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену*». ² По поводу двух этих фраз возникают вопросы.

1. С какого берега реки (или лимана) на какой надо было переходить Борисфен? Вопрос можно сформулировать по-другому: на каком берегу находилась Гилея? У Геродота в § 76, 4 сказано, что Гилея находится близ Ахиллова бега, частью которого в наше время принято считать Тендровскую косу. Основываясь на этом кратком сообщении, большинство исследователей делает вывод, что переходить надо было с правого берега Борисфена на левый. Следовательно, на нем и была Гилея. Однако некоторые исследователи помещали ее на правом берегу Днепра, а другие – на обоих берегах. Автор этой статьи придерживается мнения большинства.

2. Какова протяженность Гилеи вдоль Борисфена? Об этом у «Отца истории» нет ни слова. Большинство исследователей считает, что Гилея Геродота была расположена на левом берегу лимана и самого Борисфена, занимая пространство от дистального конца нынешнего Кинбурнского п-ова до Новой Каховки (Доватур и др. 1982: 233).

3. Откуда именно начинается отсчет 11 дней плавания вверх по Борисфену? Об этом у Геродота сказано неопределенно: «если идти вверх» от Гилеи. Было ли между Гилеей и скифами-земледельцами что-то вроде пограничной черты, или же существовало некое незаселенное пространство – неизвестно. В любом

---

¹ В. И. Абаев в статье о скифах-земледельцах пишет, что слово *γεωργοί* является греческой адаптацией иранского названия этих скифов *gauvarga* – «почитающие скот» (Абаев 1981) (т. е. получается, что они вроде бы не земледельцы. – К. Ш.).

² В работе над настоящей статьей автор пользовался трудом Геродота в переводе И. А. Шишовой, опубликованным в книге «Народы нашей страны в “Истории” Геродота» (Доватур и др. 1982). Все отрывки из книги Геродота, цитированные в работе, взяты именно из этого издания. Выделения курсивом в тексте сделаны автором статьи.

случае эта граница в какой-то мере условна, поскольку определить четкую границу древнего леса и степи невозможно, так как лес этот давно исчез.

4. Где находится конец этой 11-дневной дистанции? Об этом Геродот также не сообщает. Никакой привязки окончания дистанции к местности у него нет, есть только протяженность в днях плавания.

В § 71, 1 сказано: «Могилы царей находятся в (области) герров *в том месте, до которого Борисфен судоходен*». В этом отрывке нет ни слова ни о днях плавания, ни о границе Гилеи с землей скифов-пахарей, правда, есть привязка к местности, причем достаточно четкая, поскольку Борисфен/Днепр был судоходен от моря лишь до нижнего порога Днепра. Вероятно, именно это обстоятельство дало основание некоторым исследователям локализовать у этого порога искомую границу, хотя сам Геродот никак не связывает это место с окончанием 11-дневных плаваний.

В § 53, 4 сказано следующее: «Протекая с севера он (Борисфен) известен до местности Герр, до которой *сорок дней плавания* <...> Ясно, что он течет через пустыню в страну скифов-земледельцев: ведь эти *скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания*». В этом параграфе не сообщается, где началось и где оканчивалось 10-дневное плавание, которое не очень согласуется с 11-дневным плаванием из § 18. Не говорит Геродот также, откуда началось и где оканчивалось 40-дневное плавание, а также, в какую сторону оно проходило (по течению или против него).

У современных исследователей существует несколько взаимоисключающих мнений об этом плавании. Были, например, попытки просчитать путь продолжительностью в 40 дней (Там же: 283) от моря до устья Десны (880 км). Это значит, что за день гребцы должны были преодолевать 22 км относительно берега против течения. Однако средняя скорость гребных судов относительно берега при плавании против течения по Днепру и Рейну, которую приводят авторы XIX в., составляла 31 км за 8 часов (см. ниже). При такой скорости судно пройдет всю дистанцию не за 40 дней, а за неполных 29. Кроме того, эти расчеты не учитывают наличия непроходимых порогов. Т. е. расчеты эти неверны. Другие исследователи объясняли длительность плавания в 40 дней тем, что плавание проходило в обратную сторону, от истока до порогов (Там же). Это расстояние равно 1800 км, т. е. по 45 км в день. Такая скорость явно мала для гребного судна, плывущего на веслах вниз по Днепру. Обычно скорость такого плавания равняется примерно 75 км в день.³ При такой скорости длительность плавания составит всего 24 дня. В такой ситуации не имеет смысла пытаться вычислить длину пути, пройденного за один день. Кроме того, число 40 во многих древних культурах было сакральным и означало «много». Рассмотренные параграфы действительно не содержат информации, которая позволила бы проводить вычисление расстояний и скорости плавания.

В том же § 53 повторно сообщается о плавании вдоль земли скифов-земледельцев. Однако здесь говорится не об 11 днях плавания, как в § 18, 2, а о 10 днях. По поводу этого противоречия также высказано несколько точек зрения. По мнению Ю. Г. Виноградова, «противоречие только кажущееся, потому

³ Подробнее о 40-дневном плавании см. Доватур и др. 1982: 283–284.

что в первый раз (т. е. в § 18, 2. – *К. Ш.*) историк, идя от эмпория борисфенитов,⁴ определяет, насколько отстоит от моря *верхняя граница расселения скифов-земледельцев*, а во второй раз (т. е. в § 53, 4. – *К. Ш.*) только рассматривает *протяженность их территории вдоль Борисфена, идя с севера*. Отсюда можно заключить, что *Гилея занимала ровно один день плавания на север*» (Виноградов 1976: 79). Мнение Ю. Г. Виноградова требует анализа. Посмотрим, в какой мере его формулировки соответствуют сообщению Геродота.

В § 18 («первый раз», по Ю. Г. Виноградову) Геродот действительно описал плавание против течения, длившееся 11 дней. У Геродота в этом параграфе нет ни слова ни об эмпории борисфенитов, ни о море, ни о верхней границе земли скифов-земледельцев, как нет ни слова и о нижней границе. Сказано только о простираии земли и приведена топографически не очень определенная фраза «вверх от нее (Гилеи) живут скифы-земледельцы». При этом Геродот ничего не говорит о протяженности Гилеи вдоль Борисфена. Однако Ю. Г. Виноградов уверенно пишет, что историк определяет, *«насколько отстоит от моря верхняя граница расселения скифов-земледельцев»*. Геродот же пишет, что к скифам-земледельцам надо идти вверх *от Гилеи*, а не от моря.

В § 53, 4 («второй раз», по Ю. Г. Виноградову) Геродот пишет: «ведь эти скифы *обитают* по его (Борисфена) берегам на расстоянии *десяти дней плавания*». По мнению Ю. Г. Виноградова, плавание совершалось хоть и по тому же маршруту, что и в «первый раз», но в обратном направлении, «идя с севера», т. е. по течению. При этом, по словам Ю. Г. Виноградова, Геродот «только рассматривает *протяженность их территории вдоль Борисфена*». Здесь надо уточнить: Геродот в этом параграфе рассматривает не протяженность территории, а сообщает, что «эти скифы *обитают* по его (Борисфена) берегам на расстоянии десяти дней плавания». Ниже будет показано, что это не одно и то же.

Ю. Г. Виноградов не говорит о длительности двух этих плаваний, но приводит разницу их продолжительности, равную, как и у Геродота, одному дню: «Отсюда можно заключить, что Гилея занимала ровно один день плавания на север» (Там же: 79). Однако, как справедливо замечено авторами указанной выше книги, это «невозможно, так как в этом случае разница в один день слишком мала» (Доватур и др. 1982: 236). Протяженность Гилеи, разумеется, не могла быть столь короткой. К. Нойман считал, что Гилея была вытянута вдоль Днепра, от входа в лиман, на 3–4 дня пути (Neumann 1855).

Не вызывает сомнений, что Ю. Г. Виноградов при интерпретации § 18 и 53 опирался на очертания Днепровского лимана, которые были представлены на советских картах середины XX в. Это позволяет приблизительно просчитать оба варианта плавания, описанного Ю. Г. Виноградовым, пользуясь данными современной картографии и гидрографии.

Начнем с «первого раза» (с § 18), т. е. с плавания, по Ю. Г. Виноградову, *от эмпория борисфенитов* (от острова Березань. – *К. Ш.*) на север до *верхней границы расселения скифов-земледельцев* (т. е., надо понимать, до порогов, которые

---

⁴ Ю. Г. Виноградов, как и многие другие авторы, считает, что эмпорием борисфенитов Геродота является античное поселение на нынешнем о. Березань. В V в. до н. э. при уровне моря, равном примерно –5 м, о. Березань являлся останцем суши, образовавшимся в период новочерноморской трансгрессии при уровне моря на 2 м более высоком, чем нынешний (Шилик 1988).

являлись преградой дальнейшему плаванию). Разделим условно этот маршрут на два отрезка. Первый отрезок короткий. Плавание, начинавшееся, согласно Ю. Г. Виноградову, от эмпория борисфенитов, заняло *ровно один день плавания на север* (на самом деле – на восток, но это не имеет значения). За этот день судно прошло вдоль Гилеи от ее начала до конца. Второй отрезок – дальнейшее продвижение судна – по Днепру на север. Продвижение проходило вдоль мест обитания скифов-земледельцев «на расстоянии десяти дней плавания» (§ 53).

Для вычисления более или менее реального времени, затраченного на такое плавание, необходимо знать пройденное судном расстояние, скорость судна относительно воды и скорость течения самого Днепра. От начального пункта плавания (от эмпория борисфенитов) до Очаковского мыса, разграничивающего море и лиман, расстояние равно 10 км. Далее – лиман, полная длина которого от Очаковского мыса до устья Днепра равна 56 км.⁵ На этом 66-километровом участке практически отсутствует течение. Далее – собственно Днепр, протяженность которого от устья до порогов составляет 326 км. Скорость течения реки у г. Днепропетровска (т. е. выше порогов) в 1929 г. (до постройки электростанций) составляла 0,63–0,83 м/сек (Шапар 2011), т. е. 2,27–2,99 км/час (среднее значение – 2,63). За 8 часов (за день плавания) при такой скорости течения река пронесет судно на 18–24 км (среднее значение – 21 км).

Для расчетов продолжительности дневного пути по рекам на древних судах исследователи XIX и XX вв. пользовались данными о скоростях гребных судов второй половины XIX в., плававших по рекам Европы (Надеждин 1844: 70–71 и примеч. 80). Продолжительность дневного перехода этих судов составляла 8 часов (нормальный рабочий день). Та же продолжительность перехода принята и в наши дни при шлюпочных и байдарочных походах, а также при пеших переходах.

Теперь о скоростях гребных судов относительно воды, полученных автором этой статьи в работе о плаваниях, описанных Геродотом (Шилик 2013). Это были плавания вдоль западного берега Красного моря с севера на юг по течению (42,75 км за 8 часов) и вдоль южного берега Каспийского моря с запада на восток также по течению (49,25 км за 8 часов). Меньшая скорость в первом случае объясняется, вероятно, усталостью гребцов в связи с длительностью плавания (40 дней). Восьмидневное же плавание по Каспию в этом плане не сильно отличается от десятидневного плавания по Днепру.

Сравним скорость древних гребных судов на Каспии (49,25 км) с теми сведениями о «дне плавания» по рекам, которые приведены в работах комментаторов Геродота. Надо заметить, что во всех приводимых ниже примерах речь идет о расстояниях, пройденных относительно берега. Так, Н. И. Надеждин, подчеркнув трудности плавания по рекам, предложил, основываясь на реальных средних для его времени скоростях плавания: «на день плавания по рекам, и именно по Днепру, должно класть от тридцати до тридцати пяти верст, не более» (Надеждин 1844: 7) (т. е. 32–37,3 км). Другие комментаторы Геродота приводят очень близкие величины. Например, К. Нойманн говорит о 4 географических милях (Neumann 1855: 80) ($7,421 \times 4 = 29,7$ км), преодолеваемых гребным судном за день плавания против течения по Днепру. П. Н. Третьяков – о 25–35 км

⁵ Все данные по расстояниям и азимутам получены автором этой статьи с карт Google.

за день плавания вверх по Днепру (Третьяков 1953: 54). В. Кольстер говорит, что на Рейне за день плавания вверх по реке гребное судно проходят те же 4 географические мили (Kolster 1846–1847: 625). Среднее значение всех приведенных цифр равно 31 км за 8 часов относительно берега против течения. Последнее обстоятельство было отмечено К. Нойманом и П. Н. Третьяковым. Если учесть скорость течения Днепра (21 км за 8 часов), то скорость относительно воды получается равной 52 км за 8 часов плавания (или 6,5 км в час), т. е. всего на 2,75 км больше скорости древнего судна на Каспии.

Отрезок дистанции от о. Березань до устья Днепра (66 км) гребное судно XIX в. пройдет за $66 : 6,5 = 10,13$ часов, т. е. за 1 день, 2 часа и 9 минут плавания. Второй отрезок дистанции, от устья Днепра до порогов, равен 326 км. Плавание идет против течения, скорость которого равна 21 км за 8 часов. Продолжительность прохода получается равной $326 : (52 - 21) = 10,5$ дней, т. е. 10 дней и 4 часа. Время прохода всей дистанции от эмпория борисфенитов до порогов составит 11 дней и 6 часов, что близко к выкладкам Ю. Г. Виноградова и как будто подтверждает правоту его точки зрения.

Далее о плавании «во второй раз» (по Ю. Г. Виноградову) или о § 53, в котором Геродот кратко повторяет, что скифы обитают по берегам Борисфена на расстоянии десяти дней плавания. О направлении этого плавания (по течению или против него) Геродот не говорит, но в том же параграфе сказано, что Борисфен «течет через пустыню в страну скифов-земледельцев», т. е. с севера. Так что читатель может предположить, что и десятидневное плавание проходило в том же направлении. Вероятно, именно так и предположил Ю. Г. Виноградов, считавший, что в этом параграфе описано плавание от порогов «идя с севера» по течению Днепра до границы, разделяющей земли скифов-земледельцев и Гилею. По его выкладкам граница эта находилась у устья Днепра. Получается, что Ю. Г. Виноградов не видел зависимости скорости от того, в какую сторону плыло судно, по течению или против него. Но ведь Днепр не тихая заводь, а река, имеющая течение. Скорость плавания относительно берега вверх, против течения, и вниз, по течению, в данном случае на веслах, никак не может быть одинаковой. Посмотрим, как долго могло длиться плавание вниз по течению того же корабля, о котором шла речь выше, при старте его от порогов на той же дистанции 326 км. Скорость днепровских судов относительно берега при плавании на веслах по течению составляла 73 км ($52 \text{ км} + 21 \text{ км}$, за те же 8 часов). Это не сильно отличается от данных В. Кольстера, который говорит, что за день плавания вниз по Рейну судно проходит 11 миль (81,6 км). Продолжительность плавания нашего условного судна по Днепру составит 4,46 дня плавания ($326 : 73$), т. е. 4 дня и около 4 часов. При сравнении с плаванием по Днепру в варианте «первого раза» (10,5 дней) оказывается, что скорость вниз по течению в 2,35 раза выше.

Можно сказать, что объяснение противоречия 10 и 11 дней, предложенное Ю. Г. Виноградовым, ошибочно, что в § 53, как и в § 18, речь идет о плавании вверх по Днепру, а также, что мерить пройденное расстояние надо не от эмпория борисфенитов, не от входа в лиман и даже не от устья Днепра. Об этом совершенно определенно говорит сам Геродот, но, читая его без карты, трудно понять, почему эти скифы на своей земле обитают только на расстоянии десяти дней плавания, если сама земля простирается на одиннадцать дней плавания.

Правда, с картой это тоже не просто, поскольку Геродот не сказал, где именно проходила граница между Гилеей и землей скифов-земледельцев.

Уже было сказано, что Гилея занимала пространство вдоль Днепровского лимана и самого Днепра и протяженность этого пространства от дистальной оконечности Кинбурнской косы до центральной части г. Новая Каховка составляет 150 км. Такую протяженность Гилеи подтверждают исследования почвоведов и палеоботаников (Нейштадт 1957: 362). Поэтому трудно согласиться с утверждением Ю. Г. Виноградова, что Гилея времен Геродота могла простираться на восток всего лишь до современного устья Днепра.

Протяженность г. Новая Каховка вместе с пригородами вдоль Днепра составляет 12 км.⁵ Более точно установить расположение границы между Гилеей Геродота и землей скифов-пахарей не представляется возможным.

К сожалению, Геродот ничего не сказал и о северной границе скифов-земледельцев. Современные исследователи обычно считают, что она начиналась у нижнего порога Днепра и, надо понимать, уходила примерно на юго-восток. Такого же мнения, вероятно, придерживался и Ю. Г. Виноградов. Из этого, вообще говоря, можно сделать вывод, что 11- и 10-дневные плавания могли начинаться одно – от Ольвии, а другое – от устья Днепра⁶ (расстояние между этими пунктами около 40 км – близко к дню плавания) и оканчиваться у нижнего порога Днепра. Но это противоречит другим данным Геродота (тот же § 18, 2). Расстояние от восточной границы Гилеи (т. е. от центральной части Новой Каховки) до нижнего порога Днепра – 226 км, т. е. равно 7 дням и примерно 2 с четвертью часам плавания, а не 10 или 11 дням. Возникает вопрос: где находилась северная граница расселения скифов-земледельцев, если их южная граница находилась у Новой Каховки? Получается, что где-то на порогах или даже выше порогов.

В древности плаваний через днепровские пороги против течения не было, об этом можно говорить уверенно. Сложности, связанные с переносом грузов и монокилов в обход порогов при сплаве *по течению*, подробно описаны Константином Багрянородным (1989: гл. 9), который о подъеме по порогам даже не упоминает.

Можно предположить, что скифам-земледельцам (или грекам) не обязательно было к северному концу этой территории плыть. Пороги можно было обойти или объехать на повозках, что является обычным делом для оседлого земледельческого населения. Изучение крупномасштабной карты показало, что могло быть несколько вариантов такого обхода порогов. Все зависело от того, где могла происходить перегрузка товаров с кораблей на сухопутный транспорт. Перегружать товары на повозки могли у нижнего порога Днепра, или у южной оконечности о. Хортица, или даже вблизи современного г. Марганец. Можно

---

⁵ В силу этого обстоятельства при обозначении расстояний «от восточной границы Гилеи», или, что в данном случае то же самое, «от Новой Каховки», надо иметь в виду, что отсчет начинается от точки, расположенной на 4 км ниже плотины Каховского водохранилища и что к цифрам, обозначающим расстояние, надо добавлять ± 6 км. Если учесть противоречия в тексте Геродота, неточность восточной границы приморской Гилеи, предположительность скоростей судов и повозок, а также предположения автора данной статьи при расчетах пройденного пути, то все полученные цифры расстояний и скоростей в какой-то мере условны, но ничего другого у нас, кажется, нет.

⁶ В. П. Яйленко так и пишет: «точкой отсчета должна быть Ольвия» (Яйленко 1983: 56).

предположить, что в местах перегрузки могло быть нечто вроде временных эмпориев. Перегрузка, конечно, требовала затрат какого-то времени, но учитывалось ли оно?

Объезд порогов вдоль берегов Днепра по его первой надпойменной террасе мог быть слишком сложным из-за бесчисленных оврагов и малых притоков реки. В то время как по правому и левому водоразделам, «параллельным» долине реки, можно было без особых трудностей добраться до того места, где оканчивался 10-дневный путь. Если принять протяженность дня пути за 35 км,⁷ то длина оставшейся части пути (2 дня и 6,25 часов) будет равна 97 км. Куда мог привести путь такой протяженности?

Измерения показали, что верхний порог Днепра, современное название которого – Кодацкий,⁸ находится в 70 км от начала западного объезда, а в 10 км выше этого порога в Днепр с востока впадает р. Самара. Если ехать (или плыть?) от устья Самары далее вверх по Днепру, то через 17 км будет внешне и исторически ничем не примечательный конечный пункт 10-дневного путешествия. Следующий, уже заметный, объект, расположенный в 56 км выше по Днепру от этого конечного пункта, – это старое устье р. Орель,⁹ а устье Ворсклы находится еще в 76 км выше этого пункта.

По сравнению с этими расстояниями разница в 17 км между вычисленным концом 10-дневного пути и истинным положением устья Самары (причем вниз по Днепру, а не вверх от конца пути) представляется совсем незначительной. Поэтому концом 10-дневного, в значительной мере условного, пути можно считать устье р. Самары, конечная точка земли, на которой обитают скифы-земледельцы.

Теперь о восточном водораздельном объезде. Его протяженность от нижнего порога Днепра до верхнего равна 114 км, т. е. восточный объезд в полтора с лишним раза длиннее западного. При этом конечная точка 10-дневного маршрута попадает в точку, находящуюся в 17 км ниже верхнего порога. Нонсенс? Для восточного объезда, да. Но это может означать, что западный объезд был основным, а восточный путь для кого-то, возможно, был более удобным, хоть он и длиннее на полдня. Но на нем не надо было переправляться через Днепр.

Напомним, что об 11 днях плавания Геродот пишет следующее: «в сторону северного ветра эта земля (скифов-земледельцев) простирается на *одинадцать дней плавания вверх по Борисфену*» (§ 18, 2). Как было показано выше, оба пла-

⁷ Такая протяженность дня пути получается, если использовать для расчетов расстояний аттический стадий (177,6 м), которым, по мнению многих исследователей, пользовался Геродот. Ту же протяженность Б. А. Рыбаков вычислил по данным Геродота о пути от Истра до Борисфена и использовал ее при расчетах расстояний по суше в Скифии (Рыбаков 1979: 21). Надо отметить, что величина эта достаточно условна. Ведь Геродот дает величины дней пути и плавания в целых числах, поскольку точно измерять длину пройденного пути и потраченное время в V в. до н. э. еще не умели. Можно сказать, что точность измерения многодневного пути или плавания была равна примерно ± половине дня. Поэтому дробные части дня, встречающиеся в тексте данной работы, также в достаточной мере условны.

⁸ Порог называется по польской крепости Кодак XVII в. Сейчас на правом берегу Днепра непосредственно перед этим порогом расположен пос. Старые Кодаки, жители которого в XVIII в. занимались проводкой кораблей через пороги по течению.

⁹ В 1967 г. низовье Орели получило новое, искусственное, русло, которое проходит параллельно Днепру и впадает в него на 41 км ниже прежнего устья.

вания начинались в одной точке: на берегу Борисфена у границы между Гилеей и землей скифов-земледельцев. Получается, что именно выше порогов, а не на Днепровском лимане, кроется объяснение разницы в один день плавания (а точнее, плавания плюс сухого пути). Т. е., согласно Геродоту, получается, что до северной границы земли скифов-земледельцев надо проплыть вверх по Борисфену еще один день (31 км). Но возникает вопрос: по Борисфену ли надо было плыть (или ехать)? Ведь если Геродот прав, то плавающие попадали на место нынешнего г. Днепродзержинска, где нет и не было никаких признаков какой-либо естественной границы – реки или водораздела. Кроме того, в ходе такого плавания плывущие удалялись бы от земли скифов-кочевников. Дело в том, что русло Днепра в месте впадения Самары делает крутой поворот вправо: течение, идущее до поворота с азимута 285° (практически с запада), меняет направление на азимут 15° (с севера) и выдерживает это направление всего лишь около 6 км. Русло же Самары, вернее его последние 40 км (измерено по прямой), подходит к своему устью с азимута примерно 30° , что достаточно близко к направлению 6-километрового отрезка Днепра.¹⁰ Но это не все. Северное окончание западного сухопутного обхода порогов приводит к высшей точке над береговым обрывом Днепра перед спуском к верхнему порогу. Высота этой точки в наши дни превышает уровень Днепра на 108 м. С этой высоты хорошо виден короткий отрезок русла Днепра, идущий после поворота с севера на юг. Видимым продолжением этого отрезка далее на север служат низовья Самары, которые просматриваются с высокой точки почти на 10 км. В то же время часть Днепра, идущая с запада, не видна совсем, так как она закрыта высоким правым берегом самого Днепра. Виден только участок поворота низкого левого берега протяженностью менее километра. Возможно, именно эта географическая особенность данного места дошла до Геродота в виде устного рассказа и послужила материалом для сообщения об одиннадцатом дне плавания по Борисфену.

Чтобы проехать (или проплыть) оставшиеся 40 км вдоль Самары вверх от устья, требовалось около дня пути по правому, довольно ровному и низкому коренному берегу ее долины. Гребному же судну потребовалось бы несколько более одного дня плавания на такой же путь по реке, так как русло в этом месте чрезвычайно извилисто и, возможно, таким же было в древности. Проехав или проплыв эти 40 км, путник попадает на довольно большую и плавную двойную излучину Самары, на которой находится самая северная точка русла реки. И если в моих расчетах нет большой ошибки, то этот день действительно является одиннадцатым днем частично условного плавания вдоль земли скифов-земледельцев к самой северной точке их земли. На второй большой излучине русло плавно поворачивает на 90° вправо, и река течет уже с азимута 120° , примерно с юго-востока.

---

¹⁰ Уровень Днепра, поднявшийся после строительства ДнепроГЭС, заметно изменил конфигурацию низовий Самары. На «Большой карте Екатеринославской губернии 1865 года» можно видеть, что последние 3 км русло Самары направлено довольно точно с севера на юг и впадает в 6-километровый отрезок Днепра, имеющий такое же направление (далее русло Днепра поворачивает налево, к верхнему порогу, и сразу же за порогом – направо, на юг).

- Абаев 1981 – *Абаев В. И.* Геродотовские Skythai georgoi // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 74–76.
- Виноградов 1976 – *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976. С. 75–84.
- Доватур и др. 1982 – *Доватур А. И., Каллистов А. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 456 с.
- Константин Багрянородный 1989 – *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 501 с.
- Надеждин 1844 – *Надеждин Н.* Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями. Одесса, 1844. 114 с. (Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1).
- Нейштадт 1957 – *Нейштадт М. Н.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 397 с.
- Рыбаков 1979 – *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979. 248 с.
- Третьяков 1953 – *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 312 с.
- Шапар 2011 – *Шапар А. Г.* Днепр сегодня: только стонет, но уже не ревет // Газета «Зеркало недели». Украина. 2011. 1 июля. № 24.
- Шилик 1988 – *Шилик К. К.* История с географией Березани // Природа. 1988. № 11. С. 86–90.
- Шилик 2013 – *Шилик К. К.* О термине «день плавания» у Геродота // Вопросы подводной археологии. М., 2013. С. 5–38.
- Яйленко 1983 – *Яйленко В. П.* К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // Советская этнография. М., 1983. № 1. С. 54–65.
- Kolster 1846–1847 – *Kolster W. H.* Das Land der Skythen bei Herodot und Hippokrates. 1846–1847 (Archiv für Philologie und Pädagogik).
- Neumann 1855 – *Neumann K.* Die Hellenen im Skythenlande. Berlin: G. Reimer, 1855.

HERODOTUS AND THE BORISPHEBUS VOYAGE

K. K. Shilik

The voyage of Greek ships along the Borisphebus (Dnieper) is mentioned in Herodotus' «History» four times. These contradictory fragments have repeatedly attracted the attention of researchers. In particular, Herodotus writes that their route passed near the lands of Scythian-farmers. The paper attempts to locate the northern boundary of the Scythian-farmers' area, which must have lay at a distance of a ten-day upstream journey from Hylaea. This boundary was probably the Samara River mouth. A version of the eleventh day of journey towards the «northern wind» is considered too. A supposition is put forward that the journey was not only by water but partly also by land.

ЧЖАОСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ ЛИ МУ И ЕГО БОРЬБА С «СЮННУ»

С. С. МИНЯЕВ

Ключевые слова: *сюнну, Ли Му, Ши цзи, эпоха Чжаньго.*

Keywords: *Xiongnu, Li Mu, Shiji («Historical Records»), Zhao Kingdom.*

Скотоводческие племена играли важную роль в истории Центральной Азии на протяжении тысячелетий. Особое место среди них занимают сюнну (азиатские гунны), с именем которых связана целая эпоха в истории этого региона. Она начинается с быстрого усиления сюнну в конце III в. до н. э. и заканчивается в первые века нашей эры постепенным распадом сюннуской «державы». Завоевания сюнну распространили их власть на огромную территорию от Маньчжурии до бассейна Енисея, привели к интенсивному перемещению больших масс населения и активному взаимодействию различных культурных традиций. В результате существенной трансформации культуры и антропологического облика населения азиатских степей в эпоху сюнну складывается основа для формирования племенных объединений эпохи средневековья, во многом определивших этническую ситуацию на востоке степного пояса и в новое время. Значительное влияние сюнну на ход исторических процессов в евразийском степном поясе очевидно, и разработка важнейших проблем истории и культуры населения этого огромного региона во многом связана с изучением сюннуского племенного союза.

База данных для изучения сюнну в настоящее время весьма обширна. Она включает в себя археологические памятники, сведения лингвистики, антропологии, палеогенетики, а также сведения письменных памятников – исторических сочинений, философских трактатов, поэтических текстов, хроник основных событий в древних княжествах Китая. Совокупность различных источников создает реальные предпосылки для детальной реконструкции основных этапов сюннуской истории. Однако вопрос о «происхождении» сюнну или точнее – о раннем этапе их истории (до того как они в конце III в. до н. э. возглавили мощное племенное объединение) остается до настоящего времени дискуссионным. Причина этому – существенные расхождения между перечисленными выше источниками, в первую очередь между археологическими данными и письменными памятниками. Сведения последних как будто дают основание считать, что сюнну в эпоху Чжаньго (эпоха «воюющих царств», IV–III вв. до н. э.) уже обитали на северных границах древнекитайских княжеств и были вытеснены оттуда при императоре Цинь Шихуане в конце III в. до н. э. Однако надежная хронология археологических памятников, отождествляемых с сюнну, не позволяет датировать их ранее конца II в. до н. э., а область распространения таких памятников не совпадает с географическим ориентирами, упомянутыми в письменных источниках в связи с событиями ранней сюннуской истории (Миняев 1998; 2001). Вполне очевидно, что сведения этих источников, связанные с упоминанием сюнну в эпоху Чжаньго и Цинь, следует рассмотреть подробнее.

Для изучения истории сюнну основным письменным документом являются знаменитые «Записи историка» («Ши цзи») Сыма Цяня. Это сочинение, составленное на рубеже II–I вв. до н. э. на основании исторических хроник более раннего времени, множества различных документов и (для эпохи ранней Хань) свидетельств очевидцев, охватывает все основные события предшествующей истории Китая – от мифических императоров глубокой древности до рубежа II–I до н. э. Значение этого труда для изучения истории как древнего Китая, так и его соседей переоценить невозможно.

Вместе с тем при использовании «Ши цзи» как источника для реконструкции истории сюнну (и не только сюнну) следует учитывать несколько важных обстоятельств. Оригинальные списки этого сочинения (по одной из версий их было всего два) давно утеряны, их содержание дошло до нас благодаря многократным перепискам хронистами более поздних эпох. В результате помимо обростания многочисленными комментариями такие «реконструированные» списки «Ши цзи» подвергались различным добавлениям, исправлениям и не всегда обоснованному редактированию. Переписчики часто добавляли от себя утерянные фрагменты различных глав, обычно используя этнокультурные понятия своего времени. К тому же особенности древнекитайских текстов, где отсутствовала пунктуация, приводят до настоящего времени к разночтениям в переводе отдельных фраз или абзацев. Среди современных исследователей идет дискуссия об аутентичности многих фрагментов и даже глав древних сочинений, о корректности перевода тех или иных частей текста. Так, автором некоторых глав «Ши цзи» считают отца Сыма Цяня – Сыма Тяня (также придворного историографа), ряд других глав справедливо относят к творчеству позднейших комментаторов и интерполяторов (см. подробно Таскин 1968; Кроль 1970; Крюков 2001; Вяткин Р. 2001; Вяткин А. 2010).

Одно из первых упоминаний о сюнну в связи с событиями эпохи Чжаньго – рассказ о борьбе с ними Ли Му, полководца царства Чжао. Эти события кратко упомянуты Сыма Цянем в тексте 110-й главы «Ши цзи» («Повествование о сюнну») сразу после сообщения о граничащих с сюнну трех древнекитайских царствах: «В это время из семи борющихся царств, в которых носили шапки и пояса [установленного образца], три граничили с сюнну. Позднее, при чжаоском военачальнике Ли Му, сюнну не осмеливались вторгаться в пограничные земли Чжао» (Сыма Цянь 2002: 326).

Более детально борьба Ли Му с сюнну изложена в 81-й главе «Ши цзи» («Жизнеописание Лянь По и Линь Сян-жу» – Сыма Цянь 1992: 257–258). Здесь речь идет о тактике, которую избрал Ли Му в борьбе с кочевниками и которая в конечном счете привела к их сокрушительному разгрому.

«Ли Му, служивший в северных пограничных землях княжества Чжао, был одним из способных военачальников. Он постоянно пребывал в Дай или Янь-мэне, готовый отразить нападение сюнну».

Далее рассказывается, как Ли Му, усыпив бдительность сюнну, «отобрал в своем войске 1300 боевых колесниц, 13 тысяч всадников, 50 тысяч храбрых воинов, достойных награды в сто золотых, кроме того – 100 тысяч метких стрелков из лука, и всех их стал тренировать, готовя к боям <...> Когда сюнну вторглись малыми силами, то он отошел, сделав вид, что потерпел поражение, потеряв при этом несколько тысяч человек. Узнав об этом, сюннуский шаньюй

вторгся в чжаоские земли с огромной массой своих воинов. Но Ли Му, знавший многие удивительные способы ведения боя, развернул свои левый и правый фланги и ударил по армии сюнну, нанеся ей крупное поражение. Погибло более 100 тысяч сюннских конников. Он уничтожил [племена] даньлин, разгромил [племена] дунху, принудил сдаться [племена] линьху. Шаньюй спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам Чжао» (Там же).

Как видно из цитированных фрагментов, противниками Ли Му в названных главах «Ши цзи» среди других племен упомянуты и сюнну. Ли Му был назначен на свою должность в 243 г. до н. э. (Там же: 78) и казнен в 229 г. до н. э. (Там же: 79), следовательно, речь идет о событиях второй половины III в. до н. э. Поэтому можно было бы предположить, что сюнну уже в это время, всего лишь за несколько десятилетий до образования племенного союза, действительно обитали на северных границах княжества Чжао. Однако доказать такое предположение не позволяет ряд противоречий как в приведенных выше фрагментах текста «Ши цзи», так и между другими главами этого сочинения.

Прежде всего, обратимся к 43-й главе «Ши цзи», подробно излагающей военно-политическую историю Чжао вплоть до его полного поглощения княжеством Цинь в 222 г. до н. э. Данная глава, как и другие главы раздела «Ши цзя» («История наследственных домов»), была составлена Сыма Цянем на основании летописей этого княжества. Военные заслуги Ли Му, начиная с его назначения полководцем в Чжао и до его казни, упомянуты в этой главе несколько раз. Однако эти заслуги касаются только сражений с войсками княжеств Янь и Цинь – текст 43-й главы не содержит никаких упоминаний о сюнну (Там же: 44–79). Нет сведений о сюнну и борьбе с ними Ли Му и в хронологических таблицах княжества Чжао (Сыма Цянь 1984).

О подвигах Ли Му говорится и в 102-й главе «Ши цзи» («Жизнеописание Чжан Шичжи и Фэн Тана»), в диалоге императора Вэнь-ди и одного из его сановников, Фэн Тана. Тан, дед которого якобы лично знал Ли Му, рассказывая о подвигах полководца, говорит: «он на севере прогнал шаньюя, разбил племена дунху, уничтожил племена даньлин. На западе дал отпор сильному [царству] Цинь, на юге поддержал Хань и Вэй» (Сыма Цянь 2002: 226). Как видно, и в этом случае нет конкретного упоминания племени сюнну в связи с действиями Ли Му: разбитые им племена – это дунху, даньлин, линьху.

Эпизоды борьбы Ли Му с сюнну детально рассматривались Л. Боровковой, которая справедливо усомнилась в численности противостоящих сил – сюннской конницы и армии царства Чжао,¹ а также отметила серьезные противоречия в хронологии событий. «По этим сведениям (81-й главы. – С. М.) получается, что Ли Му, находясь в Яньмэнь, <...> воевал с сюнну до 243 г. до н. э., по сообщению же “Повествования о сюнну” Сыма Цянь отнес это к периоду около 227 г. до н. э.» (Боровкова 1990: 5).

---

¹ По данным 110-й главы, сюнну потеряли 100 000 всадников, а армия Ли Му насчитывала 150 000 человек, 13 000 коней и 1300 колесниц. Несоответствие этих цифр реально возможной численности войска одного округа вполне очевидно (Боровкова 1990: 5). Постоянное преувеличение цифр и использование выражений типа «сто тысяч воинов» как синонимов очень больших значений характерно и для других глав «Ши цзи» (Вяткин Р. 2002: 24–25).

Предположение о 227 г. до н. э. основано на упоминании в тексте «Сюнну лечжуань» «мудрого полководца» княжества Янь Цин Кая и его внука Цинь У-яна, участника покушения на жизнь будущего императора Цинь Ши-хуана в 227 г. до н. э. Однако Сыма Цянь вряд ли мог отнести борьбу Ли Му с сюнну к данному времени, поскольку этот полководец Чжао был казнен, по сообщению того же Сыма Цяня, двумя годами ранее, в 229 г. до н. э.

Однако противоречия в хронологии событий, связанных с деятельностью Ли Му, все же остаются. Они вполне объяснимы, если внимательно рассмотреть не только фрагмент 81-й главы о борьбе Ли Му с кочевниками, а структуру текста главы в целом.

Прежде всего отметим, что название главы позволяет отнести ее к тому подразделу «жизнеописаний» (лечжуань), который исследователи «Ши цзи» классифицируют как «хэчжуань» (парные биографии), в данном случае – биографии Лянь По и Линь Сян-жу (Вяткин Р. 1996: 15). Однако содержание главы не совсем соответствует этому жанру: помимо жизнеописания двух основных героев, политических деятелей царства Чжао, в текст главы также включены биографии еще трех военачальников этого царства – Чжао Шэна (его положение, как сказано в тексте, в ходе карьеры стало равным Лянь По и Линь Сян-жу), его сына Чжао Ко, а также Ли Му (Сыма Цянь 2001: 252–260). Но если деяния Чжао Шэна и Чжао Ко в целом вписываются в последовательность событий в княжестве Чжао, то в жизнеописании Ли Му содержится явное противоречие.

Первый раз Ли Му упомянут в 81-й главе под 243 г. до н. э., когда он был назначен военачальником Чжао и завоевал яньские города Усуй и Фанчэн (Там же: 257). Это сообщение почти дословно повторяет текст 43-й главы о назначении Ли Му, что подтверждает реальность названной даты: «На втором году (правления чжаоского Дао-сян-вана, в 243 г. до н. э. – С. М.) Ли Му встал во главе войск и, напад на княжество Янь, занял Усуй и Фанчэн» (Сыма Цянь 1992: 78).

Далее в тексте 81-й главы повествуется о борьбе Ли Му с сюнну, которая, судя по описанным событиям, заняла несколько лет (см. выше соответствующий фрагмент 81-й главы) и закончилась победой Чжао: «В последующие десять с лишним лет сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам Чжао» (Сыма Цянь 1996: 257–258).

Однако сразу после этого в тексте 81-й главы описание событий возвращается на несколько лет назад: снова сообщается о назначении Ли Му полководцем княжества Чжао, причем это сообщение датировано даже годом ранее, чем в цитированном выше фрагменте – не 243 г. до н. э., а 244 г. до н. э. Далее снова говорится о том же походе Ли Му на княжество Янь и захвате им тех же яньских городов Усуй и Фанчэн:

«В начальном году правления чжаоского Дао Сян-вана (244 г.), когда Лянь По перебрался в Вэй, чжаоский правитель отправил Ли Му в поход против княжества Янь, [где им] были захвачены города Усуй и Фанчэн» (Там же: 260).

Дальнейший текст 81-й главы, вплоть до казни Ли Му в 229 г. до н. э., повествует о его победах над армиями враждующих с Чжао княжеств – Цинь (234 и 231 гг. до н. э.), Вэй и Хань (в 231 г. до н. э.). В 229 г. до н. э., во время очередного похода против Цинь, Ли Му был ложно обвинен в подготовке мятежа, отказался оставить свой пост и по приказу чжаоского вана был казнен (Там же).

Вполне очевидно, что если рассматривать изложенные в 81-й главе факты биографии Ли Му последовательно, начиная с его назначения военачальником Чжао, то между 243 и 244 гг. до н. э. для сюжета о борьбе полководца с сюнну (занявшей, напомним, несколько лет) просто не остается временного промежутка. Именно поэтому данный сюжет (напомним, отсутствующий в 43-й главе «Ши цзи», в истории собственно княжества Чжао) с большим основанием можно считать интерполяцией в текст 81-й главы, допущенной, видимо, поздними переписчиками «Записей историка».

Двойное упоминание в 81-й главе о назначении Ли Му военачальником в Чжао привело и к некорректной датировке его противостояния с кочевниками. Так, Сюн Цуньжуй (1983: 111) отнес эти события к периоду от 265 до 245 гг. до н. э., с чем согласился и А. А. Ковалев (Ковалев 2002: 157). Исследователи основываются, видимо, на повторном сообщении о назначении Ли Му военачальником Чжао в 244 г. до н. э., которое помещено в тексте 81-й главы после сведений о разгроме племен на северных границах этого княжества. Если принять такую датировку (полностью противоречащую данным как 43-й, так и 81-й глав), то складывается абсолютно невероятная ситуация: Ли Му, не будучи еще назначенным чжаоским полководцем, на протяжении десятилетий уже командовал войсками Чжао.

Как показано выше, помимо 81-й главы противостояние Ли Му с кочевыми племенами на северных границах Чжао и его победы над ними упомянуты еще в нескольких главах «Ши цзи». Поэтому можно допустить, что эти события, хотя и изложенные в легендарной форме, действительно имели место. Однако сюнну как противники полководца названы только в явно интерполированной части 81-й главы. В других главах, где упомянут Ли Му, в том числе и в истории княжества Чжао (43-я глава), каких-либо сведений о сюнну нет. Отмеченное обстоятельство не дает оснований считать, что именно это племя было противником полководца во второй половине III в. до н. э. Более вероятно, что в интерполированном в 81-ю главу «Ши цзи» сюжете о Ли Му наименование «сюнну» было использовано в качестве типичного для ханьского времени нарицательного обозначения северных кочевых племен в целом.

Этот вывод можно сделать и в отношении других упоминаний «сюнну» в связи с событиями эпохи Чжаньго и Цинь. Наглядным примером является первое упоминание сюнну в «Ши цзи», связанное с событиями 318 г. до н. э. В тексте 5-й главы «Цинь бэньцзи» («Основные записи о доме Цинь») сюнну названы как участники антициньской коалиции с княжествами Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци:

«Войска княжеств Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци, ведя за собой отряды сюнну, совместно напали на Цинь» (Сыма Цянь 2003: 42–43).

Однако в других главах «Ши цзи», посвященных истории названных пяти княжеств (гл. 34, 43 и другие), сюнну ни разу не упомянуты, в том числе и в связи с событиями 318 г. до н. э. Не названы сюнну и при описании похода 318 г. до н. э. в таблицах событий по годам (погодные таблицы «Бяо»): сюнну впервые обозначены здесь только под 202 г. до н. э., в начале династии Хань, уже после образования «империи» Маодуня (Сыма Цянь 1984: 367).

Более того, помимо «Ши цзи», этот же эпизод с походом 318 г. до н. э. упомянут и в другом источнике, «Чжаньго цэ» («Планы сражающихся царств»),²

² Составлен в конце I в. до н. э. известным компилятором Лю Сяном.

однако участниками этих событий здесь названы не сюнну, а совсем другие племена – ищюйские жуны (Васильев 1961: 122). Поэтому можно предположить, что наименование «сюнну» в тексте 5-й главы применительно к 318 г. до н. э. либо является более поздней интерполяцией, как предполагает Л. Боровкова (1990: 4), либо использовано Сыма Цянем в качестве обычного для его времени собирательного обозначения скотоводческих племен и не имеет конкретного этнического содержания.

«Сюнну» упомянуты в «Чжаньго цэ» еще в одном эпизоде, связанном с бегством одного из циньских военачальников в княжество Янь. Наследнику яньского престола советовали отправить перебежчика Фань Юй-ци к сюнну, чтобы избежать циньской угрозы. Данный эпизод может быть датирован не позднее 226 г. до н. э., когда наследнику в угоду правителю Цинь отрубили голову (Сыма Цянь 1987: 92). Это обстоятельство как будто дает основание считать сюнну субъектом исторических событий еще до образования империи Цинь (Сюн Цуньжуй 1983: 111; см. также Ковалев 2002: 159). Однако такое заключение вряд ли оправданно. «Планы...» составлены Лю Сянем в середине I в. до н. э. действительно на основании источников более раннего времени, но для данного случая «ранний» источник – это «Ши цзи» Сыма Цяня. Исследователи, рассматривавшие эпизод с перебежчиком, не учли, что он практически полностью изложен в 86-й главе «Записей историка» – «Жизнеописание мстителей» (Сыма Цянь 2002: 38). Вполне вероятно, что компилятор «Чжаньго цэ» Лю Сян при изложении эпизода использовал текст сочинения Сыма Цяня, в котором наименование «сюнну» неоднократно применялось как типичное для ханьского времени собирательное обозначение кочевников.

В другом сочинении Лю Сяня – «Шо юань» («Сад изъяснений» или «Сад сказаний»)³ упомянуты сюнну, которые атакуют племя лоуфань. Эта фраза вписана в контекст беседы правителя владения Янь Чжао-вана и его советника, что позволяет датировать эпизод концом IV в. до н. э. (Сюн Цуньжуй 1983: 112; Ковалев 2002: 153). Однако использование здесь наименования «сюнну» также вызывает определенные сомнения. Вполне возможно, что то же самое нападение на лоуфаней зафиксировано помимо «Шо юань» и в тексте другого источника, составленного Лю Сянем, – «Чжаньго цэ»:

«Хусцы напали на несколько яньских уездов лоуфаней, угнали их быков и лошадей» (цит. по Васильев 1968: 211).

Как видно, напавшие на лоуфаней в тексте этого сочинения названы «ху», т. е. использовано общее название кочевников на северных границах китайских княжеств, не имеющее конкретного этнического содержания. Скорее всего, и в тексте «Шо юань» наименование «сюнну» было использовано как собирательное понятие, типичное для ханьского времени. Добавим, что если сюнну (как отдельное племя) в это время представляли бы собой реальную силу и могли действительно атаковать яньские уезды, то неясно, почему эти события не нашли отражения ни в погодных таблицах «Бяо», ни в хрониках княжества Янь (см. главу 34 в «Ши цзи»).

В собирательном значении термин «сюнну» использовался, видимо, и в связи с событиями эпохи империи Цинь (221–207 гг. до н. э.). Наиболее известное

³ Собрание различных историй периода Чжаньго и ранней Хань.

из этих событий – поход циньского полководца Мэн Тяня в 215 г. до н. э. на север, когда сюнну якобы были вынуждены оставить плато Ордос и вернулись сюда лишь после падения империи. Однако, вопреки широко распространенному мнению, подобная трактовка не может быть принята, поскольку основана на некритически воспринятых и противоречивых фрагментах различных глав «Ши цзи» (см. подробнее Миняев 1990; 1991). «Северный поход», согласно легенде, был инициирован на основании неправильно истолкованного предсказания гадателя. Фразу «погубит Цинь ху» император понял как указание на опасность, исходившую от северных соседей Цинь, и тогда «Ши-хуан послал военачальника Мэн Тяня на север с трехсоттысячной армией для нападения на [племена] ху. В результате [войска] захватили земли Хэнани» (Сыма Цянь 2003: 75 и коммент. 126). На самом деле в предсказании якобы имелся в виду сын императора Ху Хай, имя которого пишется тем же иероглифом (胡), что и собирательное название племен «ху». Современные исследователи считают, что такая интерпретация гадания возникла позднее и принадлежала хронистам, уже знавшим о падении Цинь (Кроль 1970: 366–367). Однако реальность эпизода для рассматриваемой нами темы не имеет значения. И подобная трактовка прорицания, и формирование легенды о нем были бы невозможны, если бы ко времени похода Мэн Тяня обитавшие в Хэнанди-Ордосе племена отождествлялись в общественном сознании той эпохи с сюнну.

В связи с этим эпизодом показательны также высказывания ближайших сподвижников Цинь Ши-хуана. Так, Чжоу Цин-чэнь, «командир лучников», выступая после «северного похода» перед императором, сказал: «благодаря вашим, государь, необычным дарованиям и глубокой мудрости, земли между морями усмирены и успокоены, [племена] мань и и изгнаны» (Сыма Цянь 2003: 75). Как видно, в речи этого участника событий нет никаких упоминаний о сюнну. Другой сподвижник Цинь Ши-хуана, его первый советник Ли Сы, заключенный в тюрьму после смерти императора, перечисляя собственные заслуги, говорит: «Наши земли стали обширными, к тому же на севере изгнаны племена варваров ху и мо, на юге покорены все юэ» (Сыма Цянь 2002: 68).

Это высказывание может быть датировано 208 г. до н. э., когда Ли Сы после недолгого заключения был казнен. И в этом случае, даже через несколько лет после похода Мэн Тяня (и через год после захвата власти знаменитым шаньюем сюнну Мао Дунем), в «письме» Ли Сы, одного из высших чиновников империи, также нет никаких упоминаний о сюнну.

Добавим, что дошедшие до нас подлинные письменные памятники, такие как тексты на бронзовых сосудах периода Западного Чжоу или на бамбуковых планках периода Чжаньго и Цинь, также не содержат каких-либо сведений о сюнну.

Несомненно, не позднее конца эпохи Чжаньго сюнну уже обитали на северных границах древнекитайских княжеств в составе близких по культуре скотоводческих племен. Однако хронисты того времени не располагали, видимо, достоверной информацией для выделения их из среды остальных кочевников «ху». Первая такая информация была получена, скорее всего, не ранее конца III в. до н. э., когда сюнну, подчинив своих соседей, возглавили мощное племенное объединение и стали реальной угрозой новой династии Хань. Попытка ослабить эту угрозу военным путем привела в 201 г. до н. э. к неудачной для империи «осаде

под Пинчэном», когда основатель династии Гао-ди попал в засаду. Численность кочевников, окруживших ханьскую армию (400 000 отборных всадников; Сыма Цянь 2002: 331) в «Ши цзи» явно преувеличена, однако очевидно, что ханьской армии противостояли не только сюнну, но и возглавляемое ими объединение различных племен.

Военные успехи этого объединения, подчинившего вскоре огромные пространства Центральной Азии, привели в общественном сознании того времени к трансформации наименования «сюнну» (как возможного самоназвания правящей элиты) в собирательное понятие для обозначения всего населения этого объединения. Для историков ханьской и последующих эпох «сюнну» имело столь же нарицательный смысл, как «жуны», «ди», «ху» и т. д. для хронистов более раннего времени. Не случайно в различных главах «Ши цзи» наименование «сюнну» часто встречается как синоним «ху» – собирательного обозначения кочевников.

Рассмотренные выше обстоятельства показывают, что сведения письменных источников не могут служить надежной основой для реконструкции раннего этапа истории сюнну. Учитывая, что имеющиеся сейчас данные антропологии, палеогенетики и лингвистики также весьма противоречивы, решающее значение для разработки данной проблемы приобретают археологические материалы.

Боровкова 1990 – *Боровкова Л. А.* Когда и где сюнну вышли на историческую арену // Общество и государство в Китае: XX науч. конф. М.: ИВ РАН, 1990. Ч. 2. С. 3–12.

Васильев 1961 – *Васильев К. В.* Рец. на: *Л. Н. Гумилев.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960 // ВДИ. 1961. № 2. С. 120–122.

Васильев 1968 – *Васильев К. В.* Планы сражающихся царств. Исследования и переводы. М.: Наука, 1968. 255 с.

Вяткин А. 2010 – *Вяткин А. Р.* Полный русский перевод «Исторических записок» (Ши цзи) Сыма Цяня: предварительные итоги // Общество и государство в Китае: XL науч. конф. М.: ИВ РАН, 2010. С. 333–339.

Вяткин Р. 1996 – *Вяткин Р. В.* Вступительная статья // *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 7 / Пер. с кит., предисл. Р. В. Вяткина; Коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина. М.: Восточная литература, 1996. С. 9–20.

Вяткин Р. 2001 – *Вяткин Р. В.* Основные записи как исторический источник // *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М.: Восточная литература, 2001. С. 66–130.

Вяткин Р. 2002 – *Вяткин Р. В.* Вступительная статья // *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 8 / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца; Коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карапетьянца. М.: Восточная литература, 2002. С. 13–28.

Ковалев 2002 – *Ковалев А. А.* Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа–Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб.: МАЭ РАН, 2002. С. 150–194.

Кроль 1970 – *Кроль Ю. Л.* Сыма Цянь – историк. М.: Наука. 1970. 447 с.

Крюков 2001 – *Крюков М. В.* Сыма Цянь и его «Исторические записки» // *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М.: Восточная литература, 2001. С. 12–65.

Миняев 1990 – *Миняев С. С.* Сюнну лечжуань и проблема ранней истории сюнну // Общество и государство в Китае: XX науч. конф. М.: ИВ РАН, 1990. Ч. 2. С. 149–153.

Миняев 1991 – *Миняев С. С.* О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1991. С. 108–120.

Миняев 1998 – *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. СПб.: Европейский Дом, 1998. 223 с.

Миняев 2001 – *Миняев С. С.* Сюннуский культурный комплекс – время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии. Владивосток: Дальневосточное отделение РАН, 2001. С. 395–304.

Сыма Цянь 1984 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 3 / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина. М.: Наука, 1984. 474 с.

Сыма Цянь 1987 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 5 / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М.: Наука, 1987. 365 с.

Сыма Цянь 1992 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 6 / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1992. 483 с.

Сыма Цянь 1996 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 7 / Пер. с кит., предисл. Р. В. Вяткина; Коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 464 с.

Сыма Цянь 2001 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; Под общей ред. Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература, 2001. 415 с.

Сыма Цянь 2002 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 8 / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца; Коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карапетьянца. М.: Восточная литература, 2002. 510 с.

Сыма Цянь 2003 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; Под общей ред. Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература, 2003. 567 с.

Сюн Цуньжуй 1983 – *Сюн Цуньжуй*. Вопрос о сюнну в доциньское время // На передовой общественных наук, серия историческая (Шэхуй кэсюе чжаньянь лиши сюэ). 1983. № 1. С. 110–113 (на кит. яз.).

Таскин 1968 – *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, 1968. Вып. 1. 177 с.

ZHAO MILITARY LEADER LI MU AND HIS STRUGGLE AGAINST «XIONGNU»

S. S. Minyaev

The author considers the information contained in chapter 81 of Sima Qian's «Historical Records» about the ancient Chinese Zhao kingdom military leader Li Mu's struggle against nomadic tribes. The analysis of the text shows that the part of the chapter where Li Mu's enemies are called «Xiongnu» represents a later interpolation, since the enumerated events do not correspond to their chronology. It is probable that the name «Xiongnu» is used here as a generic designation of northern nomads typical of the Han period. This conclusion applies also to all the other instances when the term «Xiongnu» is mentioned in connection with the events that took place during the Era of Warring States and Qin period.

ПОСТЗАРУБИНЕЦКИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)

С. В. ВОРОНЯТОВ

Ключевые слова: *Южное Побужье, Среднее и Верхнее Поднепровье, первые века нашей эры, постзарубинецкие памятники, Рахны-Почеп, хронологические горизонты.*

Keywords: *South Bug, Middle and Upper Dnieper, first centuries AD, Post-Zarubintsy sites, Rakhny-Pochep, chronological horizons.*

Поздне- или постзарубинецкими называются памятники, возникшие в период «распада» (или после него) в середине–третьей четверти I в. н. э. зарубинецкой культуры в Среднем и Верхнем Поднепровье, Полесье и существовавшие до появления так называемой киевской культуры позднеримского времени – конец II–начало III в. н. э. (Щукин 1979: 68–69; Обломский, Терпиловский 1991: 3; Терпиловский 2004: 21).

В 1986 г. для обозначения известных на тот момент нескольких групп постзарубинецких памятников, разбросанных на обширной территории от Южного Побужья до Верхнего Подесенья, и опираясь на материалы двух самых ярких и наиболее исследованных памятников, М. Б. Щукин (1986) предложил понятие «горизонт Рахны-Почеп», отражавшее суть возникшего явления.

Историко-археологическое содержание хронологического горизонта заключается в следующем: оно соответствует периодам политических и социальных потрясений, передвижений различных племен и племенных групп; памятники горизонта рассыпаны на большей территории и располагаются не столь компактно, как памятники в археологических культурах, иногда вклиниваются в инокультурную среду; число интегрирующих типов невелико, и охватывают они *сравнительно узкие* хронологические интервалы. Другими словами – это или неустоявшиеся, или несостоявшиеся археологические культуры (Щукин 1986: 26; Клейн 1991: 386).

В качестве примера такого явления М. Б. Щукин привел три горизонта, возникших на территории Центральной Европы в эпоху латена и времени Великого переселения народов, – Гроссромштедт, Духцов-Мюнзинген и Унтерзибенбрунн (Peschel 1968; Kruta 1979; Коллис 2007: 175; Gaißlinger 1959/1961). Хронологические рамки существования горизонта Рахны-Почеп, руководствуясь теоретическим условием узких хронологических рамок существования хронологических горизонтов, он определил в пределах от середины I в. н. э. до начала II в. н. э. (Щукин 1986: 29).

Политические и социальные потрясения, способствовавшие образованию горизонта Рахны-Почеп, были вызваны появлением в Поднепровье новой волны сарматских племен в результате аорско-сиракского конфликта и династических перипетий Боспорского царства в первой половине I в. н. э., а также цепочкой потрясений от Польского Поморья до Полесья, Верхнего и Среднего Поднепровья

вследствие трансформации в этот же период оксывской культуры в вельбаркскую (Там же: 30–31). Интегрирующими типами горизонта Рахны-Почеп были определены: цилиндрические чернolощенные миски; лепные округлобокие горшки с насечками или зашипами по венчику; сильнопрофилированные миски, иногда с валиком на поддоне; поздние глазчатые фибулы «прусской серии» и некоторые другие типы (Там же: 26).

Формализация М. Б. Щукиным описанного явления не была витиеватым или замысловатым аналогом существовавшего понятия – «поздnezарубинецкие памятники» и «поздnezарубинецкая эпоха». Это было осмысленное видение исследователем историко-археологической картины, по своей структуре имеющей четкие аналогии в археологии эпохи латена и времени Великого переселения народов Центральной Европы. Однако определение «горизонт Рахны-Почеп» начиная с 1990-х гг. и до настоящего времени стало восприниматься как альтернатива определению «поздnezарубинецкие памятники». Такое совмещение понятий неосознанно практикуется исследователями, посвятившими поздnezарубинецкой эпохе несколько монографических и коллективных трудов (Обломский, Терпиловский 1991: 8; Терпиловский 2004: 22; 2010: 12), а также некоторыми другими коллегами (см. Хреков 1997: 335; 2012: 93; 2013: 294; Зиньковская 2009: 218; 2010: 106; 2011: 144; 2012: 190).

Между тем отождествление указанных понятий и, что более важно, явлений, которые они отражают, ведет к упрощенной интерпретации материалов и хода исторического процесса в Днепровском регионе в I–II вв. н. э. Почему, по моему мнению, неправомерно отождествлять понятия «горизонт Рахны-Почеп» и «поздnezарубинецкие памятники» или «поздnezарубинецкая эпоха»?

В первую очередь обращает на себя внимание различие в хронологической составляющей этих понятий. Общепринятая дата поздnezарубинецких памятников – середина I–конец II в. н. э. или 150 лет. Представляется, что такой длительный отрезок времени несовместим с понятием «горизонт». За столь значительный хронологический промежуток способна сформироваться, пережить расцвет и начать угасать полноценная археологическая культура. Хронологический горизонт, напротив, может просуществовать куда меньший отрезок времени – в среднем около 50 лет.¹ В качестве примера приведу средневековый волынецовский хронологический горизонт Днепровского Левобережья, существовавший с конца VIII в. до 30-х гг. IX в. н. э. (Щеглова 1996). М. Б. Щукин (1986: 29) не случайно определил период существования горизонта Рахны-Почеп с середины I в. н. э. до начала II в. н. э. Он применил термин «хронологический горизонт» для историко-археологической ситуации I в. н. э. на обширной территории от Южного Побужья и Верхнего Поднестровья до Верхнего Подесенья, принимая во внимание, что понятие «горизонт» может обозначать лишь события, имеющие узкие хронологические рамки.

А. М. Обломский (2010: 5) отмечает, что в книге 1991 г. «Среднее Поднестровье и Днепровское Левобережье в первые века новой эры» (Обломский, Терпиловский 1991) впервые дано описание поздnezарубинецких древностей

---

¹ К сожалению, из-за специфики археологических источников на территориях, удаленных от очагов культурогенеза, фиксировать хронологические горизонты меньшей продолжительности очень затруднительно.

как особого культурно-исторического горизонта. Но, как было отмечено выше, понятие «горизонт» к позднерубинским древностям впервые было применено М. Б. Щукиным в 1986 г. Однако современные исследователи его трактуют слишком широко. Хронологическое и культурное содержание позднерубинского культурно-исторического горизонта в 150 лет, по А. М. Обломскому и Р. В. Терпиловскому, противоречит и теоретическому определению этого явления, и содержанию тех известных горизонтов, которые на практике выделялись в европейской и отечественной археологической науке.

Точка зрения М. Б. Щукина, выделившего горизонт Рахны-Почеп, и мнение исследователей, использующих это понятие как альтернативу термину «позднерубинская эпоха», не совпадают в объяснении причин глобальных перемен в Днепровском регионе в I в. н. э. А. М. Обломский и его соавторы главной причиной кризиса зарубинской культуры считают климатические изменения, спровоцировавшие передвижение различных племен и, в том числе, миграцию зарубинского населения в различных направлениях (Обломский и др. 1990: 24–26; Арион и др. 2010: 99–100). В свою очередь, М. Б. Щукин (1986: 31) причиной «распада» зарубинской культуры посчитал два разнонаправленных и удаленных друг от друга импульса, встретившихся в Поднепровье, результатами которых стали появление новой сарматской волны в Среднеднепровском регионе и цепочка кардинальных перемен в культурах западнобалтских курганов и штрихованной керамики, вызванных формированием вельбаркской культуры.

При этом М. Б. Щукин (Там же: 26, 29) учитывал ареал сарматских памятников в Среднем Поднепровье и свидетельства разгрома днепровских зарубинских городищ кочевниками, с одной стороны, а также появление таких важных интегрирующих типов, как глазчатые фибулы и штрихованная керамика с территории Южной Прибалтики и Белоруссии – с другой. Эти явления исчезают в первой четверти II в. н. э. вместе со многими другими культурными составляющими горизонта Рахны-Почеп, но позднерубинская эпоха продолжается.

Учитывая показанное выше различие между отождествляемыми понятиями, попытаемся предложить решение, исключающее, на мой взгляд, неточности употребления терминов и интерпретации материалов.

Поскольку все позднерубинские памятники второй половины I–II в. н. э. на огромной территории невозможно объединить в археологическую культуру (что очевидно и с чем согласны все исследователи), а хронологический горизонт Рахны-Почеп совпадает лишь с начальным отрезком (приблизительно 50–75 лет с середины I в. н. э.) времени позднерубинской эпохи, то, вероятно, имеет смысл выделить еще один постзарубинский хронологический горизонт, который должен плавно сменять горизонт Рахны-Почеп и существовать до появления так называемой киевской культуры позднеримского времени.

Предлагаемое решение в основных чертах было намечено в работах В. М. Горюновой последнего десятилетия. После тщательного анализа вещевого инвентаря поселений Картамышево II и «Сильник»-Бобрава 3, исследовательница пришла к выводу, что позднерубинская группа памятников Картамышево II–Терновка 2 датируется не ранее второй половины–третьей четверти II в. н. э.,

а не второй половиной I в. н. э., как считает А. М. Обломский² (Горюнова 2004: 47–50, 87, схема № 1; 2008). Результаты работ В. М. Горюновой дают не только теоретическую, но и практическую возможность выделять хронологический горизонт древностей, существовавший в рамках позднезарубинецкой эпохи, но не синхронный древностям горизонта Рахны-Почеп. Для удобства оперирования понятием этого горизонта ему следовало бы присвоить название по наиболее исследованным и ярким памятникам. Пока что можно использовать рабочее название «горизонт Картамышево II».

Кроме того, что эти два позднезарубинецких горизонта различаются временем своего существования, не совсем совпадает и территория их распространения. Предварительно можно лишь отметить, что на территории Южного Побужья после прекращения существования памятников горизонта Рахны-Почеп в первой половине II н. э. наследие зарубинецкой культуры исчезает. В Среднем Поднепровье и на Левобережье Днепра оно, напротив, после очередных трансформаций продолжает существовать в рамках следующего хронологического горизонта до формирования в конце II в. н. э. так называемой киевской культуры. Однако более точно ареал памятников хронологического горизонта Картамышево II предстоит обозначить после дополнительных исследований.

Различаются и особенности материальной культуры памятников, принадлежащих этим двум постзарубинецким хронологическим горизонтам. Попытаюсь сформулировать эти различия. К тем интегрирующим типам горизонта Рахны-Почеп, выделенных М. Б. Щукиным, самым четким из которых являются глазчатые фибулы (Щукин 1986: 26), следует добавить типы, связанные со среднесарматской культурой. Среди них – бусы и пронизи из египетского фаянса, фрагменты краснолаковой посуды, «сарматские» фибулы. Эти типы и другие единичные предметы, связанные со среднесарматской культурой, можно встретить только на памятниках горизонта Рахны-Почеп. Увидеть влияние среднесарматской культуры в материалах памятников горизонта Картамышево II уже невозможно. Его исчезновение связано с серьезными изменениями в степном алано-сарматском мире. Для примера можно привести одно из самых ярких проявлений этих перемен – в лесостепном Поднепровье после первой четверти II в. н. э. прекращаются захоронения алано-сарматской знати, культурное наследие «царства Фарзоя-Инисмея» в Северо-Западном Причерноморье и Среднем Поднепровье угасает.

Исследователи, отдающие ведущую роль в явлении «распада» зарубинецкой культуры климатическим изменениям, упускают из виду ощутимую составляющую среднесарматской культуры в материалах памятников горизонта Рахны-Почеп. На мое мнение по этому поводу (Воронятов 2012а: 745–746) А. М. Обломский с соавторами возражают, что «тема взаимоотношений сарматского и позднезарубинецкого населения пока не раскрыта, она требует специального исследования» (Башкатов и др. 2013: 713). Здесь можно упомянуть давно изданные статьи о взаимоотношениях сарматов с населением зарубинецкой культуры (Максимов 1978; 1982: 75–78, табл. X; Кубишев и др. 1987), а также не-

---

² Отмечу, что М. Б. Щукин (1986: 36, рис. 1) в своей работе включал поселение Картамышево II в горизонт Рахны-Почеп, поскольку его общепринятой нижней датой в 1980-е гг. считалась середина I в. н. э.

давно появившиеся работы об археологических проявлениях взаимодействия позднезарубинецкого населения с алано-сарматами (Воронятов 2008; 2009; 2011; 2012б; 2012в; 2013; Воронятов, Ерёменко 2013). Для понимания процессов, происходивших в Среднем Поднепровье и Южном Побужье в I в н. э., полагаю, что следует учитывать работы, освещающие взаимоотношения алано-сарматов с населением бассейнов Кубани и Верхнего Дона того же периода (Раев 2008; Медведев 2008: 75, 76; 2010), а также фундаментальные исследования о взаимоотношениях кочевников с внешним миром (Хазанов 2008; Барфилд 2009; Крадин 2000).

Не только сарматская составляющая отличает памятники горизонта Рахны-Почеп. На памятниках горизонта Картамышево II нельзя встретить центрально-европейские импорты ступеней B1a, B1b (начало нашей эры—70 г. н. э.) и первой половины ступени B2, которые присутствуют на памятниках типа Лютеж, Рахны и Почеп. Единственное исключение – находка потертой и починенной глазчатой фибулы A61 на поселении Картамышево II, которую следует считать рудиментом предыдущего хронологического периода (см. Горюнова 2004: 48).

В свою очередь, на памятниках горизонта Картамышево II уже можно встретить украшения стиля выемчатых эмалей (Там же: 48, рис. 5, 7, 10, 14, 16), отсутствующие на памятниках горизонта Рахны-Почеп. А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский с соавторами, на мой взгляд, неосторожно формулируют утверждение о том, что «в позднезарубинецкий период складывается особый набор украшений, в состав которого входили изделия с выемчатой эмалью» (Арион и др. 2010: 103). Таких вещей нет на позднезарубинецких памятниках типа Рахны. Вещи с выемчатой эмалью неизвестны на позднезарубинецких памятниках типа Почеп, хотя фрагменты пластинчатых украшений круга эмалей и инструменты для их изготовления на Почепском селище присутствуют (Заверняев 1969: рис. 15, 18, 26–27; Гопак, Заверняев 1981: 187, рис. 1, 896, 898, 902; Воронятов 2014: рис. 4; 7, 1).

Отсутствуют также надежные свидетельства наличия предметов с эмалью на памятниках типа Лютеж. Т-образная фибула с выемчатой эмалью с поселения Леськи-3 происходит из сборов на памятнике, размытом Кременчугским водохранилищем (Башкатов, Терпиловский 2010: 38), и не может выступать в роли достоверного свидетельства. Обломок подковообразной фибулы из слоя *многослойного* поселения Оболонь (Луг-IV), который также привлекается в качестве доказательства наличия на памятниках данного типа предметов с эмалью (Башкатов и др. 2013: 711), не убеждает, поскольку мы не знаем, было ли крестообразное углубление щитка первоначально заполнено эмалью, на что указывают и сами А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский (2007: 129). Можно привести массу примеров изделий с углубленным орнаментом, для которых изначально не было предусмотрено заполнение эмалью. В итоге имеются лишь две сомнительные вещи на всю территорию Среднего Поднепровья при отсутствии предметов с эмалью на постзарубинецких памятниках Южного Побужья и Подесены в период существования горизонта Рахны-Почеп.

По моему мнению, для второй половины I–первой половины II в н. э. можно лишь говорить о пластинчатых вещах круга эмалей, но не о предметах с эмалью. Появление ранних вещей с выемчатой эмалью, вероятно, следует относить ко времени выделяемого в данной статье постзарубинецкого горизонта Картамышево II, постепенно сменяющего горизонт Рахны-Почеп.

Еще одним важным показателем памятников горизонта Картамышево II может являться ошутимое центральноевропейское влияние, выраженное в керамическом материале поселений Картамышево II и Бобрава. Фрагменты сосудов с «пшеворской», «оксывской» или «вельбаркской» орнаментацией, найденные на поселениях (Горюнова 2004: 46), неизвестны на памятниках горизонта Рахны-Почеп. Возможно, в середине II в. н. э. очередной западный импульс, четко отразившийся в керамических комплексах поселений Картамышево II и Бобрава, достигает территории Левобережья Днепра. Этот импульс, по всей вероятности, был похож на один из предшествующих, в частности, на импульс середины I в. н. э., с которым на территории Среднего Поднепровья появились глазчатые фибулы.

Изложенные лишь некоторые яркие различия памятников двух горизонтов свидетельствуют об их асинхронности и о справедливости предложенной В. М. Горюновой датировки памятников группы Картамышево II–Терновка 2. Эти различия и хронологическая разница между группами памятников, расположенными на огромных пространствах, важны для реконструкции сложного исторического процесса в Среднем Поднепровье в первых веках нашей эры.

Поскольку рассмотренные в настоящей статье процессы претендуют на главную роль в этногенезе ранних славян, различия в хронологической и культурной интерпретации археологических материалов приобретают особую значимость.

В недавней работе А. М. Обломского, Р. В. Терпиловского и соавторов было высказано авторское видение начала истории восточного славянства: «Отправной точкой процесса формирования восточных славянских народов является кризис (или распад) зарубинецкой культуры» (Арион и др. 2010: 98). Однако следующее за этим тезисом предложение: «Впервые на это явление обратил внимание М. Б. Щукин [Щукин, 1986; 1994, с. 232]» – может ввести в заблуждение, так как остается не ясно, на что же действительно М. Б. Щукин обратил внимание – на отправную точку процесса формирования восточных славянских народов или только на кризис зарубинецкой культуры? На данное мое замечание (Воронятов 2012а: 745) А. М. Обломский с соавторами возражают, что я напрасно приписываю им неточное изложение взглядов М. Б. Щукина (Башкатов и др. 2013: 713). Не могу согласиться с этим возражением, поскольку, например, в статье А. А. Хрекова 2012 г. отмечается, что «отправной точкой миграций и формирования восточнославянских народов является кризис и распад зарубинецкой культуры [Щукин, 1986. С. 26–38]» (Хреков 2012: 96). Здесь М. Б. Щукину приписываются мысли, которых у него никогда не было – по крайней мере, он никогда их не излагал ни в письменном, ни в устном виде.

В этой связи еще раз обращаю внимание, что в статье М. Б. Щукина «Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования» нет не только высказываний об отправной точке формирования восточнославянских народов, но также нет ни одного слова с корнем «слав». На мой взгляд, постзарубинецкие памятники преждевременно и необоснованно включены в такую сложную и многогранную проблему, как происхождение раннего славянства. Задачи по вычленению всех культурных составляющих различных групп памятников постзарубинецкой эпохи, расположенных на огромной территории, далеки от разрешения. Глубокое понимание идеи выделения М. Б. Щукиным хронологического гори-

зонта Рахны-Почеп и его отличий от постзарубинецких памятников, существующих после его завершения, должны способствовать формированию более достоверной реконструкции сложной истории первых веков нашей эры на территории Среднего Поднепровья.

Арион и др. 2010 – *Арион О. В., Башкатов Ю. Ю., Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* У истоков славянства (Вместо заключения) // Позднзарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.). М.: ИА РАН, 2010. С. 93–110 (РСМ. Вып. 12).

Барфилд 2009 – *Барфилд Т.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э.–1757 г. н. э.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 488 с.

Башкатов и др. 2013 – *Башкатов Ю. Ю., Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* Письмо в редакцию // РАЕ. 2013. № 3. С. 709–715.

Башкатов, Терпиловский 2010 – *Башкатов Ю. Ю., Терпиловский Р. В.* Позднзарубинецкие памятники Среднего Поднепровья // Позднзарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.). М.: ИА РАН, 2010. С. 36–53 (РСМ. Вып. 12).

Воронятов 2008 – *Воронятов С. В.* Ромб с крючками – сарматский след // Лесная и лесостепная зоны в периоды римских влияний и Великого переселения народов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. Вып. 1. С. 341–366.

Воронятов 2009 – *Воронятов С. В.* Прикубанье и Поднепровье на рубеже эр: некоторые параллели в моделировании взаимоотношений кочевого и оседлого населения // Пятая Кубанская археологическая конф. Краснодар: Кубанский ГУ, 2009. С. 57–60.

Воронятов 2011 – *Воронятов С. В.* Египетский фаянс на поселенческих памятниках периферии античного мира // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 95–104.

Воронятов 2012a – *Воронятов С. В.* Раннеславянские миры... Рецензия: Позднзарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.). М.: ИА РАН, 2010. 329 с. // РАЕ. 2012. № 2. С. 738–748.

Воронятов 2012b – *Воронятов С. В.* Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями междуречья Южного Буга и Днестра // Российская археология. 2012. № 1. С. 69–81.

Воронятов 2012в – *Воронятов С. В.* О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур // РАЕ. 2012. № 2. С. 412–432.

Воронятов 2013 – *Воронятов С. В.* Локализация бастарнов и некоторые другие проблемы элогии Тита Плавтия Сильвана Элиана // АСГЭ. 2013. Вып. 39. С. 148–161.

Воронятов 2014 – *Воронятов С. В.* Металлообработка Почепского селища: мастера культур западнобалтского круга и начальный этап стиля выемчатых эмалей // АВ. 2014. № 20 (в печати).

Воронятов, Ерёмченко 2013 – *Воронятов С. В., Ерёмченко В. Е.* «Плавильщики» царя Фарзоя // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Киев: Олег Філюк, 2013. С. 51–63.

Гопак, Заверняев 1981 – *Гопак В. Д., Заверняев Ф. М.* Железные изделия Почепского селища // СА. 1981. № 1. С. 181–191.

Горюнова 2004 – *Горюнова В. М.* Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 43–87.

Горюнова 2008 – *Горюнова В. М.* О дате позднзарубинецких памятников типа Картамышево II–Терновка 2 (по материалам поселения «Сильник»-Боброва 3) // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 2. С. 211–213.

Заверняев 1969 – *Заверняев Ф. М.* Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. М.: Наука, 1969. С. 88–118 (МИА. № 160).

Зиньковская 2009 – *Зиньковская И. В.* Из истории изучения убора с выемчатыми эмальями // Дивногорский сборник. Воронеж: Воронежский ГУ, 2009. Вып. 1. С. 214–224.

Зиньковская 2010 – *Зиньковская И. В.* Варварские выемчатые эмали на памятниках юга Восточной Европы // Верхнедонской археологический сборник. Липецк: МОН РФ; Липецкий гос. пед. ун-т; Научное общественное объединение «Археолог», 2010. Вып. 5. С. 105–111.

Зиньковская 2011 – *Зиньковская И. В.* Новые находки украшений круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье // АВ. 2011. № 17. С. 144–148.

- Зиньковская 2012 – *Зиньковская И. В.* К вопросу о варварских эмалях на памятниках юга Восточной Европы // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой). Курск: МУП «Курская городская типография», 2012. С. 187–194 (Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 4).
- Клейн 1991 – *Клейн Л. С.* Археологическая типология. Л.: АН СССР, ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленинградское археологическое научно-исследовательское объединение, 1991. 448 с.
- Коллис 2007 – *Коллис Д.* Кельты: истоки, история, миф. М.: Вече, 2007. 288 с.
- Крадин 2000 – *Крадин Н. Н.* Кочевники, мир империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 315–335.
- Кубишев и др. 1987 – *Кубишев А. И., Покляцький О. В., Симоненко О. В.* Про взаємовідносини сарматів з населенням зарубинецької культури // Археологія. Київ, 1987. № 58. С. 56–63.
- Максимов 1978 – *Максимов Є. В.* Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія. Київ, 1978. № 28. С. 45–55.
- Максимов 1982 – *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наукова думка, 1982. 185 с.
- Медведев 2008 – *Медведев А. П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
- Медведев 2010 – *Медведев А. П.* О формах зависимости в сарматских обществах первых веков // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 140–146.
- Обломский 2010 – *Обломский А. М.* Введение // Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.). М.: ИА РАН, 2010. С. 5–7 (PCM. Вып. 12).
- Обломский и др. 1990 – *Обломский А. М., Терпиловский Р. В., Петраускас О. В.* Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины (препринт). Киев: ИА АН УССР, 1990. 48 с.
- Обломский, Терпиловский 1991 – *Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* Среднее Поднепровье и Днепровское левобережье в первые века нашей эры. М.: ИА РАН, 1991. 177 с.
- Обломский, Терпиловский 2007 – *Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (Дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III–начало V в. н. э.). М.: ИА РАН, 2007. С. 113–141 (PCM. Вып. 10).
- Раев 2008 – *Раев Б. А.* Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 2. С. 55–57.
- Терпиловский 2004 – *Терпиловский Р. В.* Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. 232 с.
- Терпиловский 2010 – *Терпиловский Р. В.* Историография древностей поздnezарубинецкого периода // Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.). М.: ИА РАН, 2010. С. 8–15 (PCM. Вып. 12).
- Хазанов 2008 – *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с.
- Хреков 1997 – *Хреков А. А.* Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.: ИА РАН, 1997. С. 325–336.
- Хреков 2012 – *Хреков А. А.* Некоторые итоги и проблемы изучения постзарубинецких памятников Прихоперья // АВЕС. 2012. Вып. 9. С. 91–114.
- Хреков 2013 – *Хреков А. А.* Опыт реконструкции этноисторических процессов первых веков нашей эры на территории лесостепного Прихоперья // АВЕС. 2013. Вып. 10. С. 288–304.
- Щеглова 1996 – *Щеглова О. А.* Термин «памятники волынцевского типа» // *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. С. 130–131 (PCM. Вып. 3).
- Щукин 1979 – *Щукин М. Б.* К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 66–89.
- Щукин 1986 – *Щукин М. Б.* Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культура Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский ГУ, 1986. С. 26–38.
- Щукин 1994 – *Щукин М. Б.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э.–I в. н. э. в Восточной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 323 с.
- Gaiflinger 1959/1961 – *Gaiflinger H.* Frühvölkerwanderungszeitliches Zaumzeugverbehör von Dahmker, Kreis Herzogtum Lauenburg // Offa. 1959/1961. Bd 17/18. S. 175–180.
- Kruta 1979 – *Kruta V.* Duchcov-Münsingen: nature et diffusion d'une phase laténienne // Les mouvements celtiques du Ve au Ier siècle avant notre ère: Actes du XXVIIIe colloque organisé à l'occasion

du IXe Congrès International de Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Nice, le 19 décembre 1976. Paris: CNRS, 1979. P. 81–115.

Peschel 1968 – *Peschel K.* Der Horizont von Großromstedt im Rahmen der Eisenzeit des Südlichen Mitteledeutschland // *Zeitschrift für Archäologie*. 1968. T. 2, z. 2. 1968. S. 192–206.

POST-ZARUBINTSY CHRONOLOGICAL HORIZONS (issue formulation)

S. V. Voroniatov

After the demise of the Zarubintsy culture in the middle of the I century AD, the vast areas between the Upper Dnieper and South Bug were occupied by groups of Post-Zarubintsy sites, which existed till the appearance of the Kiev culture at the end of the II century AD. M. B. Shchukin singled out within this period a particular chronological phenomenon, which he designated as the Rakhny-Pochep horizon (after the names of two most representative sites). The horizon was dated to the interval from the middle of the I century BC to the beginning of the II century BC. The paper deals with modern understanding and usage of the term «Post-Zarubintsy horizon». The author comes to the conclusion that the notion «Rakhny-Pochep horizon» is often used incorrectly being taken as a synonym of the notion «Post-Zarubintsy horizon». He proposes to distinguish one more chronological horizon, which followed the Rakhny-Pochep one and existed till the emergence of the Kiev culture.

ЗДАНИЕ VII ВЕКА В ПЕНДЖИКЕНТЕ

В. И. РАСПОПОВА

Ключевые слова: *Древний Пенджикент, раннее средневековье, монументальная сырцовая архитектура, система перекрытия, окна, суфы.*

Keywords: *ancient Pendjikent, Early Medieval time, monumental adobe architecture, ceiling system, windows, sufes.*

Древний Пенджикент как городское поселение возник в V в. н. э. и прекратил свое существование в конце VIII в. Раскопки показали, что во второй половине VII в. и в первых десятилетиях VIII в. складывается городская застройка сплошными массивами, разделенными улицами и переулками. Массивы застройки формировались вокруг домов, послуживших ядрами. Такие ядра массивов удалось обнаружить на объектах XVI, XXII, XXIII, XXIV (Распопова 1990: 169 и сл.). Часто ранние стены, сохранившиеся почти на полную высоту, включались в более поздние сооружения. Об одном таком ядре квартала и пойдет речь ниже.

В 1961 г. на объекте XVI Н. Н. Забелиной были раскопаны помещение 1 (вестибюль с лестницей) и связанное с ним помещение 2 (кладовая с антресолями). В отчете о работах в Пенджикенте в 1961 г. отмечено, что эти помещения появились «в результате перестройки после пожара крупного помещения, как можно предполагать, типа зала или большого холла. Его стены после пожара были первоначально укреплены приставными стенками, вслед за чем и были сооружены указанные помещения 1 и 2 с лестницей» (Беленицкий 1964: 59, рис. 2–3).

В начале полевого сезона 1985 г. во время осмотра раскопов прошлых лет на объекте XVI было обнаружено, что в помещении 2 обрушилась приставная южная стена, а за ней открылась стена более раннего времени. В 1985–1986 гг. в помещениях 1–2 В. И. Распоповой были произведены частичные расчистки, которые позволили выявить предшествующую застройку. В середине южной стены раннего помещения было обнаружено прекрасно оформленное окно, от которого частично сохранилась амбразура (шириной 1,86 м, сохранилась на высоту на 1,8 м) (рис. 1; 2, 1). По сторонам амбразуры окна была оформлена подтреугольными, четко профилированными откосами. Поверху сохранившаяся ширина откосов составляла 43 см. Амбразура окна имела трапециевидную форму. Стена и амбразура окна были покрыты прекрасной, очень гладкой штукатуркой (толщиной 0,5 см). Оштукатуренная поверхность оканчивалась на расстоянии 1,7 м к западу от низа амбразуры окна. Граница двух поверхностей стены – оштукатуренной и неоштукатуренной – почти параллельна амбразуре окна. По этой границе слой штукатурки имел загиб в сторону помещения (рис. 3, 4). К востоку от окна на южной стене штукатурка сохранилась лишь местами и границу ее проследить не удалось (рис. 4, 1).

На северной стене также обнаружены остатки амбразуры окна (рис. 4, 2). Окно расположено в центре стены напротив окна в южной стене и точно его

повторяет (рис. 1). Здесь, как и на южной стене, зафиксирован первоначальный слой штукатурки (толщиной 1 см). Отметим также, что на северной стене поверх этой штукатурки положен еще один слой (толщиной 1,5 см), поверхность которого закопчена. Первоначальный слой штукатурки, так же как и на южной стене, шел наклонно, повторяя наклон ниши окна, но на северной стене эта особенность прослеживалась не так ясно, как на южной. При перестройке помещения к этой стене пристроили пандус и подпандусную кладовку.

В 1985–1986 гг. частично исследована также западная стена помещения. Выяснилось, что она построена раньше южной и северной стен с окнами, так как южная и северная стены пристроены к западной, когда та была уже оштукатурена.

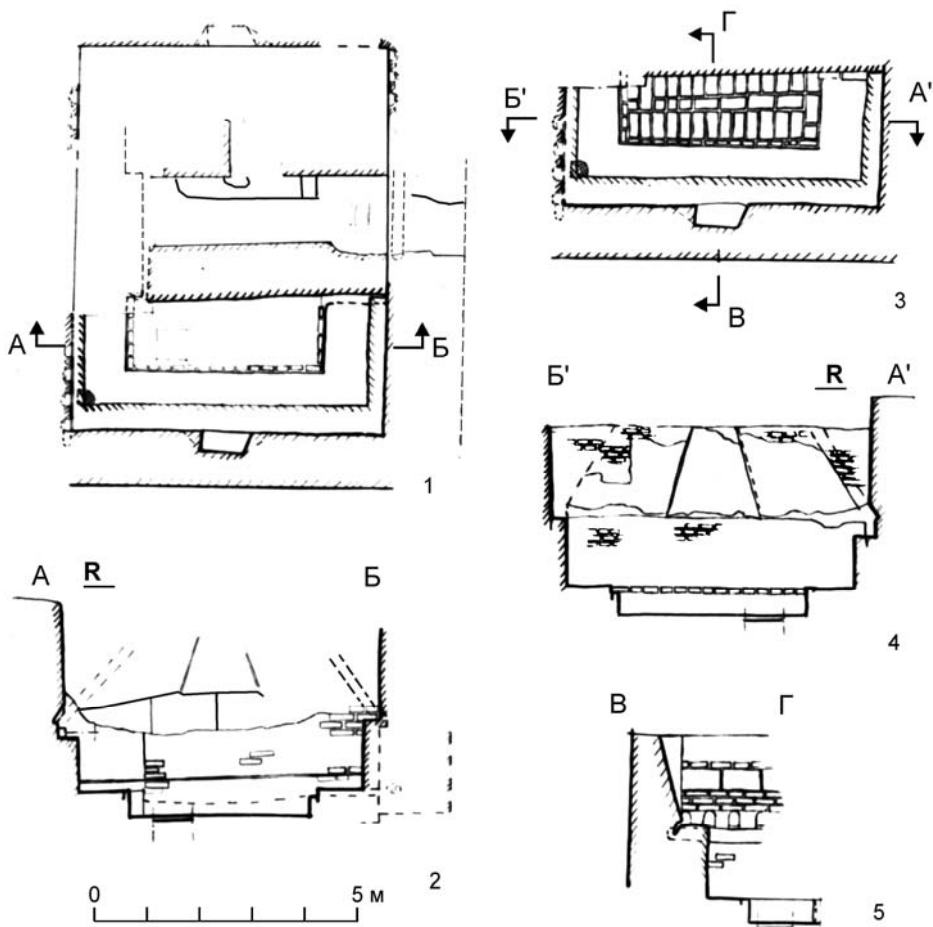

Рис. 1. Пенджикент, объект XVI, здание VII в., чертежи: 1 – план здания; 2 – разрез по линии А–Б; 3 – план южной части здания; 4 – разрез по линии Б'–А'; 5 – разрез по линии Б–Г

Fig. 1. Pendjikent, feature XVI, building of the VIIth c.: 1 – plan of the building; 2 – section along the А–Б line; 3 – plan of the southern part of the building; 4 – section along the Б'–А' line; 5 – section along the Б–Г line

Рис. 2. Пенджикент, объект XVI: 1 – помещение 2, вид с севера на южную стену с окном раннего здания; 2 – помещение 1, вид с юга на северную стену с окном раннего здания

Fig. 2. Pendjikent, feature XVI: 1 – room 2, view from the north on the southern wall with an earlier building's window; 2 – room 1, view from the south on the northern wall with an earlier building's window

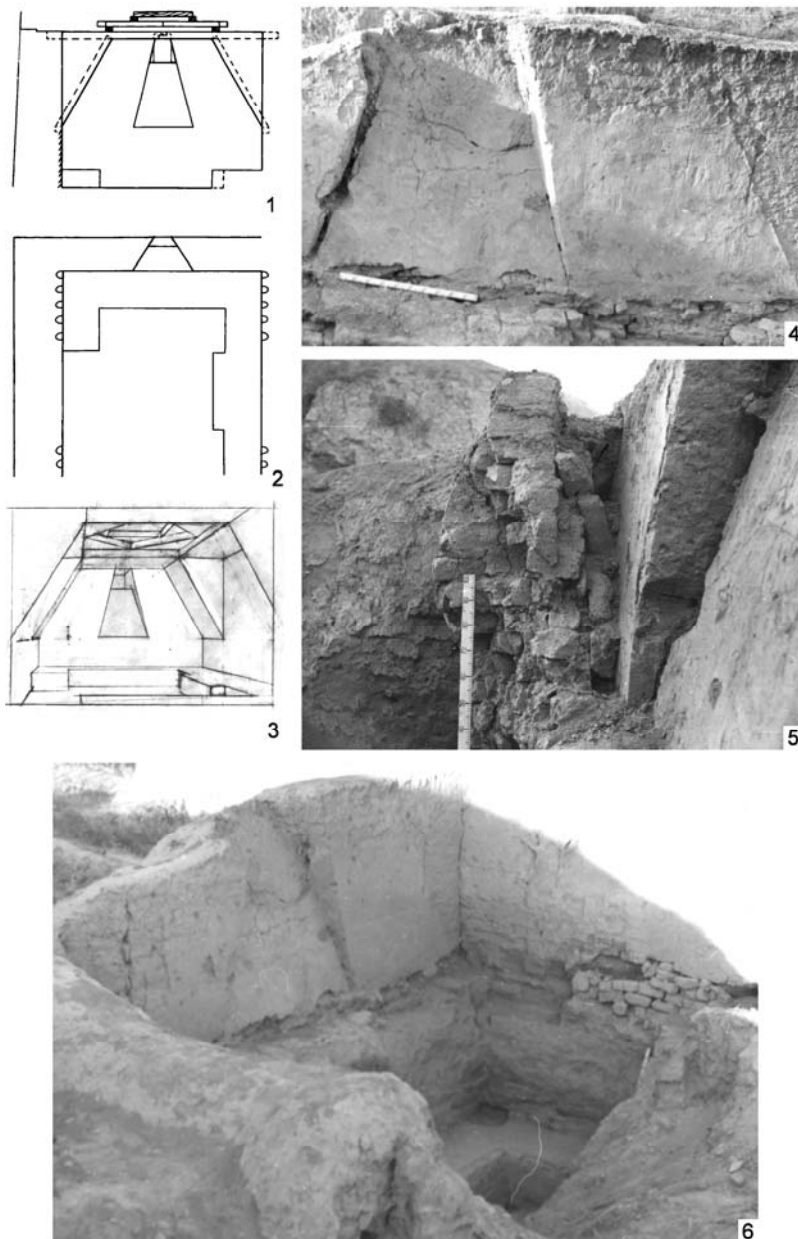

Рис. 3. Пенджикент, объект XVI, здание VII в.: 1–3 – варианты реконструкции (кроки); 4 – амбразура окна в южной стене – виден отгиб штукатурки в сторону помещения; 5 – восточная щека амбразуры окна в южной стене, вид с запада; 6 – юго-западный угол раннего помещения, вид с северо-востока

Fig. 3. Pendjikent, feature XVI, building of the VIIth c.: 1–3 variants of reconstruction, sketches; 4 – window framing in the southern wall, plaster bending towards the room can be seen; 5 – eastern cheek of the window framing in the southern wall, view from the west; 6 – southwestern corner of the earlier room, view from the north-west

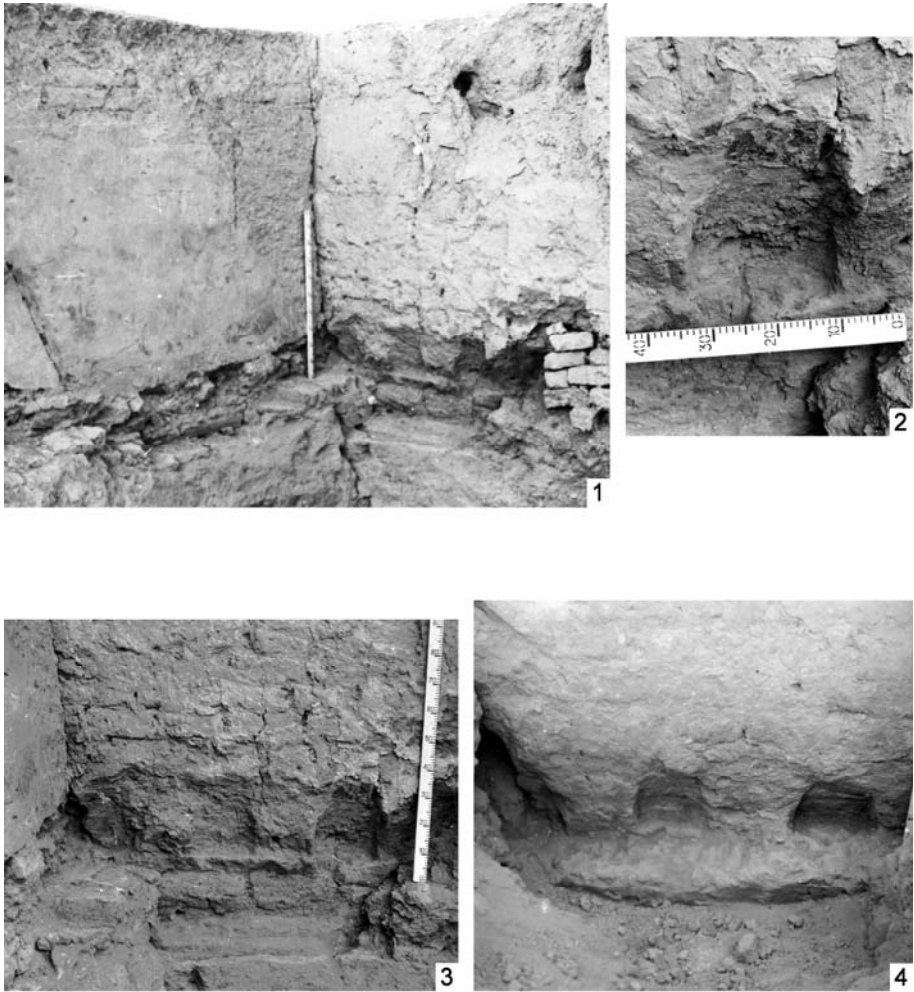

Рис. 4. Пенджикент, объект XVI, здание VII в.: 1 – юго-западный угол здания; 2 – гнезда от стропил перекрытия в западной стене у юго-западного угла; 3 – остатки южного гнезда; 4 – помещение 1, северная часть западной стены – видны два гнезда и начало третьего гнезда от стропил, а также выступ стены для балки

Fig. 4. Pendjikent, feature XVI, building of the VIIth c.: 1 – south-western corner of the building; 2 – roof support pockets in the western wall near the southwestern corner; 3 – remains of the southern pocket; 4 – room 1, northern part of the western wall, two roof support pockets and a part of the third one are seen, as well as a corbel which supported a beam

Нижняя часть западной стены толще ее верхней части на 0,25 м. Границы утолщения стены и низа амбразуры окна совпадают (рис. 4, 1). Утолщение стены представляло собой элемент конструкции перекрытия. На него укладывали горизонтальную балку (брус) – своего рода мауэрлат.¹ Эта балка служила опорой для наклонно поставленных стропил перекрытия, от которых в западной стене около юго-западного угла помещения удалось расчистить четыре гнезда (шириной 25 см, глубиной 7–10 см, высотой 33–34 см) (рис. 4, 2–3), расположенных на одинаковом расстоянии (25 см) друг от друга. В эти гнезда круглой стороной к стене вставляли балки-горбыли.

При исследовании северной части раннего здания (в помещении 1) в западной стене также были обнаружены следы конструкции перекрытия (рис. 4, 4). Они представляли собой гнезда от балок-горбылей, поставленных под углом. Одно из гнезд находилось на расстоянии около 90 см от северо-западного угла (ширина его – 27 см, глубина отпечатка – 13 см, высота по вертикали – 26 см, высота отпечатка – 32 см). В 20 см к югу от него находилось второе гнездо (ширина – 23 см, глубина – около 10 см, высота по вертикали – 30 см, высота отпечатка – 32 см, дно гнезда на 2–3 см поднято над низом выступа стены). Еще далее, в 20 см к югу от второго обнаружены остатки третьего гнезда.

На северном отрезке восточной стены также были прослежены остатки от трех гнезд для косо поставленных полукруглых балок. Но эти гнезда были сильно размыты и сохранились плохо.

В 1986 г. в южной части помещения (в пределах стен помещения 2) были частично расчищены три пола, относившиеся к разным периодам существования здания.

Нижний, третий сверху пол раскрыт на небольшом участке. С ним связаны основные стены здания VII в. (рис. 3, 6). В помещении VII в. вдоль стен шли суфы (частично исследованы суфы вдоль восточной, южной и западной стен) шириной около 85 см и высотой около 60 см. На расстоянии около 2,5 м от южной стены (той ее части, где находилось окно) суфа, расположенная вдоль западной стены, имела выступ внутрь помещения на 25–30 см. Суфа же вдоль восточной стены обрывалась как раз напротив этого выступа.

В помещении VII в., вероятно, произошел пожар, который удалось скоро потушить, о чем свидетельствует легкая закопченность штукатурки. После пожара стены помещения были, вероятно, заново оштукатурены очень тонким слоем штукатурки, который удалось проследить на южной стене. Одновременно с этим края суф были укреплены приставленными к ним плашмя сырцовыми кирпичами (ширина кирпичей – 22 см, толщина – 10 см), а поверхность пола поднята на высоту одного кирпича (рис. 5, 1) – на нижний пол положили слой кирпичей, а затем суфы и новый пол были обмазаны слоем штукатурки в 1–2 см. Хорошо видно, как обмазки с боковых поверхностей суф переходят на пол.

Следующий этап в жизни здания связан с его радикальной перестройкой, когда в центральной части устраивают проходной сводчатый коридор (помещение 1), пробивая проходы в восточной и западной стенах. Южную часть помещения теперь занимает кладовая (помещение 2), а северную – лестница и кладовка под ней. Строители укрепили стены дополнительной кладкой, а также подняли пол.

¹ Мауэрлат – элемент конструкции стропильной системы крыши.

Рис. 5. Пенджикент, объект XVI, помещение 2: 1 – вид с северо-запада на помещение после снятия кирпичей закладки – видны суфы с кирпичной обкладкой по краю; 2 – расчистка закладки под верхний пол на уровне суфы, вид с запада
Fig. 5. Pendjikent, feature XVI, room 2: 1 – northwestern view of the room after the foundation bricks were removed; 2 – clearing of the upper floor foundation, view from the west

На пол между суфами был положен утрамбованный слой глины, поверх которого вровень с поверхностью суф уложены три ряда кирпичей (рис. 5, 2) – два ряда кирпичей располагались узкими концами в направлении север–юг, а между ними находился ряд кирпичей, уложенных продольно. Работы были проведены очень тщательно, что неудивительно, так как шла подготовка к возведению нового здания в старых стенах.

На полу времени реконструкции здания стоит северная стена помещения 2, раскопанного в 1961 г. На этом полу расчищено дно хума. В процессе функционирования помещения уровень пола повышался – дно хума было перекрыто наслоениями, накопившимися в результате жизни в доме. Верхние прослойки этого пола несли следы пожара, скорее всего, связанного с разгромом города в 722 г. Разница уровня первоначального пола и поверхности пола с пожарищем в юго-восточном углу составляла 33 см, в северо-восточном – 21 см, а в юго-западном – 20 см.

Для датировки трех этапов существования разных построек в одних стенах привлечем нумизматический материал.

1. Время возведения здания второй половиной VII в. можно датировать на основании находки монеты Вархумана в помещении 2 в закладке балки под наклонными гнездами на западной стене в 0,8 м от юго-западного угла помещения. Там же найден фрагмент неопределенной согдийской монеты с квадратным отверстием.

2. Реконструкция здания, когда в старых стенах возводятся помещения 1 и 2, а к западу от них – помещение 3, относится к началу VIII в. Об этом свидетельствуют монета пенджикентской царицы из завала свода входной арки помещения 1 и монеты Бидйана и пенджикентской царицы из завала помещения 2.

3. На верхнем полу помещения 2 найдена неопределенная согдийская монета с квадратным отверстием. Для датировки пожара в помещении 2 можно привлечь находки монет из соседнего помещения 3, которое также погибло в результате пожара. Здесь были найдены: на полу – монета пенджикентской царицы, без отверстия, неопределенная; у южной суфы – монета типа № 301, а в завале, в 0,3 м над этой суфой – монета Вархумана; в завале в 0,3 м над полом – монета без отверстия, неопределенная. Из завала помещения 3 происходят монеты Мастан-Навйана (?) и Ихрида Кеша. Дата самой поздней монеты Ихрида Кеша – вторая четверть VIII в., время отливки других монет не выходит за рамки первой четверти VIII в.

Таким образом, дом, состоявший из одного помещения, относится ко второй половине VII в., когда городская территория не была плотно застроена – часть застройки представляла собой отдельно стоявшие дома, своего рода усадьбы.

Новый дом в старых стенах относится ко времени правления Деваштича, когда в Пенджикенте развернулось грандиозное строительство. Пожар связан с разгромом города арабами в 720-х гг. Восстановление города в 740-х гг. не затронуло эти помещения. Монета Ихрида Кеша, происходящая из завала помещения 3, могла быть потеряна посетителем запустевшего здания.

Что же представлял собой дом VII в.? Он состоял из одного прямоугольного помещения, вытянутого с севера на юг (7,3 × 5,85 м, площадь – около 43 м²). Проход в здание VII в., видимо, вел с севера, занимая северо-восточный угол помещения. На это обстоятельство как будто указывает рыхлый, аморфный характер завала прохода. Восточная стена в VII в. была глухой.

Вдоль стен помещения шли высокие суффы. Суфа вдоль западной стены имела выступ, характерный для архитектуры парадных помещений. В центре северной и южной стен напротив друг друга были расположены окна трапециевидной формы большого размера. Обычно окна такой формы, но меньшего размера устраивали в торцевой стене сводчатых помещений под самой шельгой свода. Сводчатые помещения занимали первый этаж, над ними возводились, как правило, помещения с плоским перекрытием.

Как отмечено выше, на южном и северном концах западной стены и на северном конце восточной расчищены гнезда от наклонно поставленных стропил перекрытия. Деревянные стропила потолка, вставленные в эти гнезда, шли почти параллельно боковым сторонам трапеции окон, опираясь на горизонтально положенный вдоль стен брус – своего рода мауэрлат. На южной стене, на границе оштукатуренной и неоштукатуренной поверхности стены слой штукатурки имел загиб в сторону помещения. Размеры помещения были слишком велики, чтобы перекрыть его единой плоской крышей. По этнографическим данным прогоны при земляной кровле доходили в длину до 3,75 м и, очень редко, до 4,5 м (Писарчик 1975: 36, 73–74). Для перекрытия данного помещения были использованы откосы, которые позволяли отказаться от применения слишком больших прогонов.

В четырех углах помещения на восточной и западной стенах были возведены крутые наклонные деревянные каркасы из горбылей, повернутых плоскими сторонами внутрь помещения. Ширина каркасов составляла около 2 м. Со стороны помещения каркасы были оштукатурены, о чем свидетельствует загиб штукатурки в сторону помещения на южной стене. Это наблюдение подтверждают материалы, полученные Б. Я. Стависким и Ю. Я. Якубовым при раскопках городища Хисорак на Верхнем Зеравшане (Ставиский, Якубов 1999; Ставиский и др. 2000). Перекрытие из помещения 3 городища Хисорак является прямой аналогией перекрытию из Пенджикента. К сожалению, имеется лишь предварительная публикация данных этих раскопок. Отсутствие графического и фотографического материала, связанного с перекрытием помещения, в некоторой степени компенсируют две полевые фотографии помещения 3, которые в 1998 г. мне любезно предоставил Б. Я. Ставиский (см цв. вклейку – рис. 6). Судя по этим фотографиям, можно предположить, что в помещении 3 было окно, остатки амбразуры которого подобны пенджикентской. На уровне низа амбразуры окна «были расчищены части конструкции перекрытия этого помещения, состоявшего из арчевых балок длиной 2,2 м и диаметром от 6 до 8 см, на которых покоились более мелкие прутья. Вся конструкция была тщательно перевязана пучками травы. Выяснилось также, что снизу изнутри помещения, конструкцию покрывал слой глиняной штукатурки» (Ставиский, Якубов 1999: 120). Остатки конструкции перекрытия лежали параллельно стене с окном. Низ стены, как и в Пенджикенте, был толще верха, а образовавшееся «гнездо» предназначалось для горизонтального бруса. На фотографии хорошо видно, что на выступе стены, от которой отходят арчевые «балки», лежит деревянный брус, украшенный резным орнаментом и как будто окрашенный в красный цвет (рис. 6, 1). Следует отметить, что в помещении 3 городища Хисорак найдено резное дерево превосходного качества, в частности, хорошо сохранившиеся карнизы с резными и раскрашенными деталями (Ставиский, Якубов 2000: 42). Параллели в архи-

тектуре Пенджикента и Хисорака не случайны, так как и в горах, и на равнине могли работать одни и те же артели строителей-профессионалов, под руководством которых трудились местные рабочие.

Еще один пример перекрытия с использованием стропил, от которых сохранились гнезда в стенах, – это квадратный парадный зал второй половины VI–VIII вв., исследованный на цитадели городища Канка. В стенах зала «сохранились ячейки для балок шатрового перекрытия» (Буряков, Богомолов 1983: 451).

Пенджикентский дом VII в. представлял собой отдельно стоящее здание из парадного зала площадью 43 м². Архитектурные решения парадных залов в Пенджикенте довольно разнообразны, но для них обязательны особая ритуальная площадка и применение деревянных конструкций для перекрытия основной части помещения. Ритуальная площадка в доме VII в. оформлена в виде прямоугольного выступа суфы. Прогонь деревянного балочного перекрытия плоского потолка опирались как на стены помещения, так и на откосы на западной и восточной стенах в углах комнаты. Балки перекрытия, вероятно, образовывали квадрат над центром помещения, а перекрытие этого квадрата имело световой фонарь (рис. 3, 1, 3).²

Дом явно не предназначался для жилья и резко отличался от двух других домов, находившихся рядом. Помещение было холодным – при таких огромных окнах, причем расположенных друг против друга, да еще и предполагаемого светового фонаря в потолке, потери тепла были велики. Вероятно, это был дом общественного назначения, важную роль в котором играло обилие дневного света. В помещении не зафиксировано следов живописи, но, возможно, было какое-то другое убранство (резное дерево?), соответствовавшее торжественной архитектуре зала. О мастерстве согдийского архитектора свидетельствует эффективное сочетание направленного светового потока с выразительностью конструктивных форм.

В этом же квартале в сплошной застройке VIII в. выявлены еще два отдельно стоящих дома более раннего времени. У одного прямоугольного дома VII в. прослежены все четыре фасада. Он примыкал углом к другому такому же дому (Распопова 1990: рис. 19). Один из фасадов этого дома сохранился на высоту 6,5 м. Описываемый в настоящей статье дом находился в 8 м к востоку от него.

Раскопки на объекте XVI показали, что когда археолог имеет дело с монументальной сырцово-кирпичной архитектурой, то для выявления более ранних построек нельзя сносить более поздние. Ранние стены, сохранившиеся почти на полную высоту, включали в более поздние сооружения, поэтому для исследования более ранних этапов важно разобраться в строительной истории построек верхних слоев.

Беленицкий 1964 – *Беленицкий А. М.* Работы Пенджикентского отряда в 1961 г. // АРТ. Душанбе: Дониш, 1964. Вып. 9 (1961). С. 53–75.

Буряков, Богомолов 1983 – *Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И.* Работы в Ташкентской области // АО 1981 года. 1983. С. 451.

Писарчик 1975 – *Писарчик А. К.* Народная архитектура Самарканда. Душанбе: Дониш, 1975. 149 с.

² Предложенные реконструкции перекрытия носят предварительный характер.

Распопова 1990 – *Распопова В. И.* Жилища Пенджикента (Опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990. 206 с.

Ставиский и др. 2000 – *Ставиский Б. Я., Якубов Ю. Я., Гарифуллина З. А., Давутов Д. Д.* Отчет о работах Российско-Таджикской экспедиции на Верхнем Зеравшане в 1998 году // АРТ. Душанбе, 2000. Вып. 27. С. 59–70.

Ставиский, Якубов 1999 – *Ставиский Б. Я., Якубов Ю. Я.* Находки в бассейне Верхнего Зеравшана // Наследие предков (Мероси ниёгон). 1999. № 4. С. 110–120.

Ставиский, Якубов, 2000 – *Ставиский Б. Я., Якубов Ю. Я.* Возобновление исследований в Верхней Матче (Российско-Таджикская археологическая экспедиция на Верхнем Зеравшане) // Отделу Востока 80 лет: ТД юбилейной науч. конф. СПб.: ГЭ, 2000. С. 40–42.

VII CENTURY BUILDING IN PENDJIKENT

V. I. Raspopova

The building system that existed in Pendjikent in the first decades of the VIII century consisted of compact residential areas separated by streets and side-streets. The residential areas formed around houses which served as their cores. Such cores are found in different parts of the ancient town. The well preserved early walls were often incorporated into later constructions. A number of later structures were built in the construction of the VII century excavated within the limits of object XVI. The VII century construction consisted of one room (7.3×5.85 m) with two large trapezoid windows, located in the southern and northern walls opposite one another. The roof of this house is flat, with a lantern light in its center. The ceiling beams rested on the walls and splays (sloping surfaces) (fig. 3, 1, 3). The latter represented steep wooden carcasses of timber boards, with their flat sides directed inward and plastered. The width of each splay is about 2 m. Inside the room there were *sufas* (benches), one of which (along the western wall) had a rectangular projection that could have served as a ritual platform. The function of this building remains unclear, but it certainly was non-residential. Two isolated residential buildings dating from the same time have been studied not far from it.

К ВОЗМОЖНЫМ ВИЗАНТИЙСКИМ ИМПУЛЬСАМ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ IX–XI ВВ.: КОМПЛЕКС ХРИСТИАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ИЗ ТУРА (ФРАНЦИЯ)

А. Е. МУСИН

Ключевые слова: *городская археология, предметы христианского благочестия, имитация, международные контакты, Франция, Византия, Рим, Германия, Восточная Европа.*

Keywords: *urban archaeology, Christian devotional objects, imitation, international contacts, France, Byzantium, Rome, Germany, Eastern Europe.*

Раскопки в г. Тур сыграли важную роль в сложении средневековой археологии во Франции.¹ Исследования 1973–1977 гг. на территории королевского замка («site 3») на левом берегу р. Луары занимают здесь особое место (Galinié 2007). Неоднократно перестраивавшееся средневековое укрепление рядом со стратегической переправой первоначально было связано с графами Анжу. Возможно, замок был основан Жофруа Мартеллом после победы при Нуи 22 августа 1044 г. (Galinié 1977). Он возник на месте античных терм галло-римского города Цезародунум, функционировавших вплоть до IV в. Строительству замка предшествовало существование располагавшегося несколько к востоку жилого квартала конца VI–первой половины XI вв., который на последнем этапе превращается в аристократическую резиденцию с временным укреплением. В IX в. эта резиденция могла принадлежать графам Блуа (Malatra 2011).

Значительная часть материалов археологических исследований в Туре (топография, отдельные категории предметов, керамика, стекло, нумизматический материал, антропология, палинология) уже издана (Galinié 1981; 1983; Motteau 1985; Tours antique et médiéval... 2007; Theureau 1985; 1998; Vivent 1998; Schiesser 2003).² К началу 1990-х гг. был закончен в основном и анализ находок с территории замка (Motteau 1991). Раскопки памятника производились по контекстам («стратам»), однако сложность стратиграфии вследствие активной жизнедеятельности на этой территории на протяжении полутора тысяч лет сделала задачу их периодизации чрезвычайно трудоемкой. Первая попытка датировки «стратов» была осуществлена Б. Рандуаном и Р. Кемпом непосредственно после раскопок. Новое исследование стратиграфии и хронологии памятника в настоящее время подготовлено к публикации (Galinié et al. 2014).³ В основу датировки

---

¹ О становлении французской археологии средневековья, в том числе в связи с развитием «превентивных» исследований на городских новостройках, см.: Garmy 1999; Galinié 2000; Chapelot 2010.

² См. также сайт Института превентивной археологии (Париж, Франция): <http://www.inrap.fr/archeologie-preventive/Ressources-multimedias/Atlas-interactifs/tours/p-9708-Archeologie-de-la-ville-de-Tours.htm>.

³ Я благодарен проф. Анри Алинье как за приглашение участвовать в исследовании коллекции, так и за возможность самостоятельно опубликовать некоторые из результатов.

была положена статистическая модель, основывающаяся на соотношении керамического и стеклянного комплексов с определенным «стратиграфическим ансамблем» с учетом общей стратиграфии и зонирования памятника в сравнении с материалами других раскопов в Туре. Результат факторного анализа соответствий был представлен графически в виде «шкалы Гуттмана», методика которой заимствовалась из социологии. Созданная на этой основе хронологическая колонка была верифицирована с помощью датирующих находок. В процессе исследования удалось уточнить датировки 25 комплексов из 99 выделенных «ансамблей» IV–XVII вв.

В ряде случаев это касалось контекстов, откуда происходят немногочисленные предметы христианского благочестия. Прежде всего, речь идет о свинцовом кресте-подвеске (рис. 1, 1; Motteau 1991: 34, 40, no. 205).⁴ Он имеет почти равноконечную форму, его ветви несколько расширяются от основания, а концы раздвоены в виде «ласточкиного хвоста». Композиция его ветвей, состоящая из двух перевернутых подтреугольных фигур, также может быть описана как сдвоенная. В одной из ветвей имеется отверстие для подвешивания. Судя по всему, крест был вырезан из металлической пластины. Он происходит из контекста E62, связанного с постройкой неясного функционального назначения (№ 6), располагавшейся к югу от временного укрепления (750–800 гг.). В целом этот стратиграфический «ансамбль» может быть отнесен к периоду 2f (750–825 гг.). В то же время некоторые сопутствующие находки, указывающие на наличие локальных перекопов, позволяют расширить датировку до 800–900 гг. (период 2g) и даже до несколько более позднего времени – периоды 2h–2i (850–1050 гг.), слои которых, впрочем, сильно переотложены. В любом случае попадание интересующего нас креста в культурный слой происходит до середины XI в., поскольку строительство замка относится к 1044–1068 гг. Таким образом, в настоящее время крест может быть датирован широко IX–первой половиной XI вв. Напомним, что в предшествующих публикациях крест был отнесен к X–XI вв. (Ibid.).

Тот факт, что христианские древности Тура не имеют аналогий на территории Франции, а также уточненная хронология делают возможным поиск параллелей этим предметам в области византийской культуры. Напомним, что находки предметов личного благочестия во Франции, прежде всего нательных крестов, являются чрезвычайно редким явлением вплоть до позднего средневековья. Обзор этих находок, как и анализ причин их немногочисленности, был дан нами ранее (Мусин 2006). В Западной Европе крест, как и в античную эпоху, служил «прикладным» символом, наносимым на конкретные бытовые предметы, так и не став предметом индивидуального благочестия: почитание креста оставалось под контролем духовенства (Trombetta, Depraetere-Dargery 2001: 106; Wirth 1989: 164, 179). Редкие средневековые нательные кресты во Франции являются преимущественно привозными, как, например, бронзовый экземпляр XIII в. из Авиньона (Aujourd'hui le moyen âge 1981: 112–113, no. 590) несомненно восточного происхождения, или гагатовый крест X–XII вв. со свинцовыми

⁴ Исследование химического состава сплава, проведенное Б. Гратюзом из Института археометрических исследований, Центр Эрнест-Бабелон в Орлеане, установило, что крест изготовлен из свинца с незначительным присутствием олова и следами других цветных металлов.

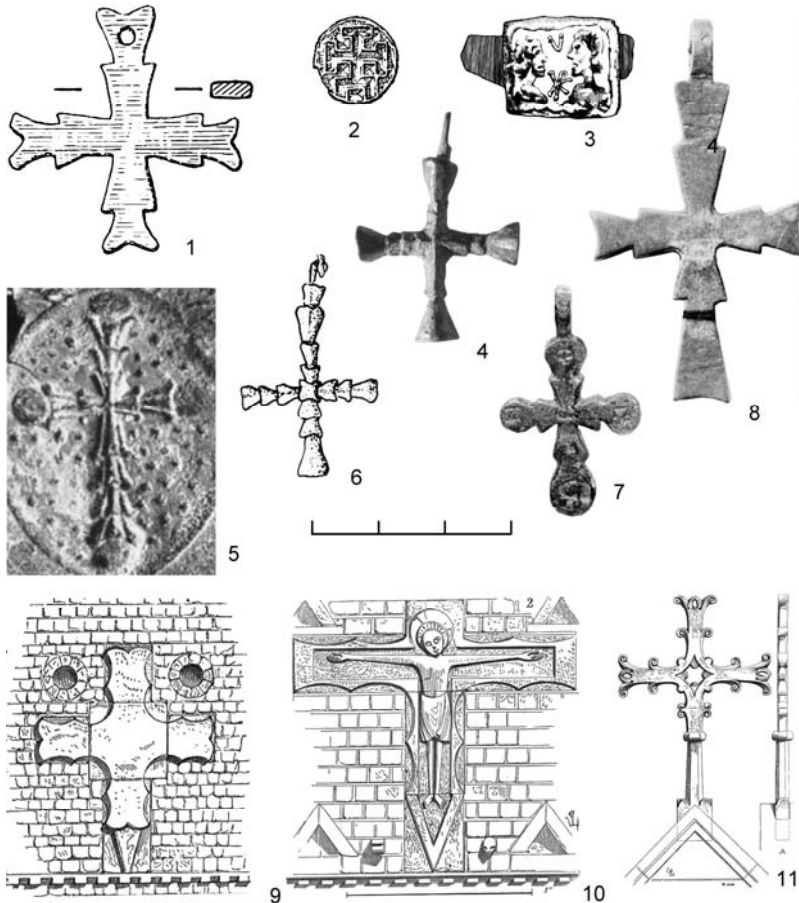

Рис. 1. Комплекс предметов христианского культа из г. Тур (Франция) и их аналогии: 1 – крест, Тур, свинец, IX–X вв.; 2 – накладка с изображением креста на подножии, Тур, золотая фольга, медь, IX–X вв.; 3 – щиток перстня с изображением свв. апп. Петра и Павла, Тур, серебро, чеканка, бронза, IX–XI вв.; 4 – крест, коллекция Халук Перк, Стамбул, Турция, бронза; 5 – ампула из Святой земли (фрагмент), Боббио, Италия, свинцово-оловянистый сплав, VI–VII вв.; 6 – крест, некрополь Пуршук, Каппадокия, Турция, бронза, VI–VII вв.; 7 – крест, Святая Земля, бронза, X–XI вв.; 8 – крест, городище Княжа гора, Черкасская область, Украина, металл, XI–XII вв.; 9 – крест, собор в Бовэ, Франция, X–XI вв.; 10 – крест с Распятием, приоратство Монтиль, Франция, начало XI в.; 11 – крест, церковь в Монреале, Франция, конец XII в. (1–3 – по Motteau 1991; 4 – по Işın, Erginer 2003; 5 – без масштаба, по Grabar 1958; 6 – по Blaizot 1999; 7 – по Israeli, Mevorah 2000; 8 – по Ханенко Б., Ханенко В. 1900; 9–11 – без масштаба, по Viollet-le-Duc 1875)

Fig. 1. Complex of Christian cult objects from Tours (France) and their analogies: 1 – cross, Tours, lead, IX–X cc.; 2 – onlay with a cross, Tours, gold foil, copper, IX–X cc.; 3 – finger ring shield with St. Apostles Peter and Paul, Tours, silver, embossing, bronze, IX–XI cc.; 4 – cross, Haluk Perk collection, Stambul, Turkey, bronze; 5 – ampoule from the Holy Land (a fragment), Bobbio, Italy, lead-tin alloy, VI–VII cc.; 6 – cross, necropolis of Purshuk, Cappadocia, Turkey, bronze, VI–VII cc.; 7 – cross, Holy Land, bronze, X–XI cc.; 8 – cross, Knyazha gora, Cherkassy oblast, Ukraine, metal, XI–XII cc.; 9 – cross, Beauvais cathedral, France, X–XI cc.; 10 – cross with Crucifixion, Montmille priorate, France, early XI c.; 11 – cross, church in Montreal, France, late XII c. (1–3 – after Motteau 1991; 4 – after Işın, Erginer 2003; 5 – not to scale, after Grabar 1958; 6 – after Blaizot 1999; 7 – after Israeli, Mevorah 2000; 8 – after Ханенко 1900; 9–11 – not to scale, after Viollet-le-Duc 1875)

инкрустациями из некрополя Рини на р. Луаре (Zadora-Rio, Galinié 1992: 151, 152, fig. 66, 86), возможно, привезенный из Англии. Иногда их изготавливали путем копирования привозных образцов.

Форма креста из Тура определенно восходит к VI–VII вв. и отражает идею «процветшего креста», ветви которого представлены растительными побегами, символизирующими успех христианства. Наиболее ранние примеры происходят с Ближнего Востока. В одном из погребений некрополя Пуршук в южной Каппадокии округлые в сечении ветви креста составлены из серии перевернутых «конусов» (рис. 1, 6; Blaizot 1999: 182, 194, fig. 3a), а на паломнических ампулах из Святой Земли конца VI в., хранящихся в итальянских городах Боббио и Монце (Grabar 1958: pl. 18, 32, 33, 34), эти составные части ветвей изображены как древесные побеги (рис. 1, 5). Близкая форма крестов возрождается в постиконоборческую эпоху. Такие кресты известны в погребениях Греции X–XI вв. (Kurgaiou 1997: 221, no. 271), Плиски в Болгарии, XI в. (Дончева-Петкова 2011: 258–260, 489, 730, рис. 76, табл. 204, № 1308 [тип 1.4.21.1]), в Румынии, в погребениях некрополя Исакча, XI–XII вв. (Vasilii 1984: 123, 532, tab. 8, 23, № 51), а также в Малой Азии, в частности, в одном из погребений некрополя при монастырской церкви в Богазкой-Хаттуса, X–XI вв. (Böhlendorf-Arslan 2012: 364, 365, Abb. 13, 22) и среди случайных находок (рис. 1, 4; Işın, Erginer 2003: 118). В интересующий нас период, а именно в IX–XI вв., в этом регионе известны и другие кресты с двусоставными ветвями, хотя завершения ветвей и несколько отличают их от креста из Тура (рис. 1, 7; Дончева-Петкова 2011: 238–239, 477–478, 718, рис. 69, табл. 192, № 1200–1206 [тип 1.4.13.1]; Israeli, Mevorah 2000: 140; Henning 2007: 675, Taf. 5, 60).

Нельзя не отметить, что такая форма креста находит определенные соответствия и в самой Франции X–XII вв., однако они связаны преимущественно с монументальным искусством. Помимо известного среди геральдических символов с середины XII в. креста с раздвоенными окончаниями ветвей (*croix de vermeil*) существует целый ряд близких по форме крестов в экстерьере культовых зданий: на западном портале собора в Бовэ, X–XI вв. (рис. 1, 9), на фасаде церкви приоратства Монтмиль, начало XI в. (рис. 1, 10), в церкви в Монреале рядом с Аваллоном, конец XII в. (рис. 1, 11; Viollet-le-Duc 1875: 419, 423, figs. 1, 2, 5).

Тем не менее наиболее близкой аналогией предмету из Тура является крест (рис. 1, 8), происходящий с территории Среднего Поднепровья. Это случайная находка из неидентифицированного металла на городище Княжа гора (Каневский р-н, Черкасская обл., Украина), которую издатель, не приводя оснований, датируют XIII в. (Ханенко Б., Ханенко В. 1900: 6, табл. 19, 225). Крест имеет несколько удлиненные пропорции. Исходя из общей хронологии памятника, он может быть отнесен к XI–началу XIII вв.

Крест из Тура является уникальной находкой, а материал и технология его изготовления не столь характерны для этой категории предметов. Вероятнее всего, он, как и древнерусский крест, является местной копией, восходящей к схожим религиозным предметам восточнохристианской культуры. Появление на берегах Луары такой копии могло быть следствием персональных контактов с Востоком. О том, что такие контакты были налажены, свидетельствует находка современного кресту перстня с серебряным прямоугольным щитком, на котором помещены тисненные бюстовые изображения обращенных в профиль друг

к другу апостолов Петра и Павла, разделенных знаками стилизованной птицы (?) и хрисмы (рис. 1, 3; Motteau 1991: 31, 36, no. 139). Подобные перстни должны рассматриваться как свидетельства паломничества в Рим. Они были предшественниками специальных жетонов для римских пилигримов XII–XIII вв. с изображениями апостолов (Imperiale 2012), которые известны и на территории Древней Руси (Musin 2012: 253, гус. 1). К более позднему времени относится находка свинцовой печати (Motteau 1991: 125, 128, no. 602) короля Иерусалима Бодуана II (1118–1131 гг.). Заметим, что моливдовулы крестоносцев из Святой Земли являются нечастыми находками во Франции. Так, средиземноморский путь через Италию мог быть одним из вариантов проникновения иконографического образца или самого креста во Францию.

Нельзя, впрочем, исключить и его проникновение через Германию, где в это время известны религиозные предметы византийской культуры, поступившие сюда из Дунайского региона. Так, на городище Кенштайн вблизи императорской резиденции в Госларе найдены кресты-подвески из кости со стилизованным Распятием и византийские литургические предметы X–XI вв. (Steinmetz 2002: 84, 100, 102, 104–105, Abb. 75, 85, 86). Возможно, именно так во Францию той эпохи попадали ближневосточные изделия из стекла или имитирующие китайскую посуду из селадона, которые найдены при археологических исследованиях в резиденции графов Ангулем второй половины X в. в Андоне. На такую возможность указывает найденная здесь же фибула из свинцово-оловянистого сплава, имитирующая, скорее всего, германский бронзовый оригинал (Bourgeois 2009: 501). Материалы раскопок поселений Шаравин-Колетьер XI в. под Греноблем, благодаря находкам булавок и кухонной керамики, также указывают на имевшиеся связи с германской культурой (Colardelle, Verdel 1993: 217, 218, fig. 150, 18–21).

В связи с возможными культурными влияниями нас должен заинтересовать еще один предмет с христианской символикой из Тура, который является частью фибулы или щитка перстня (рис. 1, 2; Motteau 1991: 12, 20, no. 30). Он происходит непосредственно из временного укрепления (E60; 750–825 гг.). Предмет изготовлен очень тщательно из медной пластины, на которую нанесен тонкий лист фольги из чистого золота с изображением креста с т-образными завершениями ветвей на прямоугольном подножии, в декорации которого прослежены следы ртути.⁵ Изначально исследователи полагали, что изображение креста могло подражать крестам на византийских монетах VII–IX вв., бывших в обращении и на территории Франции (Morrisson, Lafaurie 1987). Однако их ступенчатое подножие из трех разновеликих полос (Grierson 1968; 1973) существенно отличается от изображения из Тура. Такая форма креста действительно встречается на византийских украшениях, в том числе и на территории Древней Руси, на городище Трепча близ Санока, Польша (Ginalski 2012: 320, 321, figs. 13, f; 14, b).

Однако крест с т-образными завершениями ветвей на ступенчатом подножии весьма характерен и для монетного дела эпохи Меровингов и Каролингов во Франции. Одной из близких параллелей изображению креста из Тура являются монеты Кентовика (Lafaurie 1996: 201–202, 228–229, pl. 30, nos. 53–61 [тип

⁵ Химический анализ предмета также производился в Центре Эрнест-Бабелон в Орлеане.

VIII в.]; Lephay 1982), чеканенные в эпоху короля Догобера (625–635 гг.). Известно, что в своем обращении они достигали района Луары (Bruand 2002: 25), что могло сказаться на формировании корпуса символов локального общества. Сложение местной культуры в любом случае должно было использовать местное культурное наследие. Впрочем, территория Германии могла быть и в данном случае дополнительным источником культурного импульса, поскольку такая форма креста использовалась в X–XI вв. для украшения эмальерных круглых фибул, одна из которых найдена на городище Гарс-Тунау в Нижней Австрии (Das Reich der Salier... 1992: 123, nr. 21).

Какими бы ни были точная датировка креста и его конкретное происхождение, связь этой находки с археологическим контекстом, характеризующим высокий социальный статус местных жителей и их отношение к военному делу, представляется не случайной. Именно в периоде 2f здесь возникает временное укрепление, а среди находок появляются подковы, элементы конской упряжи и наконечники стрел, что в совокупности может отражать новую оборонительную функцию этого городского квартала. Крест становится «социальным маркером» его обитателей. Факт подчеркнутой репрезентации своего религиозного статуса христианами воинами, особенно в условиях пограничных гарнизонов и конфликтных ситуаций, хорошо известен археологически на Балканах (Uenze 1992: 523, 543), в Малой Азии (Redford 1998: 164, 175; Pitarakis 2006: 140–141), в Восточной Европе (Мусин 2005) и других регионах (о христианской воинской культуре в целом – Solages 1946; Flori 1983). В этом случае воинское сословие превращалось в средневековую «группу риска», что требовало дополнительной психологической защиты в виде избыточного количества предметов христианского благочестия. Аристократическая резиденция в Туре IX–XI вв. в данном случае не является исключением, а репрезентация религиозной культуры местных обитателей непосредственно связана с их контактами общеевропейского масштаба.

Дончева-Петкова 2011 – *Дончева-Петкова Л.* Средневековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в.). София: Марин Дринов, 2011. 734 с.

Мусин 2005 – *Мусин А. Е.* Milites Christi Древней Руси: воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 368 с.

Мусин 2006 – *Мусин А. Е.* Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. Памяти Т. А. Чуковой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 163–222.

Ханенко Б., Ханенко В. 1900 – *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности русские: Кресты и образки. Киев: фототипия и типография С. В. Кульженко, 1900. Вып. 2. 25 с., 16 л. ил.

Aujourd'hui le moyen âge 1981 – *Aujourd'hui le moyen âge: Archéologie et vie quotidienne en France méridionale; Sénanque, Marseille, Arles, Toulon, Peregrinan, Montpellier, Nice, Gap, 1981–1983.* Aix-en-Provence, 1981. 125 p.

Blazit 1999 – *Blazit F.* L'ensemble funéraire tardo-antique de Porsuk: approche archéologique (Ulukişla, Cappadoce meridionale, Turquie). Résultats préliminaires // *Anatolia Antiqua*. 1999. Vol. 7. P. 179–202.

Böhlendorf-Arslan 2012 – *Böhlendorf-Arslan B.* Das bewegliche Inventar eines mittelbyzantinischen Dorfes: Kleinfunde aus Boğazköy // *Böhlendorf-Arslan B., Ricci A.* (eds.). Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Byzaz. Istanbul: Ege Yayınları, 2012. Vol. 15. P. 351–368.

Bourgeois 2009 – *Bourgeois L.* (dir.). Une résidence des comtes d'Angoulême autour de l'an Mil: le castrum d'Andone (Fouilles d'André Debord). Caen: CRAHM, 2009. 560 p.

- Bruand 2002 – *Bruand O.* Voyageurs et marchandises aux temps carolingiens: les réseaux de communication entre Loire et Meuse aux VIIIe et IXe siècles. Bruxelles: De Boeck, 2002. 357 p.
- Chapelot 2010 – Chapelot J. (ed.). Trente ans d'archéologie médiévale en France. Un bilan pour l'avenir. Caen: CRAHM, 2010. 436 p.
- Colardelle, Verdel 1993 – *Colardelle M., Verdel E.* Les habitats du lac de Paladru (Isère) dans leur environnement. La formation d'un terroir au XIe siècle. Paris: Maison des sciences de l'Homme, 1993. 416 p.
- Das Reich der Salier... 1992 – Das Reich der Salier 1024–1125: Katalog zur Ausstellung des Landes Rheinland-Pfalz. Sigmaringen: J. Thorbecke, 1992. 503 s.
- Flori 1983 – *Flori J. L.* Idéologie du glaive: préhistoire de la chevalerie. Genève: Droze, 1983. 205 p.
- Galinié 1977 – *Galinié H.* La résidence des comtes d'Anjou à Tours // Archéologie médiévale. 1977. T. 7. P. 95–107.
- Galinié 1981 – Galinié H. (dir.). Recueil d'études. Recherches sur Tours. Tours: Association pour le développement des études d'archéologie urbaine, Société archéologique de Touraine, 1981. Vol. 1. 141 p.
- Galinié 1983 – Galinié H. (dir.). Recueil d'études. Recherches sur Tours. Tours: Laboratoire d'archéologie urbaine, 1983. Vol. 2. 83 p.
- Galinié 2000 – *Galinié H.* Ville, espace urbain et archéologie: essai. Tours: Maison des sciences de la ville de l'urbanisme et des paysages, 2000. 128 p.
- Galinié 2007 – *Galinié H.* La fouille du site du «Château» // Tours antique et médiéval. Lieux de vie, temps de la ville, 40 ans d'archéologie urbaine. Tours: FERACF, 2007. P. 61–82.
- Galinié et al. 2014 – Galinié H., Husi Ph., Motteau J. (eds.). Des thermes de Caesarodunum au château de Tours: le site 3. Tours, 2014 (Recherches sur Tours. Vol. 9; In print).
- Garmy 1999 – *Garmy P.* La France // Rapport sur la situation de l'archéologie urbaine en Europe. Strasbourg: Conseil de l'Europe, 1999. P. 91–102.
- Ginalski 2012 – *Ginalski J.* Ein frühmittelalterlicher Sakralkomplex auf dem Burgwall «Horodyszczce» in Trepca bei Sanok // Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P. with contribution Hardt M., Kruk M. P., Sulikowska-Gąska A. (eds.). Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas, Instytut Archeologii i Etnologii PAN, Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2012. Vol. 2. P. 303–330.
- Grabar 1958 – *Grabar A.* Ampoules de Terre Sainte, Monza, Bobbio. Paris: C. Klincksieck, 1958. 70 p.
- Grierson 1968 – Grierson Ph. (ed.). Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 2: Phocas to Theodosius III, 602–717. Washington (D. C.): Dumbarton Oaks center for byzantine studies, 1968. 2 vol. 728 p.
- Grierson 1973 – Grierson Ph. (ed.). Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 3: Leo III to Nicephorus III, 717–1081. Washington (D. C.): Dumbarton Oaks center for byzantine studies, 1973. 2 vols. 887 p.
- Henning 2007 – *Henning J.* Katalog archäologischer Funde aus Pliska // Henning J. (ed.). Post-Roman towns, trade and settlement in Europe and Byzantium. Berlin; New York: Dr Gruyter, 2007. Vol. 2: Byzantium, Pliska and the Balkans. P. 663–704.
- Imperiale 2012 – *Imperiale M. L.* Signa Apostolorum Petri et Pauli. Note sulla produzione delle quadrangulae di pellegrinaggio a Roma // Redi F., Forgione A. (publ.). Atti di 6. Congresso nazionale di archeologia medievale, L'Aquila, 12–15 settembre 2012. Firenze: All'Insegna del Giglio, 2012. P. 698–703.
- Işın, Erginer 2003 – Işın E., Erginer G. (eds.). Elemterefiş: Anadolu'da Büyü ve İnanışlar. Katalog. 13 Haziran–16 Ağustos 2003 tarihleri arasında Yapı Kredi Vedat Nedim Tör Müzesinde açılan. İstanbul: Yapı Kredi, 2003. 263 s.
- Israeli, Mevorah 2000 – Israeli Y., Mevorah D. (eds.). Cradle of Christianity. Jerusalem: The Israel Museum, 2000. 232 p.
- Kypraiou 1997 – Kypraiou E. (ed.). Greek jewellery, 6000 years of tradition: Thessaloniki, Villa Bianca, 21 December 1997–21 February 1998. Athens: Archaeological Receipts Funds, 1997. 455 p.
- Lafaurie 1996 – *Lafaurie J.* VVIC in Pontio. Les monnaies mérovingiennes de Wicus // RN. 1996. T. 6 (151). P. 181–239.
- Lephay 1982 – *Lephay J.* Les monnaies médiévales du Pays de Montreuil. Les ports maritimes de Quentovic et Montreuil au Moyen Age. Leurs ateliers monétaires, jalons de leur l'histoire // Dossiers Archéologiques, Historiques et Culturels du Nord et du Pas-de-Calais. 1982. No. 13 (1–2). P. 5.
- Malatra 2011 – *Malatra V.* Le château royal de Tours: nouvelles approches // Bulletin de la Société archéologique de Touraine. 2011. Vol. 57. P. 125–144.
- Morrisson, Lafaurie 1987 – *Morrisson C., Lafaurie J.* La pénétration des monnaies byzantines en Gaule mérovingienne et visigotique du VIe au VIIIe siècle // RN. 1987. T. 6 (29). P. 38–98.

- Motteau 1985 – *Motteau J.* Etudes sur la verrerie des fouilles de Tours, 1973–1982. Tours: ADEAUT, 1985. 55 p. (Recherches sur Tours. Vol. 4).
- Motteau 1991 – *Motteau J.* Catalogue des objets des fouilles de Tours (1973–1977). Tours: Laboratoire d'archéologie urbaine, 1991. 138 p. (Recherches sur Tours. Vol. 5).
- Musin 2012 – *Musin A.* Z wiecznego Rzymu nad Bug: znaki pielgrzymie z Czermna // Bagińska J., Piotrowski M., Wołoszyn M. (red.). Czerwień – gród między Wschodem a Zachodem: Katalog wystawy. Tomaszów Lubelski; Leipzig; Lublin; Rzeszów: Instytut Archeologii, Uniwersytet Rzeszowski, 2012. S. 243–255.
- Pitarakis 2006 – *Pitarakis B.* Les croix – reliquaires pectorales byzantines en bronze. Paris: Picard, 2006. 446 p.
- Redford 1998 – *Redford S.* The archaeology of the frontier in the medieval Near East: excavations at Gritille, Turkey. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1998. 315 p.
- Schiesser 2003 – *Schiesser Ph.* Les monnaies antiques des fouilles de Tours (1973–1988): étude numismatique et archéologique. Tours: FERACF, ADEAUT, 2003. 104 p. (Recherches sur Tours. Vol. 10).
- Solages 1946 – *Solages B., de.* La théologie de la guerre juste: genèse et orientation. Paris: Desclée de Brouwer, 1946. 154 p.
- Steinmetz 2002 – *Steinmetz W. D.* Archäologie und Geschichte der karolingisch – ottonischen burg auf dem Kanstein bei Langelsheim. Braunschweig: Braunschweigsches Landesmuseum, 2002. 144 s.
- Theureau 1985 – *Theureau Ch.* Anthropologie des squelettes du cimetiere paroissial de Saint-Pierre-le-Puellier (XIe–XVIIe siècle). Tours: ADEAUT, 1985. 62 p. (Recherches sur Tours. Vol. 3).
- Theureau 1998 – *Theureau Ch.* La population archéologique de Tours (IVe–XVIIe siècle): étude anthropologique. Tours: FERACF, ADEAUT, 1998. 86 p. (Recherches sur Tours. Vol. 7).
- Tours antique et médiéval... 2007 – Tours antique et médiéval. Lieux de vie, temps de la ville, 40 ans d'archéologie urbaine / Galinié H. (dir.). Tours: FERACF, 2007. 440 p.
- Trombetta, Depraetere-Dargery 2001 – Trombetta J. P., Depraetere-Dargery M. (éd.). L'Île-de-France médiévale: [exposition, 2000]. Paris: Somogy, 2001. Vol. 1. 264 p.
- Uenze 1992 – *Uenze S.* Die Spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien): Ergebnisse des deutsch-bulgarisch-österreich. Ausgrabungen 1934–1937. München: C. H. Beck, 1992. Vol. 1. 600 s.
- Vasiliiu 1984 – *Vasiliiu I.* Cimiterul feodal-timpuriu de la Isaceea // Peuce: revistă publicată de Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea. 1984. [T.]. 9. P. 107–141.
- Viollet-le-Duc 1875 – *Viollet-le-Duc E.* Croix // *Viollet-le-Duc E.* Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XIe au XVIe siècle. Paris, 1875. Vol. 4. P. 418–444.
- Vivent 1998 – *Vivent D.* Contribution de la palynologie à l'archéologie urbaine: application au site de Tours. Tours: FERACF, ADEAUT, 1998. 96 p. (Recherches sur Tours. Vol. 8).
- Wirth 1989 – *Wirth J.* L'Image médiévale: naissance et développements: VIe–XVe siècle. Paris: Méridiens Klincksieck, 1989. 395 p.
- Zadora-Rio, Galinié 1992 – *Zadora-Rio E., Galinié H.* Fouilles et prospections à Rigny-Ussé (Indre-et-Loire), rapport préliminaire 1986–1991 // Revue archéologique du Centre de la France. 1992. T. 31. P. 75–166.

**PROBABLE BYZANTINE IMPACTS ON WESTERN EUROPE
IN THE 9TH–11TH CENTURIES:
AN ASSEMBLAGE OF CHRISTIAN DEVOTIONAL OBJECTS FROM
TOURS (FRANCE)**

A. E. Musin

The paper analyses some Christian devotional objects from the excavations of 1973–1977 in the aristocratic residence of the 9th–11th centuries at the place of the medieval castle of counts of Anjou in Tours, France. Their dating has been recently revised according to the stratigraphic and chronological observations made by the research team from the French National Center of Urban Archaeology headed by Henry Galinié. The new chronology, as well as the morphology of cult objects, which

is sometimes unusual for Latin Europe, suggest that the analogies to them should be searched for in the Byzantine cultural area. In general, personal devotional objects (especially cross-pendants) were uncommon in France, and the veneration of cross was under strict control by the clergy. Before 1400, all cross-pendants had been either brought to France from abroad or made at place after foreign examples. One of the crosses-pendants from Tours has a close analogy in the Middle Dnieper region of Ukraine. Probably, both objects were produced locally, being modeled after one of the cross types of the Post-Iconoclastic period, the form of which goes back to an earlier prototype from the 6th–7th century. Other Christian objects from Tours aristocratic residence either were brought by pilgrims from Rome, represented a continuation of the local tradition going back to the Merovingian period. The author stresses that *Francia* of the 9th–11th centuries was not a culturally closed area. It developed its own Christian heritage using new impulses from Italy and the East. The presence of devotional objects in an aristocratic residence with clearly expressed defensive functions is characteristic of the medieval Christian communities. Finding themselves in politically and/or military challenging situation, Christian warriors usually stressed their religious status with extra number of private devotional objects and liturgical gesticulations.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЖИ В ПОГРЕБЕНИЯХ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ КАЛМИСТОМЯКИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

А. В. КУРБАТОВ, С. В. БЕЛЬСКИЙ

Ключевые слова: *Северо-Западное Приладожье, грунтовый могильник Кюлялахти, кожаная обувь и чехол XV–XVI вв.*

Keywords: *Northwestern Ladoga Lake region, Kylälahti Kalmistomäki cemetery, leather articles of the XV–XVI cc.*

Введение. Могильник Кюлялахти Калмистомяки активно исследуется в последнее десятилетие Приладожской археологической экспедицией Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) под руководством С. В. Бельского. Могильник содержит погребения в грунтовых ямах, относящиеся к позднему этапу традиции грунтовых захоронений на Карельском перешейке и в Северном Приладожье (конец XIII–XV вв.; Бельский 2013: 20). К настоящему времени изучено 93 погребения. Результаты раскопок в основном уже введены в научный оборот (Бельский 2012; 2013; Бельский, Лааксо 2008; 2009а; 2009б; 2010; 2011). Тем не менее некоторые категории находок пока не получили в литературе подробной характеристики. К ним относятся немногочисленные фрагменты кожаных изделий.

Описание комплексов

При раскопках 2007 г. на могильнике были открыты комплексы, содержавшие органические остатки в районе нижних конечностей. Наиболее полно они сохранились в погребениях № 13 и № 20.

Погребение № 13 располагалось в центральной части некрополя. Оно совершено в могильной яме, над которой было возведено надмогильное сооружение из крупных валунов, выложенных по периметру могилы. Костяк плохой сохранности лежал в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на ЮЗ (азимут 231°). Кисти рук сложены на груди. По заключению В. И. Хартановича, скелет принадлежал женщине 20–25 л. (Бельский 2012: 45, рис. 32, 33). Погребение относится к наиболее богатым комплексам могильника. В нем были обнаружены: пара многобусинных височных колец, подвеска-кулон, серебряные пуговица и перстень, комплекс сложносоставной поясной привески, нож с серебряными оковками (Там же: рис. 34–35). Кроме того, у правой берцовой кости, под фрагментами дерева толщиной около 2 см (возможно, крышки гроба), были расчищены остатки кожаных изделий, очевидно обуви. Верхний край кожаного изделия располагался в 4,5 см ниже колена. Под проксимальным краем малой берцовой кости были зафиксированы следы бронзы в пятне органики размерами 2 × 2 см, находившиеся в контакте с кожаным изделием. Можно предположить, что на обувь в верхней части был нанесен узор из тонкой металлической проволоки.

Возле левой берцовой кости каких-либо следов кожаных изделий зафиксировано не было (Там же: 47). По составу вещей погребение датируется не ранее 1340–1350-х гг. (Бельский 2013: 20).

Погребение № 20 открыто на периферийном участке некрополя, на юго-западном склоне холма Калмистомяки. Оно совершено в относительно глубокой могильной яме (–0,65 м от уровня современной поверхности). Следов гробовища не прослежено. Костяк плохой сохранности располагался в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на ЮЗ (азимут 254°). Кости рук скрещены на поясе — кости правой руки под костями левой. Череп с нижней челюстью имел удовлетворительную сохранность. Скелет принадлежал ребенку 10–12 л. В северо-восточной части могильной ямы, в районе берцовых костей были расчищены фрагменты кожаной обуви, расположенные в пятне органики. Обувь сохранилась на костях обеих ног. Вероятно, сохранению кожаных предметов способствовали несколько большая глубина могильной ямы и, возможно, своеобразная консервация сверху сплошным слоем камней. Других артефактов при погребении обнаружено не было (Бельский 2012: 54, рис. 41).

Органические остатки из обоих погребений были взяты монолитами и разобраны в фондах МАЭ. При размыве костей нижних конечностей погребенных, на которых сохранились остатки кожаных предметов, предположительно обуви, отмечено значительное скопление корней травянистых растений, проходящих сквозь толщу частично истлевшей кожи. При очистке кожаных деталей отдельные участки кожи были отделены от основных деталей по причине их полного истления. При этом учитывалась необходимость максимального сохранения первоначальной формы и краев деталей, со швами на них. Можно определенно говорить, что найденные в погребениях № 13 и 20 фрагменты кожаных изделий являются деталями сапог.

Материал

Сырьем для выделки кож, послуживших материалом для пошива сапог, были шкуры домашних животных. Из шкур коз или овец скроены два фрагмента голенищ из погребения № 13, один мелкий фрагмент верхней части голенища из погребения № 20 и прокладка в задник. Из шкур крупного рогатого скота выкроены все другие детали. Показательным образцом можно считать заднюю половину голенища из погребения № 20 (рис. 1, 3), где хорошо видна фактура мерей шкуры. Толщина материала всех найденных фрагментов – 1,0–1,5 мм.

Все детали были продублены в таннидосодержащих органических настоях, о чем говорит темно-коричневый цвет как поверхностей кожи (внутренней и внешней), так и ее глубинных слоев. Можно говорить о качественном дублении, охватывающем все слои кожи. Кроме того, на крупных фрагментах деталей голенищ отчетливо видна вторичная отделка поверхности тиснением «под овсянку» (рис. 1, 2, 3).

Конструкция. Все детали относятся к так называемой «жесткой» конструкции сапог, основными отличиями которой служат: 1) соединение подошвы с верхом швом «в подтай» или потайным и 2) наличие дополнительных внутренних деталей, делающих обувь более плотной и жесткой, качественно предохраняющей стопу от внешних воздействий. Схему конструкции, ее сборки и внешний вид обуви

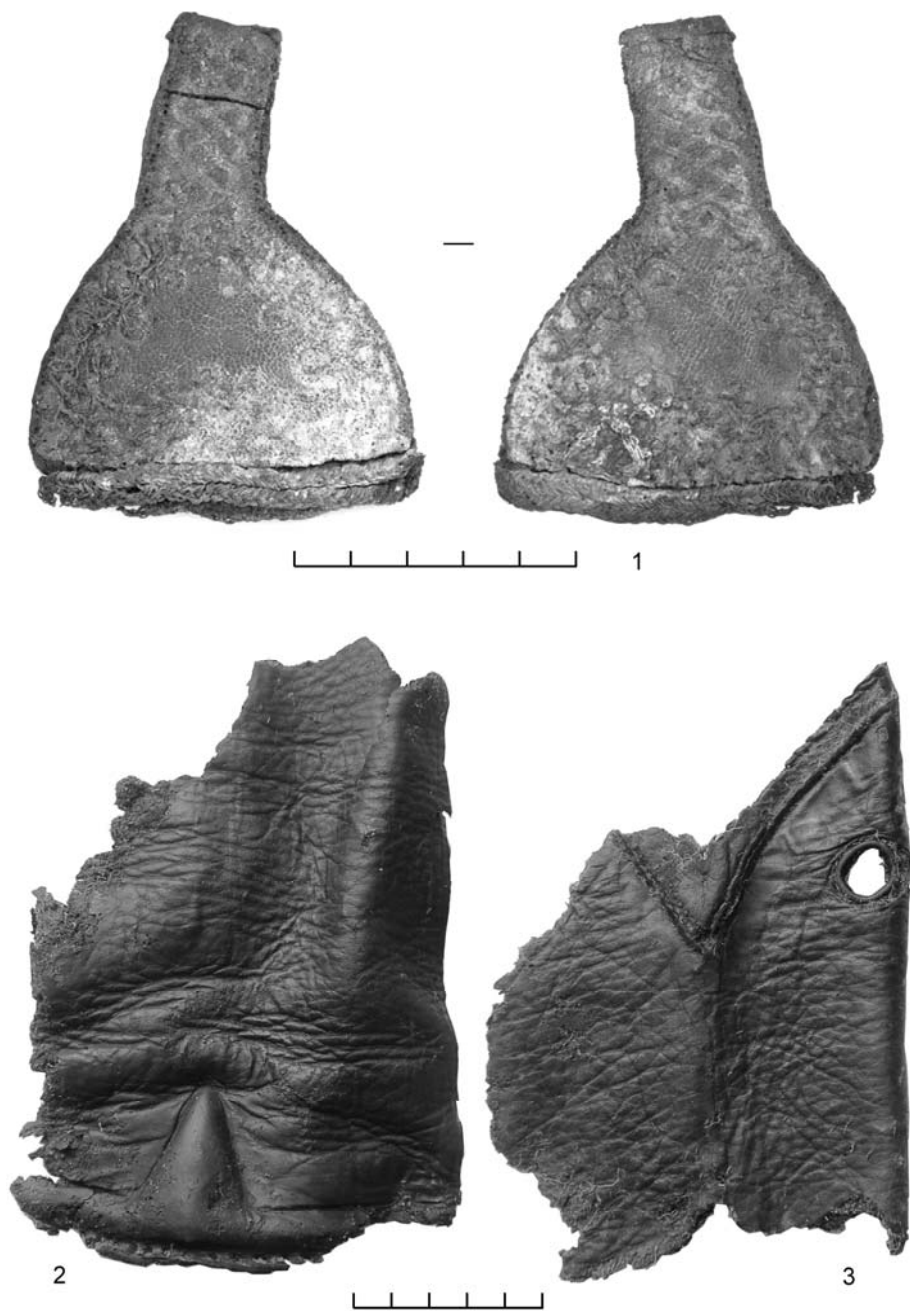

Рис. 1. Могильник Кюлялахти Калмистомяки, кожаные изделия: 1 – погребение № 30, чехол; 2 и 3 – погребение № 20, фрагмент голенища сапога и верхний край задней половины голенища
Fig. 1. Kylälahti Kalmistomäki cemetery, leather articles: 1 – burial 30, case; 2 and 3 – burial 20, boot-top fragment, and the upper edge of the boot-top rear half

можно представить на реконструкциях изделий из Ивангородской крепости, относимых к концу XV–первой половине XVI в. (Курбатов 1991: рис. 1; 2004: рис. 152). В погребении № 20 сохранились фрагменты верхней части головки с полным двучастным поднарядом. На головке, имевшей относительно короткие боковые выступы-крылья, на обресе подъема имеется выраженный заостренный язычок. Поверхность головки покрыта частым поперечным линованием (через 1,5 мм), бывшим в указанное время популярным видом декоративной отделки сапог.

Голенница сапог были относительно низкими, видимо, не доходящими до колена. В отличие от большинства известных конструкций сапог этого времени, изделия в могильнике Кюлялахти не имеют отдельно выкроенных деталей задников. На сохранившихся в погребении № 20 задних деталях голенниц видно, что они кроены в одну деталь с задником. Внешне это выражается в своеобразной выпуклости на внешней стороне голенница (рис. 1, 2). На внутренней стороне этих голенниц сохранились пришитые внутренние детали (карманы), имевшие выраженный язычок посередине верхнего края, а также узкие вставки в них. На одном голеннице там же была пришита дополнительная уплотняющая накладка на карман (рис. 2, б.2). Особенность карманов – их низкие пропорции.

Еще одним характерным признаком сапог является сильный скос верхнего края голенниц от передней к задней стороне голени. Этот край был обшит узкой полоской кожи, частично сохранившейся. В других случаях присутствие обшивки показывают обметочный шов на верхнем обресе голенница и «слепой» шов на мерее, идущий вдоль этого обреза на расстоянии 1–1,5 см. Кроме того, у верхнего края задней половины голенница сохранились круглые вырезы диаметром около 1,5 см, сошитой по краю узкой полосой кожи. Эти вырезы на голенницах служили чисто утилитарным целям – для более удобного натягивания сапог с узкими голенницами на ногу владельца (Курбатов 2012: 164). На голенницах отмечен своеобразный вид декора – узкая (1,5–2 мм) тисненая полоса, проведенная тупым горячим железным инструментом на расстоянии 4–5 мм от боковых обрезов (рис. 2, 1, 3.1, б.1).

Подошва обуви в погребениях не сохранилась, но ее изначальное наличие фиксируют находки мелких железных гвоздей, которые набивались на подошву в районе пятки вдоль края обуви.

Аналогии и датировка

Обнаруженные в погребениях фрагменты сапог, судя по характерным конструктивным признакам, аналогичны сапогам жителей русских городов рубежа XV–XVI вв. Наиболее представительные комплексы, содержащие такую обувь, встречены в Ивангородской крепости и Пскове (Курбатов 1997; 2008). Эти коллекции имеют важное преимущество перед другими собраниями, поскольку позволяют датировать подобные сапоги достаточно ограниченным периодом времени – первой половиной XVI в. Сочетание таких признаков, как низкий карман задника, округлые вырезы в верхней части голенниц, декоративное линование головок, наличие двучастного полного поднаряда, могут служить основанием для отнесения обуви из погребения № 20 к еще более короткому промежутку времени – первой четверти XVI столетия.

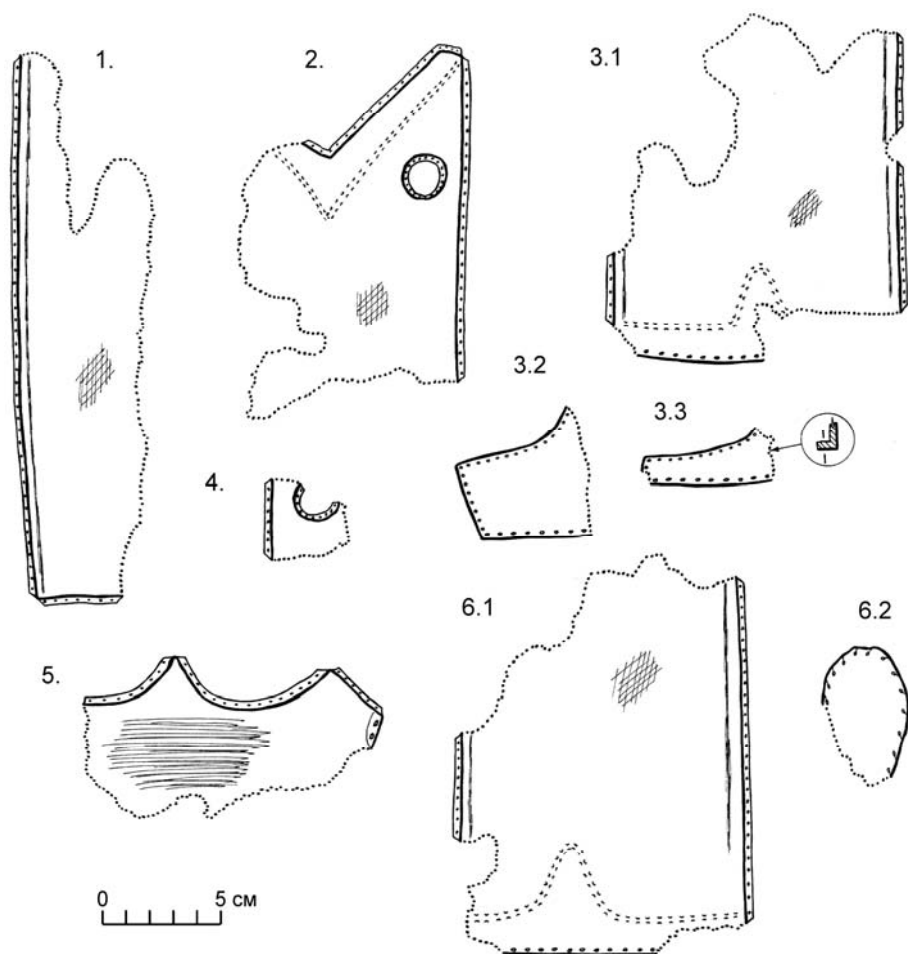

Рис. 2. Могильник Кюлялахти Калмистомяки, погребения № 13 и 20, фрагменты кожаной обуви
 Fig. 2. Kylälähti Kalmistomäki cemetery, burials 13 and 20, leather footwear fragments

Кожанный чехол из погребения № 30

В погребении № 30, которое также было одним из наиболее богатых в исследованном могильнике, встречен комплекс сложносоставной поясной привески, завершавшийся кожаным чехлом (Бельский 2012: 61–63, 158–159). Внутри чехла находился мешочек из ткани саржевого плетения, повторяющий форму чехла. Мешочек был сшит нитью петельчатым швом через край по бокам и снизу и с кожаным чехлом не сшивался. Чехол имеет подтреугольную форму с высокой вытянутой горловиной (рис. 1, 1). Важно отметить, что ни верхнее, ни нижнее отверстия чехла не были сшиты. Каким образом он крепился к кожаному шнуру поясной привески, остается неясным. На поверхности изделия различим тисненый орнамент, что, возможно, свидетельствует о западноевропейском происхождении самого кожевенного материала.

Вдоль краев имеются два ряда сквозных мелких отверстий, видимо, от прошитого соединения. После реставрации выяснилось, что на обратной стороне кожаного предмета сохранились нитки от вышивки и следы серого порошкового вещества. Найденные при расчистке кожаного чехла детали позволяют предположить, что он был вышит бисером или стеклярусом. По его нижнему краю было расчищено украшение в виде двойного нашитого нитяного шнура. Полные аналогии данному изделию не найдены. По форме он наиболее близок находкам чехлов для ложек и ножиц из Новгорода и Твери (Варфоломеева 1999; Матехина 2009а: 17; 2009б: 156 и сл.; Курбатов 2004: 54, рис. 125, 4).

Выводы

Прежде всего, надо отметить необходимость расширения верхней хронологической границы захоронений в могильнике Кюлялахти. Функционирование могильника не ограничивается XV в., а продолжается и позднее. Это обстоятельство представляется чрезвычайно важным в контексте сведений письменных источников, в которых упомянут Кюлялашский погост. Учитывая характер полученных археологических материалов, можно высказать предположение, что исследованный памятник представлял собой кладбище при погостском центре северо-западной периферии Новгородской земли (Бельский 2012: 192). Следовательно, рядом с ним должна была находиться погостская церковь. Вероятно, именно она упомянута в Новгородской I летописи под 1396 г. (НПЛ 2000: 398). В записи говорится о сожжении церкви, но в каком именно из двух погостов – Кюлялашском или Курийокском (будущий Куркийоки/Кроноборг) это случилось, не указывается. В литературе уже было высказано мнение, что церковь была сожжена именно в Кюлялашском погосте (Пулькин и др. 1999: 26). Это мнение основано на том, что в писцовой книге Водской пятины 1500 г. описан Кирияжский Богородицкий погост с церковью Рождества Богородицы (Переписная книга... 1852: 120). В Кюлялахти церковь не упомянута, существует лишь «Кюляласская перевара» с деревнями «Кюлолакша, над лахтою над Кюлолакшскою» и «Харитонов след в Кюлолакше над лахтою» (Там же: 122). Следовательно, в XV в. церковь в Кюлялахти уже не существовала. Но важно отметить, что только в конце XVI в. центр погоста и, соответственно, место церкви переносится на противоположный берег залива Тиуруланселькя. В Переписной книге Кексгольмского лена 1590 г. упомянут «*Diurala Carpell geld*» (История Карелии... 1987: 265). Но и в Переписной книге 1500 г. и в «Обыске» 1571 г. Тиврола (будущая Тиурула) – это деревня (в 1571 г. «волостка») Кулаской (Кюлялашской) перевары (Переписная книга... 1852: 123; Самоквасов 1909). Перевара – это особая территориальная единица в рамках погоста. Ее центром на протяжении XVI в. остается Кюлялахти. Однако при раскопках никаких следов строения, которое могло бы быть интерпретировано как остатки церкви, и вообще следов подобного строения вблизи не обнаружено. Приходится констатировать, что пока церковь в Кюлялахти как археологический объект неизвестна. В любом случае археологические материалы свидетельствуют, что кладбище продолжало функционировать и после сожжения церкви, на протяжении XV–XVI вв., т. е. административный центр остается по-прежнему в Кюлялахти и был перенесен отсюда лишь в конце XVI в.

Детали найденной в погребениях кожаной обуви принадлежали сапогам своеобразной конструкции. Такие сапоги появились в русских городах на рубе-

же XV–XVI вв. и бытовали всю первую половину XVI в. Сочетание ряда конструктивных признаков позволяет относить сапоги из погребения № 20 к первой четверти XVI в.

Погребения в могильнике Кюлялахти, очевидно, принадлежали жителям сельского поселения (или поселений), являвшимся носителями древней карельской культуры, сохранявшей черты этнокультурного своеобразия вплоть до эпохи Московского царства. Здесь можно видеть, в частности, традицию обрядования погребаемых в престижную обыденную обувь, возможно, носимую при жизни.

Бельский 2012 – *Бельский С. В.* Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье: Результаты археологических исследований 2006–2009 гг. СПб.: Наука, 2012. 323 с. (Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 3).

Бельский 2013 – *Бельский С. В.* Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. (Хронология вещевых комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 30 с.

Бельский, Лааксо 2008 – *Бельский С. В., Лааксо В.* Результаты полевых исследований Карельского археологического отряда МАЭ РАН на могильнике Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье в 2007 г. (археологический аспект) // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 178–182.

Бельский, Лааксо 2009а – *Бельский С. В., Лааксо В.* Погребальные комплексы центральной части могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Вып. 2. С. 176–185.

Бельский, Лааксо 2009б – *Бельский С. В., Лааксо В.* Работы на могильнике Кюлялахти Калмистомяки в 2008 г. // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 84–86.

Бельский, Лааксо 2010 – *Бельский С. В., Лааксо В.* Результаты археологических исследований в северном Приладожье в 2009 г. // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 195–199.

Бельский, Лааксо 2011 – *Бельский С. В., Лааксо В.* Результаты работ Приладожской археологической экспедиции на могильнике Кюлялахти Калмистомяки (Лахденпохский район Республики Карелия) // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 201–205.

Варфоломеева 1999 – *Варфоломеева Т. С.* Средневековые кожаные футляры для ложек // ТД и сообщений итоговой науч. конф. 17–18 декабря 1998 г. Новгород: НГОМЗ, 1999. С. 3–5.

История Карелии... 1987 – История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу: Карельский филиал АН СССР, 1987. 625 с.

Курбатов 1991 – *Курбатов А. В.* Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 71–77.

Курбатов 1997 – *Курбатов А. В.* Кожевенное производство в городах северо-запада России в XV–XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997 // РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2-д, д. 575.

Курбатов 2004 – *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.

Курбатов 2008 – *Курбатов А. В.* О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 210–233.

Курбатов 2012 – *Курбатов А. В.* Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // АВ. 2012. № 18. С. 162–173.

Матехина 2009а – *Матехина Т. С.* Кожаные изделия средневекового Новгорода (чехлы, футляры, сумки): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2009. 23 с.

Матехина 2009б – *Матехина Т. С.* Чехлы «в форме ложки» из раскопок в Новгороде // Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. Ч. 1. С. 156–167.

НПЛ 2000 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянских культур, 2000. 720 с. (ПСРЛ. Т. 3).

Переписная книга... 1852 – Переписная книга 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 12. С. 1–188.

Пулькин и др. 1999 – Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV–первая треть XX в). М.: Круглый год, 1999. 206 с.

Самоковасов 1909 – Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М.: Типография Императорского Московского университета, 1909. Т. 2. 628 с.

LEATHER ARTICLES FROM THE BURIALS OF THE KYLÄLAHTI KALMISTOMÄKI CEMETERY (Northwestern Ladoga Lake region)

A. V. Kurbatov, S. V. Belskiy

The paper is devoted to the analysis of leather articles found in the burials of the Kylälahti Kalmistomäki cemetery. It provides a detailed characteristic of both the finds and methods of their conservation, describes the constructive peculiarities of the articles, presents analogies and dates. Fragments of high boots from burials 13 and 20 (fig. 1, 2, 3; 2) appear to be analogous to the archaeological finds from Russian towns dated the turn of the XV/XVI cc. and the first half of the XVI c. The combination of such traits as a low counter-pocket, round cutouts in the upper part of the boot-top, decorative ruling of the heads, and the presence of two-piece vamp lining give grounds to date the shoes from burial 20 to the first quarter of the XVI c. Burial 30, which was among the richest ones in the cemetery, yielded a composite belt pendant with a leather case (fig. 1, 1). Its surface is decorated with embossing, which may testify to the West European origin of the leather itself. The form of this object finds close analogies among the leather cases for spoons and scissors from Novgorod and Tver'. The finds of leather shoes from the burials of Kylälahti Kalmistomäki extend the range of archaeological materials shedding light on the funerary rituals in medieval Russia. The available evidence allows to consider this cemetery a place of the last repose of inhabitants of a rural settlement (or settlements), the people of the ancient Karelian culture which had preserved some of its original traits up to the Moscow Tzardom epoch. Here one can see the tradition of cering the deceased into prestigious footwear, which might have been worn during the lifetime.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОСОБЕННОСТИ ОБРАБОТКИ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ–МЕЗОЛИТЕ ЕВРАЗИИ»

Н. Н. СКАКУН, В. В. ТЕРЁХИНА

В рамках совместного международного проекта «Технология изготовления и функциональное назначение костяных изделий в древних культурах Евразии» при финансовой поддержке РГНФ и Национального центра научных исследований Франции (CNRS)¹ 22–24 октября 2013 г. в г. Курчатова (Россия) была проведена международная конференция «Особенности обработки органических материалов в верхнем палеолите–мезолите Евразии» (2013). Ее организаторами выступили ИИМК РАН, Международный научный центр г. Курчатова «Преистория», Курчатовский государственный краеведческий музей, комиссия по трасологии «А17» UISPP, ИА РАН.

Перед началом конференции на встрече в Москве М. Г. Жилин (ИА РАН) ознакомил коллег с уникальными материалами из его раскопок торфяниковых стоянок мезолитического времени Русской равнины.

Открытие конференции состоялось в большом зале Центра общественной информации Курской АЭС, где международную исследовательскую группу приветствовали директор филиала ОАО «Концерн Росэнергоатом» «Курская атомная станция» В. А. Федюкин, первый заместитель Главы администрации г. Курчатова Р. А. Кузнецова, представитель отдела международных связей РГНФ Я. В. Смирнова, представитель Курчатовского государственного краеведческого музея Н. Б. Ахметгалеева и руководители международного проекта Н. Н. Скакун и А. Авербух. Официальное открытие конференции завершилось экскурсией по залам музея Курской АЭС.

В конференции принял участие коллектив исследователей русско-французского проекта, который был направлен на изучение технологии изготовления и использования костяных изделий в древних культурах европейской части России, Зауралья и Юго-Восточной Франции. К конференции были опубликованы тезисы докладов.

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-21-17003Fr_a.

Отметим, что партнерство с французскими специалистами было обусловлено тем, что сейчас данная проблематика представляет одно из актуальных направлений научных исследований наших археологических школ. Причем в работах французских ученых больший акцент делается на изучение особенностей древних технологий обработки рога и кости, а российские ученые кроме этого аспекта успешно применяют трасологический анализ для изучения способов изготовления и назначения изделий разных археологических периодов.

Основной целью проекта являлось всестороннее исследование различных категорий инвентаря из рога, кости и бивня – орудий труда, оружия, бытовых изделий, украшений, культовых предметов – разных археологических эпох Евразии. Такой широкий временной и территориальный диапазон исследований позволяет проследить эволюцию костяной индустрии и выявить ее значение в разные исторические периоды в разных регионах. Основными направлениями исследований являлись: выработка единой терминологии описания морфологических признаков предметов, анализ технологических приемов обработки сырья с выявлением набора орудий, занятых в этой сфере хозяйственной деятельности, определение назначения и способов употребления исследуемых предметов.

Для получения максимальной информации применялась комплексная методика, включавшая технико-морфологические исследования артефактов, археозоологические наблюдения, трасологический анализ функций, экспериментальные работы, этнографические свидетельства, при этом обязательно учитывался археологический контекст. Все эти направления были отражены в выступлениях участников конференции. Доклады российских ученых основывались на комплексных исследованиях, включающих экспериментально-трасологический анализ костяных орудий и каменной индустрии, связанной с костообработкой.

Н. Б. Ахметгалеева и Ю. Э. Демиденко в докладе «Охотничье метательное вооружение стоянок позднего верхнего палеолита Быки (центр Восточной Европы): совместная встречаемость костяных и кремневых наконечников» высказали предположение о том, что в охотничьем вооружении стоянок Быки при незначительном числе наконечников из кости большую роль играли кремневые треугольные микролиты, являвшиеся, вероятно, наконечниками стрел. Возможно, вид и форма метательного вооружения были обусловлены теми или иными потребностями в орудиях охоты.

А. Авербух в своем выступлении «The bank production by extraction («débitage» by extraction) at the Upper Paleolithic's end: the specific case of reindeer antler's debitage during the Magdalenian occupation of Pincevent, IV20 level, France (Seine at Marne)» рассказала о реконструкции древних способов получения высококачественных стандартных пластинчатых заготовок из определенных частей рога северного оленя.

Оживленное обсуждение вызвали доклады М. Г. Жилина «Получение заготовок для орудий из кости и рога в мезолите лесной зоны Восточной Европы» и «Формы насадов и крепление наконечников стрел в мезолите лесной зоны Восточной Европы», а также доклад С. Н. Савченко «Формы насадов и крепление наконечников стрел в мезолите Урала». В частности, Н. Валдейрон в своем выступлении подчеркнул, что, судя по материалам Западной Европы, изготовление охотничьего вооружения из кости, возможно, было важнее, чем изготов-

ление орудий для домашних промыслов, и, исходя из этого, задал вопрос: «Что сделать легче: орудие из кости или кремня?».

В какой-то степени ответом на это вопрос явился совместный доклад Н. Н. Скакун, М. Г. Жилина и В. В. Терёхиной «Орудия труда для обработки кости и рога по материалам мезолитического поселения Ивановское 7 (экспериментально-трасологические исследования)», основной темой которого явилась характеристика технологических особенностей обработки кости в мезолите.

В другом докладе «История одного мезолитического наконечника из торфяниковой стоянки Центральной России (техничко-трасологический анализ)» тех же авторов на примере изучения одного из уникальных вкладышевых наконечников была продемонстрирована важность применения комплексной методики анализа древних орудий.

Доклад Б. Маркьюбелле «Characterization of the French Mesolithic bone tools: technological and economical study of south and east sites» содержал результаты современных исследований костяных орудий из мезолитических памятников Франции, основанных на широком источниковедческом и технологическом подходе. Это выступление вызвало дискуссию о терминах, употребляемых автором доклада.

Выводы коллективного доклада Н. Валдейрона и Б. Маркьюбелле с интригующим названием «Last hunters or first woodcutter? The question of axes and adzes during European Mesolithic» вызвали много вопросов, так как интерпретация функций костяных орудий была дана на основе анализа макроизноса без привлечения экспериментально-трасологического анализа.

В докладе М. Биарда «Large blades to microliths: example of two sites of the extreme end of the Upper Paleolithic Haute-Normandie (France)» рассматривался материал из двух уникальных стоянок конца верхнего палеолита–начала мезолита Франции. Его своеобразие заключается в одновременном присутствии в коллекциях вкладышей из мелких пластинок и обычных больших регулярных пластин. Доклад палеозоолога С. Бемилли «Synthesis and new data on the fauna of the end of the Late glacial in northern France. Locus 28704 in Alizay Eure, France», исследовавшего костный материал одной из этих стоянок, вызвал большой интерес и оживленную дискуссию из-за выдвинутой гипотезы о причинах отсутствия костяной индустрии в позднем ледниковье Северной Франции.

Н. Валдейрон в совместном докладе с другими французскими коллегами «Le Cuzoul de Gramat (Lot, France): a key sequence for the early Holocene in south-west France» рассказал об одном из самых известных памятников мезолита Франции – Кузул Грама, материалы которого изучаются как археологическими, так и естественно-научными методами.

В завершение конференции М. Г. Жилин и С. Н. Савченко представили интересное, прекрасно иллюстрированное сообщение об экспериментальных работах по изготовлению и использованию реплик костяных наконечников, характерных для мезолита Восточной Европы и Урала. А. Е. Дудин и А. М. Родионов познакомили присутствующих с результатами изучения коллекций обработанной кости из новых раскопок стоянки Костёнки 8 (Тельманская) и из собраний фондов музея-заповедника «Костёнки». Важным моментом обсуждения стала работа над мультязычным археозоологическим словарем терминов, публикация которого запланирована французскими коллегами на 2015 г. В кон-

це работы конференции присутствующие обменялись мнениями о работе международного проекта, приняли решение подготовить совместную публикацию его результатов.

Благодаря тому что последний день конференции был проведен в Курчатовском краеведческом музее, ее участники смогли ознакомиться с археологической выставкой «Древности Курского Атомграда», на которой были представлены и материалы стоянок верхнего палеолита Быки.

Конференция завершилась экскурсией по г. Курску, посещением Курского государственного областного музея археологии, Курской картинной галереи им. А. А. Дейнеки и кафедрального собора Сергия Радонежского и Иконы Божией Матери Казанской.

Все участники встречи в г. Курчатове сердечно благодарят зав. отделом археологии Курчатовского краеведческого музея Н. Б. Ахметгалееву, администрацию музея, администрацию и центр общественной информации Курской АЭС, отдел по культуре при Администрации г. Курчатова за отличную организацию конференции, которая прошла в теплой дружеской атмосфере на высоком научном уровне.

ПРИСУЖДЕНИЕ СТЕПЕНИ ПОЧЕТНОГО ДОКТОРА ИИМК РАН ПРОФЕССОРУ ХИДЭАКИ КИМУРА

С. А. ВАСИЛЬЕВ, С. Н. АСТАХОВ

Профессор Хидэаки Кимура является признанным авторитетом среди специалистов по археологии палеолита Сибири и Японии. Его научная деятельность на протяжении десятилетий была связана с Университетом Саппоро, где он был профессором факультета всеобщего образования, деканом факультета культурологии, деканом аспирантуры, директором библиотеки университета. В настоящее время Х. Кимура занимает пост почетного директора археологического центра «Ширатаки Гео-Парк».

Обширные научные интересы Х. Кимура охватывают практически все аспекты археологии палеолита Северной и Восточной Азии, что нашло отражение во множестве научных публикаций. Начиная с 1980-х гг. он опубликовал более двух десятков статей, освещающих для японского археологического сообщества достижения российского палеолитоведения, уделяя особое внимание опорным памятникам, таким как Костёнки и Мальта.

Особое место в исследованиях Х. Кимура занимает тематика позднепалеолитических памятников с микропластинчатой индустрией. Многолетние исследования отражены в фундаментальной монографии «Исследование палеолитической культуры в Сибири» (1987), двух выпусках книги «Микропластинки в Сибири» (1988; 1999), «Культура наконечников стрел из пластин в Северо-Восточной Азии» (1999).

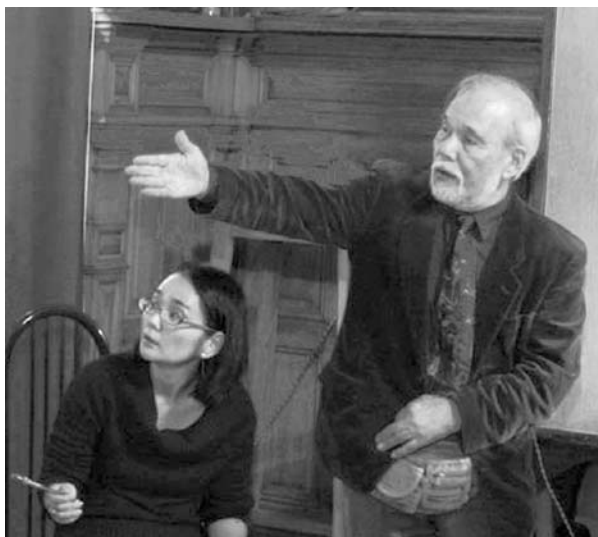

Рис. 1. Профессор Хидэаки Кимура во время доклада на Ученом совете ИИМК РАН
Fig. 1. Professor Hideaki Kimura in the session of the Academic Board of IHMC RAS

В 1992 г. им была организована и проведена представительная международная конференция, посвященная культурам финала плейстоцена–начала голоцена в Северной и Восточной Азии. В ней приняли участие крупнейшие специалисты по каменному веку из России, в том числе сотрудники нашего Института Н. Д. Праслов и С. Н. Астахов. По итогам конференции был издан сборник «Происхождение и распространение микропластинчатых индустрий в Северной Евразии».

Хидэаки Кимура – давний друг российских археологов. Он является активным сторонником проведения совместных исследований опорных памятников как в Японии, так и в России. В 1986–1993 гг. Х. Кимура организовал и успешно провел серию советско-японских полевых проектов, осуществлявшихся на Алтае, о. Сахалин и в Японии (стоянка Ширатаки). Сближению с российскими коллегами во многом способствовали его длительные стажировки в Иркутске, Москве и Санкт-Петербурге. Х. Кимура неоднократно выступал с докладами и лекциями на заседаниях Отдела палеолита нашего Института.

20 ноября 2013 г. на торжественном заседании Ученого совета и Отдела палеолита ИИМК РАН профессору Х. Кимура была присуждена степень Почетного доктора нашего Института. Х. Кимура выступил с докладом «Возможности социальной интерпретации погребений периода позднего дзёмона».

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО ДЗЁМОНА (по материалам памятников Кашиваги В и Каринба в г. Энива, Хоккайдо)

ХИДЭАКИ КИМУРА

В последнее время многие города и деревни о. Хоккайдо добиваются признания стоянок периода дзёмон в качестве объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. В статье рассказывается о культуре дзёмон и о стоянках Кашиваги В и Каринба. Обе эти стоянки находятся на территории г. Энива (рядом с г. Саппоро) на о. Хоккайдо. Раскопки производились под руководством автора, и результаты этих работ получили в Японии большую известность.

Период дзёмон

Начало периода дзёмон принято датировать временем около 15 тыс. л. н., а конец – около 100-х гг. до н. э. Во время раннего дзёмона о. Хоккайдо был соединен с о. Сахалин и материком. Современные очертания Японские острова приобрели около 10 тыс. л. н.

Сегодня Япония окружена морем со всех сторон. Она находится в широком спектре климатических поясов от предполярного до субтропического. Такое положение обеспечило Японии наличие оригинальных и очень разнообразных ландшафтов, а также богатых пищевых ресурсов. Благодаря этому в течение всего периода дзёмон охота, рыболовство и собирательство были основными видами хозяйственной деятельности. Люди культуры дзёмон создавали поселки, от которых сохранились раковинные кучи диаметром около 100 м. В ряде мест прослежены соединения нескольких раковинных куч, в таких случаях длина поселка могла достигать 300 м.

В периоде дзёмон еще не существовало металлических артефактов, свидетельства занятия настоящим земледелием в этот период также неизвестны. Тем не менее люди вели оседлый образ жизни. В этот период появились и активно развивались гончарное производство и производство шлифованных каменных орудий. Иными словами, период дзёмон относится к неолиту в общемировом понимании данного термина.

Одной из наиболее замечательных черт дзёмона, привлекающей внимание специалистов всего мира, является керамика и статуэтки из глины. Гончарное производство культуры дзёмон является древнейшим в мире. Эта керамика декорирована узорами, которые делались оттисками шнура или прокатывания веревки. Само слово «дзёмон» в переводе с японского означает «веревочный» или «шнуровой» орнамент. Стиль этой керамики уникален, он неизвестен нигде, кроме Японии, и при наличии региональных различий развивался непрерывно в течение всего периода дзёмон.

По изменению стиля керамики период дзёмон разделяют сейчас на 6 стадий: стадия формирования, древнейшая стадия, ранняя, средняя, поздняя и позднейшая стадия.

Глиняная посуда древнейшей стадии имела острое дно. На ранней и средней стадии глиняные сосуды увеличивались в размерах. Появились трубчатые сосуды и сосуды в форме пламени. В период между поздней и позднейшей стадиями посуда уменьшилась в размерах, и, кроме того, появились многочисленные формы сосудов, имевших различное назначение: сосуды в форме горшка, включая горшки с широким прямым горлом, сосуды в форме неглубокой миски, сосуды с носиком и т. д. Возраст и регион происхождения конкретного сосуда периода дзёмон определяются по форме, орнаменту и их сочетаниям. Красота и выразительность форм сосудов в виде пламени неизменно привлекают внимание японских и зарубежных специалистов.

Культура дзёмон характеризуется также керамическими статуэтками. Для каждого из периодов культуры известны особые типы статуэток. Считается, что статуэтки имели сакральное назначение – они служили для вознесения молитв, воскрешения жизни и т. д. Существует много статуэток беременных женщин и женщин с детьми. Большинство керамических статуэток полые внутри, они изготовлены способом лепки из глиняных жгутов. Часто встречаются фигурки людей с татуировкой на теле, с украшениями или с предметом, защищающим глаза от солнечных лучей (солнцезащитными очками). Одну из керамических фигурок, благодаря ее пропорциональности, часто называют Афродитой дзёмон.

Раскопки стоянок Кашиваги В и Каринба

Стоянки Кашиваги В¹ (Кимура 1981) и Каринба² (Увая 2003) датируются поздним периодом культуры дзёмон (около 3500–3000 л. н.). Обе стоянки являются поселениями, но они представляют собой также и оригинальные места общественных захоронений. Стоянки расположены на территории г. Энива, в центре о. Хоккайдо.

На стоянке Кашиваги В место общественного погребения называли Кандзё-Дори, что в переводе с японского означает «круглый могильник» (Кимура 1998: 143–148). Данный объект представлял собой круглое углубление диаметром 20 м. В центре этого углубления была вырыта еще одна округлая яма диаметром 14 м и глубиной 40 см. На дне внутреннего углубления находилась 21 могильная яма с остатками захоронений, а вокруг этого углубления – еще 23 могильные ямы. Всего здесь было обнаружено 5 таких общих могильников – намеренно созданных погребальных комплексов.

Круглый могильник № 1. Под пахотным слоем находились большая яма с черным заполнением, надмогильное сооружение в виде большого каменного столба (длина – 2 м, толщина – 40 см) и скопление округлых камней. Дальнейшая расчистка выявила границы верхних частей удлиненных овальных могильных ям (рис. 1, 1).

Выделяется три типа надмогильных сооружений: 1 – каменные столбы; 2 – округлые камни (крупные гальки), расположенные вокруг могильной ямы; 3 – кладка из небольших галек в привходовой части могильной ямы.

¹ 42°52'50" с. ш., 141°32'49" в. д.

² 42°53'21" с. ш., 141°35'36" в. д.

Рис. 1. Стоянка Кашиваги В, г. Энива, Хоккайдо, Япония: 1 – круглый могильник № 1, камни внутри круглого котлована и могильных ям в котловане и вне его; 2 – могильная яма № 1111, округлые камни по периметру могильной ямы, на дне прослеживаются остатки красной краски
 Fig. 1. Kashiwagi B site, town of Eniwa, Hokkaido, Japan: 1 – circular cemetery 1, stones in the circular pit and in graves situated both inside the pit and beyond it; 2 – grave pit 1111. Round stones along the perimeter of the grave pit; seen on the bottom are remains of red paint

На основании различий в конструкциях этих сооружений можно предположить, что общественное кладбище было оставлено тремя различными группами людей.

При разборке заполнения могильных ям выявлены остатки украшений, пятна красной краски, орудия и иной погребальный инвентарь. После этого были расчищены придонные части могил (рис. 1, 2). В одной из могил были обнару-

жены незавершенный каменный топор и нефритовые бусины. Такие бусины происходят из района г. Итоигава (префектура Нигата), о. Хонсю, и попали на Хоккайдо в результате обмена или торговли. К сожалению, кроме отдельных фрагментов зубов, никаких остатков скелетов человека в могилах не сохранилось. В одном из погребений найдена часть зуба, однако определить пол или возраст погребенного по этому фрагменту не удалось.

Встречены захоронения с несколькими погребенными. Обычно голова погребенного ориентирована на северо-запад. Могильные ямы расположены в определенном порядке. В составе погребального инвентаря во многих могилах присутствуют каменные стержни или каменные топоры, что позволяет предполагать мужской пол погребенных. На дне могил, окруженных камнями по верхнему краю, обычно обнаруживается слой ярко-красной краски. В нескольких случаях круглые камни из верхней обкладки находились глубоко в заполнении могильной ямы. В одной из могильных ям, у самого дна, был найден большой каменный стержень длиной 75 см.

Каменные стержни, каменные топоры и ожерелья из нефритовых бус – это наиболее часто встречающиеся в составе инвентаря артефакты. Особое внимание привлекают к себе каменные стержни. Обычно они положены так, будто покойник держит стержень перед грудью, но иногда стержни поставлены вертикально у стены могилы у головы покойного (рис. 2, 1). Длина каменных стержней иногда превышает 1 м. Практически все стержни имеют резьбу на одном или на обоих концах, но повторяющиеся узоры отсутствуют. Это позволяет предположить, что каменные стержни являлись предметами личной (индивидуальной) собственности покойных.

Среди обычных находок на стоянке Кашиваги В каменные стержни или их фрагменты отсутствуют. Мы считаем, что каменные стержни представляли собой предметы мужской собственности и, по всей видимости, указывали на особый статус погребенных и их влиятельное положение в обществе.

Вокруг могильных ям найдены разбитые сосуды в форме миски и в форме горшка с носиком. Вероятно, их разбивали намеренно после похорон. Тип посуды, найденной в погребениях, коррелирует с типами надмогильных сооружений, отражая существование трех групп населения, одна из которых символизировалась миской, другая – горшком, третья – посудой с носиком.

Округлый могильник № 2 расположен рядом с могильником № 1. Он имеет аналогичную конструкцию (рис. 2, 3), но размер и количество могильных ям несколько меньше, чем в первом могильнике. Так же как и в могильнике № 1, здесь присутствуют каменные столбы, расположенные вблизи могильных ям, и большие округлые камни.

Известен район концентрации 30 могильников такого типа несколько меньших размеров. Встречены и очень крупные круглые могильники подобной конструкции. На одном из них по периметру вокруг вала могут разместиться около 200 человек. Раньше это сооружение считали айским укреплением, но после наших раскопок выяснилось, что это округлый могильник периода дзёмон. Из земли, выкопанной из котлована круглой формы, насыпан 5-метровой высоты вал диаметром 75 метров.

Рис. 2. Стоянки Кашиваги В и Каринба (2), г. Энива, Хоккайдо: 1 – могильная яма № 2007, каменные стержни, поставленные у стенки могильной ямы у головы покойного, и топор; 2 – нефритовые и другие бусы и подвески; 3 – круглый могильник № 2 (на переднем плане), расположение могильных ям и надмогильных сооружений

Fig. 2. Kashiwagi B site and Karinba site (2), town of Eniwa, Hokkaido: 1 – grave pit 2007, stone rods put near the grave wall by the head of the deceased, and an axe; 2 – jade and other beads; 3 – circular cemetery 2 (on the foreground), position of grave pits and above-burial constructions

Раскопки стоянки Каринба

Стоянка раскопана частично (Увая, Кимура 2014), здесь обнаружено более 300 могильных ям и несколько жилищ. Особенно важны 4 больших коллективных погребения диаметром 2–3 м. Как и на стоянке Кашиваги В, глиняные сосуды помещены только сверху или вокруг могил. В одной крупной могильной яме было похоронено много усопших. Ввиду того что стоянка была открыта поздней осенью, из-за наступающих морозов продолжать раскопки в поле было сложно. Поэтому, подобно тому, как это было сделано при исследовании погребения из стоянки Сунгирь, мы планомерно вырезали погребения монолитами и целиком перевозили их в лабораторию, где проводили подробное исследование захоронений, стараясь сохранить все *in situ*. Благодаря применению такой методики все желающие могут видеть расчищенные погребения и обнаруженные в них артефакты в музее г. Энива.

Хотя целых скелетов не сохранилось, на дне могильной ямы № 123 по расположению гребней, поясов и браслетов оказалось возможным реконструировать положение тел покойных. На тела умерших были надеты многочисленные краснолакированные³ изделия (головные украшения, бусы, поясные пряжки и т. д.). Из 115 обнаруженных лакированных изделий большая часть (64 предмета) представлена гребнями. Зубья лакированных гребней, сделанные из дерева, находят крайне редко, обычно они не сохраняются. Форма гребней и процесс их изготовления были реконструированы благодаря тому, что лак сохранил форму утраченных деталей этих изделий.

Благодаря наличию в погребальном инвентаре большого количества лакированных изделий стало возможным лучше понять погребальный обряд, установить число погребенных, а также реконструировать детали их одежды. В могилах находились не только украшения, надетые на тело покойников, но и просто положенные рядом. Типичное расположение украшений на голове покойника см. на рис. 3 (цв. вклейка). Кроме лакированных изделий в могилах обнаружены пояса, браслеты и ожерелья из янтарных бусин. Встречено также небольшое количество изделий из черного лака. В могильной яме № 118 были найдены краснотерракотовый предмет со сложной ажурной резьбой и браслеты из черного лака, а гребни из могильной ямы № 119 находились рядом с трупом и были сложены друг на друга.

В описываемом могильнике достаточно часто встречаются одновременные захоронения нескольких человек. Даже сейчас на снежном о. Хоккайдо захоро-

---

³ Долгое время считалось, что технология лакирования была изобретена в Китае и впоследствии заимствована японцами. Однако по результатам последних исследований удалось доказать ее несомненное происхождение в раннем периоде дзёмон на Японских островах около 8000 л. н. Кроме того, технические достижения искусства нанесения лака в древности попросту «взрывают» современные представления о возможностях этой технологии. В современном понимании лак необходимо наносить только на твердую поверхность. Однако среди находок из стоянки Каринба немало таких, где лак нанесен и на относительно мягкие поверхности, такие как тканевый браслет, тканевые нашейные украшения, пояса, и даже на нитки. Таким образом, прослеживается необычайно широкое применение технологии нанесения лака. Кроме украшений и поясов красный лак наносили на керамику, а толстый слой красного лакового покрытия, нанесенный на плетеную корзину, превратил корзину в сосуд. Особо интересен лак, нанесенный на тоненькую нитку. Всего на о. Хоккайдо найдено 257 лакированных изделий, при этом примерно половина их происходит со стоянки Каринба.

нить тело умершего зимой практически невозможно, а 3000 л. н. климат был холоднее. Скорее всего, всех умерших в зимнее время людей хоронили вместе весной. Возможно, однако, что одновременные коллективные захоронения – это могилы умерших в результате эпидемии.

Судя по лакированным украшениям, можно полагать, что все открытые раскопками погребения принадлежали женщинам. Не исключено, что покойницы были шаманками (большое количество украшений) и теми, кто вольно или невольно последовал за ними в загробный мир. Среди украшений встречены нефритовые бусы, нанизанные на несколько нитей (рис. 2, 2), а также головное украшение из зубов акулы.

Некоторые итоги

По результатам исследования стоянок Кашиваги В и Каринба можно предположить, что система общества с доминированием мужчин в какой-то момент развития общества дзёмон сменилась обществом, в котором женский шаманизм стал играть гораздо более значительную роль (Кимура 2003). Совершенно очевидно, что общество периода дзёмон не было закрытым, так как редкие ценные вещи привозили на Хоккайдо издалека, хотя сама культура дзёмон никогда не распространялась далее Японских островов. На стоянках дзёмон найдены многочисленные свидетельства импорта вещей из очень далеких регионов: украшение из плоских бусин, сделанных из раковин, происходящих из озера Байкал; браслет из раковин южных морей; янтарные бусины, которые привозили с Сахалина или с материка. Обнаружены также украшения для ушей, например, керамические и нефритовые серьги. Нефритовые украшения доставлялись, вероятно, из Сибири и с Дальнего Востока. Способ ношения керамических серег, показанный на одной из глиняных скульптур, вполне соответствует их положению в могилах. Широкое распространение татуировок и макияжа демонстрируют глиняные маски.

Кимура 1981 – Кимура Х. (ред.) Стоянка Кашиваги В: Отчет о полевых исследованиях 1981 г. Энива, Хоккайдо: Совет по делам образования, 1981. 472 с.

Кимура 1998 – Кимура Х. Круглый могильник // Справочник по археологическим исследованиям. Токио: Изд-во Юзанкаку, 1998. 1. С. 143–148.

Кимура 2003 – Кимура Х. От стоянки Кашиваги В к стоянке Каринба 3 – изменение конструкции могильников и погребального инвентаря от позднего к позднему периоду дзёмон // Увая Ш. (ред.) Стоянка Каринба 3 (1): Отчет о полевых исследованиях 2003 г. Энива, Хоккайдо: Совет по делам образования, 2003. С. 331–339.

Увая 2003 – Увая Ш. (ред.) Стоянка Каринба 3 (1): Отчет о полевых исследованиях 2003 г. Энива, Хоккайдо: Совет по делам образования, 2003. 485 с.

Увая, Кимура 2014 – Увая Ш., Кимура Х. Большой общественный могильник и стиль погребения на стоянке Каринба, г. Энива, о. Хоккайдо // Археологические исследования. Общество по археологическим исследованиям, 2014. 60 (4). С. 1–20 (в печати).

SOCIAL INTERPRETATION OF THE LATE JOMON CEMETERIES
(with particular reference to the Kashiwagi B and Karinba sites
at the town of Eniwa, Hokkaido, Japan)

Hideaki Kimura

The Jomon culture was formed ca. 15.000 years ago and flourished all through more than 10.000 years in Japanese archipelago. It is characterized by original pottery and polished stone tools and thought to correspond to the Neolithic period of the global sequence. The Jomon economy was based on hunting, gathering and fishing, and there are some really big villages and shell mounds, some of which exceed 100 m in diameter. The paper deals mainly with two sites situated on Hokkaido Island: Kashiwagi B (42°52'50"N, 141°32'49"E) and Karinba (42°53'21"N, 141°35'36"E), both dated to the Late Jomon period, ca. 3500–3000 years ago. At Kashiwagi B a big circular communal cemetery named "Kanjyodori", about 20 m in diameter, was unearthed. It consisted of the main pit with 21 graves within it, with 23 more burials located around this pit. While almost no bones are preserved, the grave goods are numerous and rich. In particular, they include stone clubs and axes. The Karinba site yielded over 300 burials and several dwellings. Of special note are 4 big multiple burials containing 115 lacquered items (including 64 combs), as well as head adornments, necklaces, beads, etc.

**РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА
И ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ИИМК РАН,
ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ
Е. Г. КАСТАНАЯН (1910–1991)**

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, С. В. КАШАЕВ

15 января 2014 г. в Дубовом зале ИИМК РАН состоялось расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры Института, посвященное памяти Елизаветы Григорьевны Кастанаян. Заседание было приурочено ко дню ее рождения и 60-летию начала исследования городища Порфмий. На заседании присутствовали сотрудники ИИМК РАН, Государственного Русского музея (ГРМ), Государственного Эрмитажа (ГЭ) и участники работ Порфмийской экспедиции разных лет.

Елизавета Григорьевна Кастанаян отдала ГАИМК/ИИМК РАН более 50 лет своей жизни (1932–1986 гг.). Здесь она успешно защитила кандидатскую диссертацию, посвященную лепной керамике боспорских городов, а в 1975–1979 и 1982–1986 гг. возглавляла Группу античной археологии. Основной сферой ее научных интересов были античная культура Северного Причерноморья, история Боспорского царства, боспорские некрополи, лепная керамика и городище Порфмий.¹

На заседании была представлена серия научных докладов и сообщений, посвященных воспоминаниям о Е. Г. Кастанаян и различным аспектам античной археологии. Открыл заседание зам. директора ИИМК РАН О. И. Богуславский, который приветствовал собравшихся и произнес вступительное слово.

Первой выступила М. Ю. Вахтина (ИИМК РАН), которая с 1986 г., став начальником Порфмийского отряда Боспорской экспедиции, продолжила дело Елизаветы Григорьевны. Она рассказала об основных этапах жизни Е. Г. Кастанаян и поделилась своими воспоминаниями о ней. Кроме того, в докладе была дана краткая, но впечатляющая характеристика основных результатов и достижений в археологическом изучении Порфмия при жизни Е. Г. Кастанаян и после ее ухода.

А. Е. Терещенко (ГРМ) выступил с сообщением «Типология и хронология синдской чеканки». Он высказал свою точку зрения на происхождение встречающихся на Боспоре монет с надписью ΣΙΝΔΟΝ и источники использовавшегося для них монетного металла, выделил и датировал несколько серий чеканки и обосновал прослеживающиеся изменения основных реверсных типов сменой правящих родов в династии синдских царей.

И. Ю. Шауб (ИИМК РАН) поделился своими воспоминаниями о Елизавете Григорьевне и совместной работе с ней в экспедиции, а затем сделал сообщение «О семантике прялки из погребения “царицы“ в кургане Куль-Оба», где основное внимание было уделено сложной символике и роли этого предмета в погребальном обряде.

---

¹ Подробнее о Е. Г. Кастанаян см. Виноградов 2008.

Сообщение Ю. А. Виноградова (ИИМК РАН) «Маленький этюд из истории Боспорской археологии» было посвящено взаимоотношениям археологов, работавших на Боспоре в XIX в., и местных жителей, в руки которых попадали различные древности. Акцент был сделан на действиях администрации г. Керчи, направленных на предотвращение разграбления археологических памятников, и попытках обязать население передавать случайно обнаруженные древности в музей, стимулируя это материальной заинтересованностью.

В сообщении «Некрополь поселения Вестник-1» С. В. Кашаев (ИИМК РАН) рассказал о работах на памятнике Вестник-1 (Анапский р-н Краснодарского края). Кратко осветив результаты работ на поселении, он более подробно остановился на итогах раскопок расположенного рядом некрополя. При этом было отмечено, что на поселении, исследованном в 2010–2012 гг., были открыты прекрасные образцы греческой архитектуры V–IV вв. до н. э., в то время как расположенный поблизости некрополь принадлежал, скорее всего, варварскому населению.

С докладом «Лепная керамика поселения Чатыр-Даг в Восточном Крыму» выступил О. В. Шаров (ИИМК РАН). Он рассмотрел серию открытых на этом памятнике лепных сосудов, уточнил их хронологию, типологию и предложил историческую интерпретацию находок.

М. К. Чекунов (ГЭ) представил сообщение «Современные методы ДНК-типирования в археологии Северного Причерноморья». Оно было посвящено новейшим исследованиям в области выделения и исследования ДНК человека из образцов, полученных при раскопках памятников археологии, прежде всего некрополей. Данная методика позволяет определять этническую принадлежность исследуемого индивида, его происхождение, предрасположенность к заболеваниям и дает обширную дополнительную информацию.

Последним выступил В. А. Горончаровский, который сделал доклад на тему: «Акротири – поселение эпохи бронзы на о. Санторин», посвященный уникальному археологическому памятнику, погибшему в результате извержения вулкана. Это своеобразные «Помпеи» бронзового века, раскопки которых велись на протяжении 40 лет, сначала С. Маринатосом (1967–1974), а затем Х. Думасом, и дали весьма существенные результаты. В общей сложности на территории поселения к настоящему времени вскрыто 1,4 га при сохранности строительных комплексов на высоту до трех этажей. Эта археологическая зона находится внутри специального музейного здания с детально продуманной системой освещения и вентиляции. Особое внимание в докладе было уделено обнаруженным замечательным по своей сохранности фрескам и проблеме датировки гибели поселения, которое согласно последним исследованиям прекратило существование в период между 1627 и 1613 гг. до н. э.

По результатам заседания было принято постановление-рекомендация опубликовать прозвучавшие в этот день доклады и сообщения в одном из выпусков «Записок ИИМК».

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА И ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ИИМК РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ Е. И. ЛЕВИ (1903–1996)

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, С. В. КАШАЕВ

21 февраля 2014 г. в Дубовом зале Института истории материальной культуры РАН состоялась расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК, посвященное памяти Елены Ивановны Леви. В работе заседания приняли участие сотрудники Отдела античного мира Государственного Эрмитажа (ГЭ).

Елена Ивановна Леви – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдела ГАИМК/ЛОИА/ИИМК РАН более 60 лет своей жизни. Она начала свою научную деятельность здесь в 1926 г. как ученица Б. В. Фармаковского (1870–1928). Продолжая дело всей его жизни, она много лет участвовала в раскопках одного из крупнейших греческих полисов Северного Причерноморья – Ольвии. Неудивительно, что в сферу научных интересов Елены Ивановны входили прежде всего проблемы, связанные с изучением жилых домов и виноделен Ольвии, и шире – техники строительного дела древней Греции. Отметим также ряд работ Е. И. Леви, посвященных эпиграфике Ольвии и Херсонеса, античной колонизации Южного Причерноморья, и, в частности, ранней истории Гераклеи Понтийской.

На заседании были представлены главным образом сообщения, посвященные воспоминаниям о Е. И. Леви. Вступительное слово произнес директор ИИМК РАН чл.-корр. РАН Е. Н. Носов, который приветствовал собравшихся и особо подчеркнул важность таких заседаний, посвященных памяти коллег, много сделавших для нашей науки.

Ю. А. Виноградов (ИИМК РАН) выступил с сообщением «Е. И. Леви – по поводу пропущенного юбилея», где подробно рассказал о различных этапах жизни Елены Ивановны: становлении ее как ученого, полевой и научной деятельности, дополнив это своими воспоминаниями.¹ В докладе была дана характеристика впечатляющих результатов и достижений полевых археологических работ Е. И. Леви в Ольвии, итоги которых были подведены в монографии «Ольвия: город эпохи эллинизма» (Л.: Наука, 1985).

Д. Е. Чистов (ГЭ) в докладе «Новые данные о Березанском поселении классического периода» обобщил имеющиеся сведения о комплексах V в. до н. э., исследованных на о. Березань, в этот период входившем в состав Ольвийского полиса. Рассматривались группа землянок различной конструкции, многокомнатный дом, включавший в себя как наземные постройки, так и подвальные помещения, а также серия хозяйственных ям. Эти объекты открыты в последние десятилетия на раскопах в северо-западной части острова. Был сделан вывод о том, что опустевшая в начале V в. до н. э. территория поселения была вновь

---

¹ Доклад Ю. А. Виноградова публикуется ниже, см. с. 186–195.

Елена Ивановна Леви

заселена через очень короткое время. При этом облик поселения значительно отличался от прежнего. Особенностью классического периода на Березани становится возврат к традиции земляночного домостроительства, казалось бы, к этому времени почти забытой.

К сожалению, из-за болезни К. К. Марченко (ИИМК РАН) не состоялся его доклад «Вспоминая о Е. И. Леви».

После завершения научной части на дружеском чаепитии в помещении Отдела истории античной культуры сотрудники ИИМК РАН продолжили неформальные воспоминания о Е. И. Леви.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ЛЕВИ (1903–1996)
(по поводу 110-й годовщины со дня рождения)

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

В мае 2013 г. исполнилось 110 лет со дня рождения Е. И. Леви. В силу целого ряда обстоятельств празднование юбилея в нашем Институте состоялось с небольшим опозданием, но отраднo, что оно все-таки состоялось.

Елене Ивановне Леви в истории отечественной античной археологии принадлежит особая роль. Специалистка, вышедшая из школы Б. В. Фармаковского и почти всю свою жизнь отдавшая изучению Ольвии, она стала классиком еще при жизни. Неудивительно, что по случаю ее 60-летия была опубликована статья в «Советской археологии», и автором этой статьи была сама Марья Ивановна Максимова (Максимова 1964). Но так уж получилось, что после смерти Елену Ивановну не удостоили даже некролога, и многие молодые антиковеды, как я думаю, вынуждены гадать, когда же ушла из жизни эта преданная служительница науки. Сразу скажу, случилось это 1 апреля 1996 г.

Е. И. Леви прожила долгую, очень непростую, порой трагичную, но по-настоящему достойную жизнь. Она родилась в г. Петрозаводске 21 мая (8 мая по старому стилю) 1903 г. Ее отец, Иван Иванович Леви, был евреем, принявшим православие. Он получил юридическое образование и служил адвокатом, присяжным поверенным. Мать, Леви (Румянцева) Любовь Ивановна, занималась домашним хозяйством и воспитывала детей. Семья была большой, у Елены Ивановны было два брата (Михаил и Иван) и две сестры (Татьяна и Нина). Вполне буржуазная семья владела деревянным домом, который был продан Петрозаводскому горсовету лишь в 1927 г.

В родном Петрозаводске в 1914 г. девочка поступила в Мариинскую женскую гимназию. Весной 1919 г. семья переехала в г. Петроград, и осенью того же года Елена Ивановна была принята в 101-ю Советскую школу (бывш. Стоюнинская гимназия). Получив среднее образование, Е. И. Леви осенью 1921 г. поступила в Петроградский университет на факультет Общественных наук (бывш. Литературно-Художественное отделение). Система гуманитарного образования, как известно, в то время менялась очень часто. Студентка проходила обучение по музейному циклу, избрав предметом своей специализации античное искусство. Закончив обучение в 1924 г., Елена Ивановна в 1925 г. была принята в ГАИМК, в Разряд греко-римского искусства.

Б. В. Фармаковский, возглавлявший этот разряд, 14 июля 1926 г. дал ей следующую характеристику: «Е. И. Леви во время прохождения курса в университете работала в моих семинариях по разбору памятников греческого декоративного стиля (рельефа) и по материальной культуре этрусков. Обнаруживая способность наблюдения форм искусства и понимания фактуры художественных произведений, Леви приобрела уже в Университете знакомство с материалом, представляемым сохранившимися памятниками античного мира, и с методами его научного исследования. По окончании университета Леви уже второй год

работает в Академии И. М. К. в качестве практикантки при Разряде греко-римского искусства, исполняя описания фрагментов архитектуры из Ольвии в целях издания полного свода ольвийских древностей, представляющего ныне заслугу коллективной работы Разряда греко-римского искусства. Леви составлено описание более 100 памятников архитектуры из Ольвии и сделаны их рисовки под руководством арх.-худ. Е. И. Катонина, научного сотрудника Разряда. Ведя описание памятников архитектуры из Ольвии, Леви вошла в исследовательскую работу античной архитектуры вообще. Описание ольвийского материала невозможно без научного исследования каждого обломка, их стиля и времени возникновения. Было бы желательно, зачислив Е. И. Леви аспирантом Академии И. М. К. по специальности истории материальной культуры античного мира, дать ей возможность продолжить и углубить занятия по античному искусству, уже показавшие, что Леви может работать в этой области с успехом» (НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 3, д. 359, л. 8).

Другая характеристика, датированная тем же самым днем, была написана знаменитым византиеведом Д. В. Айналовым: «Леви Елена Ивановна работала у меня с большим старанием и очень продуктивно в продолжение двух с половиной лет, слушала лекции по истории русского искусства и эпохи возрождения. Выполненные ею работы в семинарии были тщательно выработаны и обнаруживали не только личную инициативу в выборе предмета исследования, но и особенную остроту к чувству формы и ее перерождения. Выполненные ею работы: 1) “Церковь в селе Кижках”; 2) “Композиция оплакивания тела после снятия с креста Джотто”; обе заслужили высшую отметку, и представляли обе почти лучшие работы семинария по русскому искусству и возрождению» (Там же, л. 9).

Казалось бы, перед молодой девушкой открывается широкая и светлая дорога, но в жизни многое происходит очень не просто. Средств на жизнь явно не хватало, и в своей биографии 1937 г. Е. И. Леви пишет, что в 1926–1927 гг. вынуждена была работать практиканткой в Музее Академии художеств, а в 1928 г., получив квалификацию библиотекаря после восьмимесячной практики и испытаний, поступила на службу в Центральную библиотеку Политпросвета. Библиотека была оставлена лишь в декабре 1929 г., когда Елену Ивановну приняли в штат ГАИМК на должность научно-технического сотрудника (можно сказать, лаборанта) Разряда колоний Северного Причерноморья. Таким образом, непрерывно в ГАИМК Е. И. Леви работала с 1929 г. (НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 182, л. 19).

В 1932 г. она была переведена в младшие научные сотрудники, но все равно в 1933 г. уже 30-летняя женщина по материальным соображениям была вынуждена подрабатывать в библиотеке Комбината промкооперации им. Молотова, и эта подработка, по ее собственным словам, мешала научной деятельности (Там же, л. 20).

Несмотря на все сложности и материальные затруднения, Елена Ивановна стала регулярно выезжать в экспедиции ГАИМК, и первая ее экспедиция, естественно, была в Ольвию. Все ветераны Института утверждают, что это случилось в 1926 г., хотя участие Е. И. Леви в Ольвийской экспедиции документально засвидетельствовано только с 1928 г. Как известно, 1928 г. в истории античной археологии имеет особое значение – это год смерти Б. В. Фармаковского (Кара-

сев, Леви 1976: 22). Перемены в руководстве Ольвийской экспедиции начали происходить еще годом раньше, когда по причине болезни мэтра во главе ее был поставлен Ученый совет, состоявший, в основном, из представителей Украины. От России в нем был представлен всего один человек – адъюнкт И. И. Мещанинов (Виноградов 2009: 14). Надо признать, что об этом человеке Елена Ивановна сохранила колоритнейшие воспоминания.

Почти нет сомнения, что изучение ольвийских древностей сразу и навсегда захватило Е. И. Леви, стало смыслом ее жизни, но производственная необходимость требовала от молодой сотрудницы участия и в других, как бы сейчас сказали, полевых проектах. В 1931 г. все научные силы были брошены на раскопки Таманского городища, и молодая исследовательница, конечно, среди них (Там же: 30). В 1934 г. Боспорская (тогда Керченская) экспедиция начала масштабные раскопки на Мирмекии. Елена Ивановна была их активной участницей, и большая статья трех авторов, вышедшая по результатам этих работ (Гайдукевич и др. 1941), стала фундаментом для будущего изучения городища, поскольку в ней даны материалы, относящиеся ко всем этапам жизни поселения – от архаики до средневековья. Справедливости ради надо сказать, что первая крупная печатная работа Е. И. Леви все-таки была посвящена ольвийским материалам – греческой привозной керамике из раскопок Ольвии (Леви 1940). Чрезвычайно интересна также ее публикация головки терракотовой статуэтки, которую исследовательница датировала первой половиной VI в. до н. э. (Леви 1941: 316). В то время самые ранние материалы, обнаруженные на городище, относились к второй половине этого столетия. В связи с этим Е. И. Леви высказала надежду, что со временем здесь будут открыты остатки самого раннего греческого поселения (Там же), что полностью подтвердилось несколькими десятилетиями позднее (Леви 1972: 52; Буйских 2013: 220 сл.).

Елена Ивановна не участвовала в революционном движении (тогда это надо было отмечать в анкетах), не была ни комсомолкой, ни членом партии коммунистов. Однако, знакомясь с архивными материалами тех времен, невольно представляешь ее, так сказать, «в белой кофточке и красной косыночке», какой-то «комсомольский задор» ощущается почти реально. Имя Е. И. Леви стояло первым в списке ударников Сектора античного общества (Виноградов 2009: 18). Динамизм тех лет, география археологических раскопок (от Тамани до Южного Буга), грандиозность задач, которые исследователи ставили перед собой, несмотря на все общеизвестные негативные обстоятельства (я, конечно, ни в коем случае не идеализирую сталинскую эпоху!), производят сильное впечатление. Не знаю, может быть, это впечатление ошибочно.

В 1935 г. она вышла замуж, связав всю свою жизнь с человеком очень ярким и очень интересным – Александром Николаевичем Карасевым (о нем см. Некролог... 1975). Этот семейный и научный тандем для античной археологии нашей страны сделал чрезвычайно много, невероятно много. Это был не просто союз двух ученых, двух личностей, а некое единое целое. В это трудно поверить, но среди архивных документов имеются характеристики, написанные сразу на двоих – А. Н. Карасева и Е. И. Леви (НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 357, л. 41, 42).

В том же 1935 г. Е. И. Леви начинает серьезно задумываться о защите диссертации. Она обращается в руководство ГАИМК с просьбой заменить ее то-

гдашнюю плановую тему «Фанагория» на другую – «Античная колонизация Южного Причерноморья». По этой теме, т. е. по проблеме колонизации, она трудилась в 1934 г., выступила с соответствующим докладом на Кафедре античных колоний Причерноморья, после чего руководитель кафедры С. А. Жебелев высказал пожелание, чтобы эта работа в расширенном виде послужила диссертацией для получения степени кандидата исторических наук. С. А. Жебелев по этому вопросу обратился с письмом в Президиум ГАИМК: «Е. И. Леви делала на одном из заседаний кафедры античных колоний Причерноморья очень обстоятельный доклад на тему “Античная колонизация Южного Причерноморья”. Казалось бы очень желательным и целесообразным, чтобы этот доклад в разработанном и расширенном виде послужил темой для кандидатской диссертации Е. И. Леви. Если Президиуму ГАИМК будет угодно согласиться с этим моим мнением, то не сочтет ли Президиум возможным разрешить Е. И. Леви заменить значащуюся в ее плане тему “Фанагория” темой “Античная колонизация Южного Причерноморья”. Тема эта в печатном виде займет 3–4 листа и может быть обработана в течение года, т. е. к 15 апреля 1936 г.» (Там же, д. 182, л. 6). Просьба была удовлетворена, и работа по теме пошла своим чередом, но в 1936 г. она не была завершена, как это предполагал С. А. Жебелев. Даже в 1937 г. диссертационное исследование все еще не было закончено (Там же, л. 9). Тем не менее в том же 1937 г. Е. И. Леви была переведена на должность и. о. старшего научного сотрудника, т. е. по сути она оставалась младшим научным сотрудником, но как бы считалась старшим.

А дальше наступили суровые времена..., и в 1940 г. наша героиня попала под суд. Документов о данном обстоятельстве немного, но они очень красноречивы; приказ по Институту, подписанный М. И. Артамоновым 19 сентября 1940 г., гласит: «Мл. науч. сотр. ИИМК Леви Е. И., опоздавшую 19.09. с. г. на работу на 2 часа, считать совершившей прогул. Дело передать в Народный суд» (Там же, л. 22).

Основанием для такого решения, конечно, стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1940 г. об ужесточении трудовой дисциплины в связи с разразившейся в Европе войной. С дисциплиной, конечно, все понятно, но вопрос в ином – мог ли директор Института в условиях того времени войти в положение женщины, имевшей маленького ребенка (Виталий Карасев родился в 1939 г.), и ограничиться, скажем, устным выговором. Дело, однако, было направлено в Нарсуд 1-го участка Василеостровского р-на. О решении суда документов не имеется, но ясно, что Елена Ивановна понесла наказание. Это видно хотя бы из того, что в более поздних документах она уже именуется не и. о. старшего научного сотрудника, а старшим лаборантом. На прежнюю должность она была переведена временно, при этом с прежним, т. е. лаборантским, окладом лишь 16 мая 1943 г. (Там же, л. 32). Это уже было в годы войны – великой и кровавой...

20 августа 1941 г. Е. И. Леви вместе с другими сотрудниками была уволена из Института в связи с планирующейся эвакуацией (Там же, л. 26). Эвакуация, как многие знают, тогда не состоялась, приказ об увольнении был отменен, и нашим несчастным коллегам пришлось испить сполна всю чашу блокадных мук.

Сохранилась история (ее я неоднократно слышал) о том, что от голода особенно сильно страдал А. Н. Карасев, у него даже пропал глотательный рефлекс,

иными словами, он был обречен. Елена Ивановна, имевшая на руках маленького ребенка, спасла своего мужа. На «черном рынке» она обменяла какую-то золотую вещицу на плитку шоколада. Сосать Александр Николаевич мог и таким образом постепенно пришел в себя. Почти чудом кажется и то, что выжил сын...

К настоящей эвакуации стали готовиться только летом 1942 г. По этому поводу в «Личном деле» имеется справка для предоставления начальнику Эвакопункта от 22 июня 1942 г. о том, что Институт не возражает против эвакуации Е. И. Леви из Ленинграда (Там же, л. 30). Из города Елена Ивановна была вывезена вместе с мужем А. Н. Карасевым и двухлетним сыном Витей в конце июня 1942 г., далее с эшелонном Академии наук она отправилась в Казань и в апреле 1943 г. присоединилась к Ташкентской группе ИИМК (Там же, л. 31).

Нетрудно заметить, что между июнем 1942 г. и апрелем 1943 г. имеется немалый временной разрыв. Вряд ли его стоит объяснять медленностью движения пассажирских поездов в то время. Причину задержки объясняет небольшая записка, имеющаяся в личном деле А. Н. Карасева: «Проездом в Ташкент остановился у брата в Комсомольске Саратовской обл. Вследствие задержки в получении документов на дальнейшее следование в Ташкент жил в Комсомольске до апреля 1943 г. С X.42 по IV.43 г. работал в Комсомольской средней школе директором, преподавал историю» (Там же, ф. 2, оп. 3, д. 359, л. 19).

Ясно, что Александр Николаевич остановился в Комсомольске не один, а со всей семьей. Что там делала Елена Ивановна, нам неизвестно, возможно, тоже преподавала в школе. Комсомольск они покинули в апреле 1943 г. Именно в этом месяце, как уже говорилось, оба исследователя присоединились к Ташкентской группе ИИМК.

После победного завершения войны Е. И. Леви вместе с другими сотрудниками Института вернулась в Ленинград и уже с 16 мая 1945 г. считалась приступившей к исполнению своих обязанностей (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 182, л. 33). В 1946 г. Елена Ивановна была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Да, за труд и великие страдания она ее заслужила! Показательно, что в том же 1946 г. Е. И. Леви выехала в первую послевоенную Ольвийскую экспедицию (Там же, л. 39), а перед этим (в январе месяце) защитила кандидатскую диссертацию, но об этом чуть позднее.

Сейчас же хочется обратить внимание на иное, но, надо думать, чрезвычайно характерное для послевоенной ленинградской жизни обстоятельство. В «Личном деле» А. Н. Карасева имеется копия обращения в советские органы, которое датировано 16 апреля 1945 г.: «Дирекция ЛОИИМК АН ССР просит оказать содействие в охране имущества научных сотрудников Института А. Н. Карасева и Е. И. Леви, находящегося в возвращенной им по суду комнате в кв. 1 в д. № 5 по ул. Рубинштейна. Помимо хозяйственных вещей в комнате остались в момент их эвакуации в июне 1942 г. научные материалы: рукописи, чертежи, альбомы, фотодокументы и специальное имущество, представляющее большую научную ценность и необходимое для их текущей работы» (Там же, д. 357, л. 35).

Нетрудно понять, что на эту комнату претендовали другие жильцы, из-за нее, вероятно, началась настоящая война квартирного масштаба. Елена Ивановна и Александр Николаевич в этой войне, увы, потерпели поражение. Вскоре было получено разъяснение, что реэвакуированным никаких гарантий возвра-

шения жилплощади дано не было (Там же, л. 43), и семейство Карасевых вынуждено было переселиться в дом 5 по Университетской набережной, где тогда был размещен весь наш Институт.

Теперь о диссертации. До войны, как было сказано, она называлась «Античная колонизация Южного Причерноморья», но на защиту была вынесена «Гераклея Понтийская», т. е. диссертация посвящалась всего одной из колоний Южного Понта. Защита состоялась 30 января 1946 г., официальными оппонентами у Елены Ивановны были доктор исторических наук Т. Н. Книпович и кандидат исторических наук В. Ф. Гайдукевич (Там же, оп. 3, д. 56).

Т. Н. Книпович в своем отзыве отметила, что работа Е. И. Леви «не свободна от схематизма в определении общественно-экономических явлений, подчас заменяя общей социологической схемой анализ конкретных исторических явлений в данной конкретной обстановке». В некоторых случаях, по мнению оппонента, история Гераклеи дана слишком суммарно и схематично, более подробного рассмотрения заслуживает вопрос о мариандинах, диссертантка «не берет вопроса о местном населении в целом».

Тем не менее рецензируемое исследование «несомненно дает право на признание Елене Ивановне искомой ею степени кандидата исторических наук, давно уже ей <...> заслуженной» (Там же, л. 15).

В. Ф. Гайдукевич, также обративший внимание на некоторые недостатки работы, в частности, он был не вполне согласен с диссертанткой по поводу Херсонесской присяги, в заключение своего отзыва констатировал: «Теперь можно с полной уверенностью сказать, что Елена Ивановна – археолог с широким историческим кругозором, прекрасно справившийся с задачами чисто исторического исследования. Нет никакого сомнения, что она вполне заслуживает искомой ею степени – кандидата исторических наук» (Там же, л. 16).

Отвечая Т. Н. Книпович и В. Ф. Гайдукевичу, Елена Ивановна сказала: «Часть замечаний оппонентов, несомненно, объясняется тем, что при восстановлении утраченной рукописи диссертации в Ташкенте не было всей необходимой литературы, равно как и части источников; в частности, там не было Аммиана Марцелина, чем объясняется совершенно недостаточное освещение жизни Гераклеи в поздний период» (Там же, л. 12). Можно только догадываться, каких трудов стоило Елене Ивановне восстановить текст утерянной диссертации. В Ташкенте для этого, как представляется, вообще не было никаких условий.

Заседание Ученого совета проходило под руководством С. И. Ковалева. Подводя итог дискуссии, он сказал, что «тонко сплетенная Еленой Ивановной ткань (трактовки Херсонесской присяги. – Ю. В.), подтверждая дату (281–280 гг.), правда, несколько порвана оппонентом В. Ф. Гайдукевичем <...>, однако, если ткань доказательств как-то надорвана, то она отнюдь не разрушена. Елене Ивановне удалось показать, по-моему, что Херсонесская Присяга была связана с событиями в Гераклее 281 г. и тем самым уточнить и дату Присяги» (Там же, л. 11 об.).

Здесь следует внести некоторые пояснения, связанные с историей Гераклеи Понтийской. Хорошо известно, что в 363 г. до н. э. в этом полисе утвердилась тирания, последний из тиранов Гераклид был лишен власти в 281 г. до н. э. Е. И. Леви предположила, что он был изгнан из города или отправился в добровольное изгнание. По ее мнению, бывший тиран перебрался в Херсонес, основанный в свое время гераклейцами. Херсонес был демократическим полисом, и Герак-

лид вместе со своими сторонниками попытался произвести там государственный переворот. Этот попытка закончилась неудачей, но сразу после нее, т. е., по мысли диссертантки, в 281–280 гг. до н. э., херсонеситы приняли свою знаменитую присягу, в которой клялись защищать родной полис и свой государственный строй от посягательств «как эллинов, так и варваров».

Возвращаясь к выступлению С. И. Ковалева, необходимо отметить, что он согласился с оппонентами в том, что Е. И. Леви «не только сейчас, а уже давно является несомненным ученым, <она> давно уже должна быть кандидатом» (Там же). В своем выступлении он заявил также, «что археолог марровской школы (такой, как Е. И. Леви. – Ю. В.) может и должен быть на высоте требований, предъявляемых к источникам» (Там же). Сергей Иванович, конечно, имел в виду источники письменные. Председателю Ученого совета необходимо было продемонстрировать связь диссертации с единственно верной теорией Н. Я. Марра; без этого научные заседания того времени просто трудно представить. Вот и Елена Ивановна стала «археологом марровской школы». До разоблачения «зловредной» марровской теории тогда оставалось чуть больше 4 лет.

Степень кандидата исторических наук была присуждена Е. И. Леви единогласно. Очень жаль, что эта работа до сих пор не опубликована. Свет увидела лишь статья, посвященная присяге граждан Херсонеса (Леви 1947). В связи с этим отмечу, что диссертация В. П. Дзагуровой о Геракле Понтийской, защищенная в том же самом 1946 г., была опубликована совсем недавно – в 2007 г. (Дзагурова 2007).

Дальнейшую исследовательскую деятельность Елены Ивановны кратко, но верно охарактеризовала М. И. Максимова: «Начиная со второй половины 40-х годов научные интересы Е. И. Леви сосредотачиваются на одном, но очень крупном объекте, изучение которого является одной из наиболее актуальных задач советских археологов-античников, – на исследовании милетской колонии Ольвии. Являясь членом, а с 1956 года руководителем Ленинградского отряда Ольвийской археологической экспедиции, Е. И. Леви участвует и направляет работы по раскрытию и изучению центральной части города – его агоры и помещавшихся на ней главных общественных и культовых зданий» (НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 182, л. 61).

Напомню, что до 1956 г. Ленинградский отряд возглавляла Т. Н. Книпович, а во главе Ольвийской экспедиции стоял Л. М. Славин. С формальной точки зрения Елена Ивановна действительно приняла руководство Ленинградским отрядом в 1956 г., но фактически это произошло еще в предыдущем 1955-м, поскольку именно ею был составлен отчет о раскопках этого года.

В первый послевоенный сезон раскопок на городище, на его верхнем плато был заложен участок Е, работами на котором руководили А. Н. Карасев и Е. И. Леви. Уже в 1946 г. было высказано предположение, что именно здесь находилась агора Ольвии – центр общественной и политической жизни полиса (Леви 1951а: 177). В результате последующих работ это предположение было полностью подтверждено (Леви 1954: 335; 1956: 50; 1964а; Карасев, Леви 1958; 1965). Вскоре выяснилось также, что с севера к агоре примыкал священный участок – теменос, на котором находились два храма, посвященные Зевсу и Аполлону Дельфинию, монументальный каменный алтарь и другие культовые сооружения (Карасев, Леви 1958: 132 сл.; Леви 1964б; 1964в; 1967б).

Замечательный семейный и научный тандем – Е. И. Леви и А. Н. Карасев – развернули масштабные работы по изучению архитектурного комплекса теменоса и агоры, который был и остается уникальным во всем Северном Причерноморье. Здесь постепенно раскрывались как культовые сооружения, так и общественные постройки – дикастерий (Карасев 1972: 37 сл.), гимнасий (Там же: 40 сл.; 1975), а также комплекс торговых и складских помещений (Карасев, Леви 1975: 17–18). Обнаруженные здесь надписи раскрывали многие, ранее неизвестные стороны гражданской и культовой жизни древнегреческого колониального полиса (Леви 1963; 1965; 1966), его связей с другими греческими центрами Причерноморья и Средиземноморья (Леви 1951б; 1953; 1958; 1967а; 1968). Многочисленные вещественные находки стали ценным источником для изучения бытовой и религиозной жизни ольвиополитов (Леви 1959; 1964в; 1970; 1972; 1977). Среди совместных научных творений Е. И. Леви и А. Н. Карасева следует назвать их публикацию, посвященную домостроительству античных городов Северного Причерноморья (Карасев, Леви 1955); особого упоминания заслуживает сборник трудов «Ольвия. Теменос и агора» (М.; Л., 1964). Эти работы, без всякого преувеличения, вошли в золотой фонд отечественной античной археологии, ими можно и должно гордиться. Чрезвычайно ценным вкладом в изучение эпиграфики Северного Причерноморья стало издание тома «Надписи Ольвии (1917–1965)» (Л., 1968), увидевшего свет при активном участии и под редакцией Е. И. Леви (совм. с Т. Н. Книпович).

Как будто всего 2 года Ленинградский отряд не проводил раскопок Ольвийского городища – 1965 и 1966 г. Может быть, к тому вынуждали исследования на городище «Чайка» под Евпаторией, которыми руководил А. Н. Карасев. Елена Ивановна, естественно, была там рядом со своим мужем с 1963 г. Еще раз можно убедиться в справедливости сложившейся среди археологов поговорки: «Мы говорим Карасев – подразумеваем Леви, мы говорим Леви – подразумеваем Карасев». Острословы, конечно, перефразировали строки поэта В. В. Маяковского о Ленине и партии.

В июне 1972 г. из жизни ушел А. Н. Карасев, но и после этого работы на Ольвийском городище продолжались с прежним размахом. Их успех в немалой степени объяснялся усилиями целого коллектива исследователей, который к тому времени сложился в Ленинградском отряде. Назову некоторые имена: Н. С. Белова, Д. С. Герцигер, Л. В. Копейкина, Я. В. Доманский, Ю. Г. Виноградов, К. К. Марченко, Н. В. Шебалин, Н. В. Головачева. В 1973 г. здесь появилась В. И. Денисова (Пругло), в 1974 г. она вновь трудилась в Ольвии, и этот год стал последним, когда во главе отряда стояла Е. И. Леви (Леви 1978). На следующий год начальником Ольвийской экспедиции ЛОИА стала Виктория Ивановна Пругло (Пругло 1978). Чем было мотивировано это административное решение, сейчас сказать очень трудно. Понятно, что Елене Ивановне тогда было уже 72 года (возраст немалый!), но она еще была полна сил, энергии, идей. Ее отстранение от экспедиции произошло как-то несправедливо, неделикатно, некрасиво. Преемственность изучения Ольвии, которую ленинградские археологи осуществляли с времени Б. Ф. Фармаковского, была прервана. С огорчением надо признать, что все названные мною чуть выше лица с новым отрядом и его руководством никогда не сотрудничали.

Елена Ивановна продолжала приезжать в Парутино, но уже скорей как частное лицо. Тем не менее проблемы изучения Ольвии по-прежнему волновали ее

очень живо. Когда мы возвращались с раскопок на Ольвийской сельской округе, она с интересом расспрашивала нас о результатах этих работ, о том, что сейчас делает, скажем, А. С. Русяева, Ю. И. Козуб или, чем занимается украинская молодежь – Сережа Буйских, Валера Отрешко, Володя Рубан. Елену Ивановну интересовало все..., в этом была ее жизнь.

Небольшим утешением для Елены Ивановны стало то, что ей поручили подготовить очерк об Ольвии для многотомного издания «Археологии СССР» (Леви 1984), а также позволили издать монографию об Ольвии эпохи эллинизма (Леви 1985). Она мне подарила эту книгу с пожеланием «дальнейших работ по исследованию Ольвийской периферии». Надежде на такое продолжение, увы, оставалось жить совсем недолго.

В 1983 г. мы чествовали Е. И. Леви в Группе античной археологии по поводу ее 80-летия: были доклады, был скромный банкет, были тосты. Помню, что я на этом заседании рассказал об открытии в Мирмекии архаических землянок. Тогда я заметил также, что блестящее начало научной деятельности Елены Ивановны было связано с Мирмекием (что было не совсем правильно), но ее расцвет произошел в Ольвии (что, конечно, верно). Я никогда не скрывал, да и сейчас не скрываю своего огромного уважения к этой женщине. Припоминая, что в этой связи даже рискнул заметить, что, как мне представляется, Елену Ивановну всегда сопровождала огромная симпатия и любовь окружающих. Услышав это, она посмотрела на меня своими большими, голубыми, грустными глазами и сказала: «Нет, Юра, на самом деле все было не так».

Вот такая жизнь! Напомню, что Е. И. Леви ушла из жизни 1 апреля 1996 г., тогда оборвалась ниточка, которая связывала нас с почти «былинными» временами Б. В. Фармаковского, Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова и многих, многих других.

Буйских 2013 – *Буйских А. Б.* Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев: Стародавній Світ, 2013. 246 с.

Виноградов 2009 – *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК–РАИМК (ГАИМК)–ЛОИА АН СССР // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 7–36.

Гайдукевич и др. 1941 – *Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О.* Раскопки в западной части Мирмекии // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 110–148 (МИА. № 4).

Дзагурова 2007 – *Дзагурова В. П.* Гераклея Понтийская в период ее автономии (VI–I века до н. э.). М.: Таус, 2007. 160 с.

Карасев 1972 – *Карасев А. Н.* Раскопки ольвийской агоры в 1967–1969 гг. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 35–44.

Карасев 1975 – *Карасев А. Н.* К вопросу о водоснабжении ольвийского гимнасия // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 3–10.

Карасев, Леви 1955 – *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Дома античных городов Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 215–247.

Карасев, Леви 1958 – *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Ольвийская агора (По раскопкам 1946–1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С. 127–143.

Карасев, Леви 1965 – *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960–1962 гг. // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 80–93.

Карасев, Леви 1975 – *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Раскопки Ольвийской агоры в 1970 г. // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 11–20.

Карасев, Леви 1976 – *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского (1927–1970 гг.) // *Художественная культура и археология античного мира*: Сб. памяти Б. В. Фармаковского. М.: Наука, 1976. С. 22–45.

Леви 1940 – *Леви Е. И.* Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // *Ольвия*. Т. 1. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1940. С. 105–127.

Леви 1941 – *Леви Е. И.* Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии // *СА*. 1941. Т. 7. С. 308–317.

Леви 1947 – *Леви Е. И.* К вопросу о датировке Херсонесской присяги // *СА*. 1947. Т. 9. С. 89–100.

Леви 1951а – *Леви Е. И.* Итоги Ольвийской экспедиции // *КСИИМК*. 1951. Вып. 37. С. 173–184.

Леви 1951б – *Леви Е. И.* Ольвийский декрет из раскопок 1949 г. // *ВДИ*. 1951. № 1. С. 142–149.

Леви 1953 – *Леви Е. И.* Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. // *ВДИ*. 1953. № 1. С. 177–183.

Леви 1954 – *Леви Е. И.* К вопросу об Ольвийской агоре // *СА*. 1954. Т. 21. С. 319–342.

Леви 1956 – *Леви Е. И.* Ольвийская агора // *Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 35–118 (МИА. № 50).

Леви 1958 – *Леви Е. И.* К истории торговли Ольвии в IV–III вв. до н. э. (по эпиграфическим памятникам агоры) // *СА*. 1958. Т. 28. С. 234–247.

Леви 1959 – *Леви Е. И.* Терракоты из цистерны Ольвийской агоры // *КСИИМК*. 1959. Вып. 74. С. 9–19.

Леви 1963 – *Леви Е. И.* Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона // *КСИА*. 1963. Вып. 95. С. 7–12.

Леви 1964а – *Леви Е. И.* Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951–1960 гг.) // *Ольвия: Теменос и агора*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 5–26.

Леви 1964б – *Леви Е. И.* Керамический комплекс III–II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры // *Там же*. С. 225–280.

Леви 1964в – *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса (Общая характеристика) // *Там же*. С. 131–174.

Леви 1965 – *Леви Е. И.* Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу // *ВДИ*. 1965. № 2. С. 86–95.

Леви 1966 – *Леви Е. И.* К вопросу о культе Аполлона Дельфиния в Ольвии // *Культура античного мира*. М.: Наука, 1966. С. 124–130.

Леви 1967а – *Леви Е. И.* Новая ольвийская проксения // *КСИА*. 1967. Вып. 109. С. 31–35.

Леви 1967б – *Леви Е. И.* Раскопки Ольвийской агоры и теменоса // *Античное общество: Тр. Междунар. конф. по изучению проблем античности*. Ленинград, 9–14 апреля 1964 г. М.: Наука, 1967. С. 162–167.

Леви 1968 – *Леви Е. И.* Новый ольвийский декрет в честь синопейца // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья: К 100-летию со дня рождения акад. С. А. Жебелева*. 1867–1967. Л.: Наука, 1968. С. 227–231.

Леви 1970 – *Леви Е. И.* Терракоты из Ольвии // *Терракоты Северного Причерноморья*. М.: Наука, 1970. С. 33–49 (САИ. Вып. Г1-11).

Леви 1972 – *Леви Е. И.* Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры // *КСИА*. 1972. Вып. 130. С. 45–52.

Леви 1977 – *Леви Е. И.* Новые посвященные надписи Аполлону Дельфинию из раскопок Ольвии // *История и культура античного мира*. М.: Наука, 1977. С. 96–100.

Леви 1978 – *Леви Е. И.* Раскопки Ольвийской агоры и теменоса (1971–1974) // *КСИА*. 1978. Вып. 156. С. 36–45.

Леви 1984 – *Леви Е. И.* Ольвия // *Античные государства Северного Причерноморья*. М.: Наука, 1984. С. 34–40 (Археология СССР).

Леви 1985 – *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: Наука, 1985.

Макимова 1964 – *Макимова М. И.* К 60-летию Елены Ивановны Леви // *СА*. 1964. № 1. С. 8–9. Некролог... 1975 – [Некролог] Памяти Александра Николаевича Карасева (1902–1972) // *КСИА*. 1975. Вып. 143. С. 117–119.

Пругло 1978 – *Пругло В. И.* Раскопки северо-западного района Ольвийской агоры // *КСИА*. 1978. Вып. 156. С. 45–53.

НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 3, д. 359; ф. 35, оп. 3, д. 56; оп. 5, д. 182, 357.

ТАКОЙ ОНА МНЕ ЗАПОМНИЛАСЬ (памяти Елены Ивановны Леви)

Н. В. ГОЛОВАЧЕВА

На работу в должности препаратора меня взяли в Институт археологии (тогда ЛОИА) летом 1968 г. К этому времени я закончила первый курс вечернего отделения ЛГУ и мечтала заниматься античностью, хотя никого из античников Института еще не знала и в экспедициях этого профиля побывать не успела. Кто-то из моих новых коллег по работе посоветовал мне поучаствовать в Ольвийской экспедиции, договорившись с ее начальницей Еленой Ивановной Леви.

Не без некоторого волнения я впервые вошла в Группу античной археологии, а когда, еще издали, увидела белоснежно-седую голову женщины, показавшейся мне очень пожилой (если принять во внимание мой 20-летний возраст), то разволновалась окончательно: долго ли она будет возглавлять экспедицию и сможет ли стать на 5 лет – до окончания кафедры археологии – моим научным руководителем. Но, делать нечего, я подошла к Елене Ивановне, представилась и изложила свою просьбу. И вот в тот самый момент, когда Елена Ивановна взглянула на меня своими живыми и абсолютно молодыми глазами, мне почему-то показалось, что передо мной маленькая девочка в облике досадно не ко времени состарившейся женщины. Елена Ивановна быстро зачислила меня в состав Ольвийской экспедиции, так как сотрудников Института брали на работу в поле охотно и без проблем.

Таким образом в сентябре 1968 г. я впервые оказалась на земле Ольвии. С первых же дней общения с Еленой Ивановной в поле мое приятное отношение к ней значительно укрепилось. Видимо, и я ей чем-то приглянулась. Так началась моя, не побоюсь этого слова, дружба с Еленой Ивановной Леви, которая длилась 28 лет – до самого ее ухода из жизни. Описывать все перипетии наших отношений за этот долгий срок – не хватит целой книги, поэтому выделю лишь несколько моментов, которые для меня характеризуют Елену Ивановну главным образом как личность.

Елена Ивановна была гипертоником, как говорится, со стажем. Но к своему высокому давлению относилась с какой-то веселой беспечностью. Как-то она мне сказала: «Гунечка, когда у меня давление 180 и даже 200, еще терпимо. Вот при 220 уже тяжеловато. Но ничего: приму папаверинчику и – порядок». Думаю, что такое отношение к серьезному, в общем-то, заболеванию, позволило ей в течение жизни обойтись без каких-либо значительных сердечно-сосудистых проблем.

Елена Ивановна очень любила детей и всегда приглашала в гости (а она обладала удивительным радушием и гостеприимством) молодых участников своей экспедиции вместе с детьми. И когда они являлись к ней в дом, уделяла детям едва ли не больше внимания, чем их родителям. Мне кажется, что в обществе детей она и чувствовала себя на свой фактический возраст. Нет нужды особо подчеркивать, что Елена Ивановна горячо любила своего единственного, рож-

денного ею в весьма солидном возрасте (36 лет) сына Виталия, обожала внуков Митю и Олю и успела дожить до правнучки Юленьки. Но... И это «но» очень ярко, по-моему, говорит о ней как о незаурядном человеке: при столь трепетном отношении к своему ребенку на первом месте для Елены Ивановны была забота, как бы это выразиться, о целостности семьи. Поясню. В разгар ленинградской блокады двухлетний Витя был типичным блокадным ребенком – анемичным и дистрофичным. Однако гораздо тяжелее блокада отразилась на ее муже, Александре Николаевиче Карасеве. В какой-то момент он слег и не смог уже встать.

Кто-то из коллег выговаривал ей: «Лена, чем ты думаешь? Спасай ребенка, увози его из города. Мужу ты уже вряд ли поможешь». Елена Ивановна с изумлением выслушала этот совет и категорически его отвергла, оставшись с сыном при беспомощном Александре Николаевиче. Не иначе как Провидение наградило такую бескомпромиссную верность – выжили и остались целы все трое.

Большим увлечение Елены Ивановны было – практически до конца ее жизни – чтение художественной литературы. Причем кроме перечитывания классиков она с живейшим интересом следила за всеми новинками современных, как отечественных, так и зарубежных, авторов. Елена Ивановна много лет заведовала (на общественных началах) передвижной институтской библиотекой. Регулярно ездила в Юсуповский дворец, в собрании книг которого подбирала разнообразие издания на замену уже прочитанных большинством сотрудников ЛОИА, интересующихся чтением. Неоднократно бывая с нею в библиотеке Дворца Просвещения (а надо сказать, сотрудницы этой библиотеки обожали Елену Ивановну и всегда ждали ее очередного визита), я с любопытством наблюдала, как она отбирает очередную порцию книг. Елена Ивановна никогда при этом не руководствовалась только собственными пристрастиями, а старалась угодить интересам своих читателей – как взрослых, так и их детей всех возрастов. Быстро просматривая представленные на полках новые поступления, она смело выбирала книги мало кому, а то и вовсе никому не известных авторов и всегда попадала «в точку»: все, что мы с ней приносили в Институт, тут же уходило «в народ» и по прочтении передавалось из рук в руки. Однажды Елена Ивановна посоветовала мне прочитать роман современного африканского прозаика с совершенно непроизносимой фамилией. Из уважения к ней я приняла эту книгу и, не без внутреннего сопротивления – ну, не мое это было – стала читать. Читала, читала и зачиталась: получила большое удовольствие и испытала неподдельный интерес к незнакомой мне экзотической культуре. Но и мне иногда удавалось удивлять и радовать Елену Ивановну новинками литературы. Как-то попал ко мне в руки роман малознакомого в те годы современного классика грузинской литературы Ч. Амирэджиби «Дата Туташиа». Прочитав этот роман, я осмелилась предложить его Елене Ивановне. Толстый том она «проглотила» стремительно и от души поблагодарила меня за это открытие. Вскоре по этому роману был снят многосерийный фильм под названием «Берега». Когда он пошел по телевидению, мы с Еленой Ивановной дружно сидели каждая перед своим «ящиком», обсуждая очередную серию по телефону. А после окончания просмотра мы как-то встретились в античной группе, и она сказала, мечтательно глядя вдаль, куда-то за Петропавловку: «Да, хороший фильм! Гунечка, а какой красавец-то в главной роли!» – и глаза ее за-жглись молодым лукавством.

Ну и конечно, нельзя не сказать о главном деле огромной, почти 70-летней творческой жизни Елены Ивановны – об Ольвии. Мне порой кажется, что Ольвия была для нее таким же членом семьи, как муж, Александр Николаевич, и ее потомки; и относилась она к этому памятнику не просто как к объекту своих научных интересов, а по-особому, как-то интимно-доверительно. Здесь уместно будет заметить, что Елена Ивановна при наших с ней встречах часто и охотно рассказывала различные эпизоды из отношений с учеными – старшими ее современниками, такими, как Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов и др. Причем, в силу интеллигентности и врожденной мягкости характера, она никогда и ни о ком не позволяла себе резких суждений и нелицеприятных оценок; видимо, по этой причине предпочитала для пересказа различные забавные, юмористические сюжеты. Но особенно любила вспоминать Елена Ивановна Б. В. Фармаковского, чьей ученицей себя считала и чью замечательную методику раскопок Ольвии неукоснительно использовала и развивала вместе с Александром Николаевичем Карасевым. К сожалению, поработать под руководством Б. В. Фармаковского в поле, т. е. на раскопках Ольвии, ей довелось огорчительно мало. Елена Ивановна впервые появилась на Ольвийском городище осенью 1926 г. Увы, это был последний сезон для Б. В. Фармаковского. К тому же почему-то Елена Ивановна к началу экспедиции сильно запоздала, и посему, когда она пришла на раскоп, Борис Владимирович встретил ее словами: «Наконец – и под конец!». Этот эпизод так врезался Елене Ивановне в память, что она часто повторяла мне его с грустной улыбкой.

Елена Ивановна не любила водить по Ольвии экскурсии, даже для близкого круга знакомых (зато с удовольствием и с неподражаемым блеском этот делал Александр Николаевич Карасев, знавший на городище буквально каждый камень и каждый слоевой фундамент). Но как в годы работы Ольвийской экспедиции под ее руководством, так и в течение многих лет, когда Елена Ивановна приезжала в Ольвию пообщаться со своей любимицей, в чем, очевидно, и испытывала живую потребность, она постоянно ходила по древнему городу в полном одиночестве, всегда опустив глаза долу и, по-моему, ведя нескончаемый внутренний разговор и с самой Ольвией, и с теми, с кем ей довелось поработать на этом памятнике и кого она намного пережила. Такой она мне и запомнилась: одинокая фигурка, бредущая по спуску с Верхнего города в Нижний город Фармаковского, где когда-то начиналась ее археологическая юность.

AD MEMORIA

ПАМЯТИ ЗОИ АЛЕКСАНДРОВНЫ АБРАМОВОЙ (19.03.1925–29.10.2013)

Наука об ископаемом человеке понесла тяжкую утрату. Ушла из жизни Зоя Александровна Абрамова, один из «столпов» ленинградской школы изучения палеолита, всемирно признанный знаток древнейшего искусства.

Путь в науку для З. А. Абрамовой оказался непростым, и порой, ввиду жизненных обстоятельств, этапы этого пути затягивались на долгие годы. Юность будущей исследовательницы выпала на военное время. Страшная первая блокадная зима, эвакуация в Сибирь, возвращение в Ленинград, трудное совмещение работы и учебы... Только в 1946 г. З. А. Абрамова поступила в университет, где под руководством А. П. Окладникова увлеченно занялась исследованием древностей Сибири. Первые экспедиционные маршруты пролегли в далекое Забайкалье, позднее наступила пора самостоятельных работ на Ангаре. И вот волнующая находка творения древнего мастера – схематическая костяная статуэтка из позднепалеолитического культурного слоя стоянки Красный Яр 1. Меж-

ду тем профессиональная карьера З. А. Абрамовой в стенах ИИМК/ЛОИА разворачивалась крайне неспешно. Будущий профессор, доктор исторических наук, приглашенный лектор Коллеж де Франс долгое время работал на лаборантской ставке, прилежно шифруя бесчисленные кремни. Защита готовой кандидатской диссертации, посвященной палеолитической скульптуре, тоже затянулась на несколько лет.

1960-е годы, пора великих сибирских строек, больших экспедиций. З. А. Абрамова возглавила работы по палеолиту на берегах Енисея. Итог крупномасштабных и поразительных по скрупулезности и точности фиксации раскопок многослойных стоянок подведен в двухтомном труде «Палеолит Енисея» и своде памятников региона. Во все учебники палеолита входит изображение пробитой наконечником лопатки бизона из Кокорево 1 – уникальное свидетельство охоты палеолитического человека. Неожиданное открытие мустьерских остатков в гроте Двуглазка значительно расширило рамки известного енисейского палеолита. Впереди открывались неизведанные временные глубины, маячили новые открытия...

Внезапный инцидент на сибирской трассе сделал участие в дальних экспедициях невозможным. З. А. Абрамова круто меняет судьбу. Отныне центром ее внимания становится верхний палеолит Русской равнины. Много лет З. А. Абрамова работает на раскопках в Костёнках вместе с А. Н. Рогачевым и Н. Д. Прасловым. Новый поворот – начало многолетней кампании изучения поселения Юдиново с эффектными руинами жилищ из костей мамонта, предпринятой совместно с Г. В. Григорьевой.

Как бы ни велик был вклад исследовательницы в изучение палеолита Южной Сибири и Русской равнины, все же в центре научных интересов З. А. Абрамовой всегда находились памятники древнейшего искусства. Загадка творчества человека ледниковой эпохи манила ее с первых шагов в археологии. Десятилетиями З. А. Абрамова по крупицам собирала рассеянную по множеству публикаций и музейных хранилищ информацию о находках. Книга «Палеолитическое искусство на территории СССР» (М.; Л., 1962. 86 с., 63 ил.) была переведена на английский язык (*Abramova Z. A. Palaeolithic art in the U.S.S.R // Arctic anthropology. Vol. 4, no. 2. P. 1–179*); новое, расширенное и дополненное издание вышло в свет на французском (*Abramova Z. A. L'art paleolithique d'Europe orientale et de Sibirie. Grenoble: Millon, 1995. 367 p.*). Пожалуй, ни один из отечественных исследователей первобытного искусства не пользовался таким непрерываемым авторитетом в международной научной среде, как «тетушка Зоя» (шутливое прозвище З. А. Абрамовой среди французских археологов).

В последние годы, преодолевая болезни, З. А. Абрамова трудилась над реализацией мечты своей жизни – созданием полного капитального свода произведений древнейшего искусства Европы. Два фундаментальных тома, посвященных изображениям животных и человека (*Абрамова З. А. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб.: Европейский Дом, 2005. 352 с.; Древнейший образ человека: Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 304 с.*), увидели свет, рукопись третьего, увы, осталась незавершенной...

С. А. Васильев

Список сокращений

- АВ – Археологические вести. СПб.: Дмитрий Буланин.
- АВЕС – Археология восточно-европейской степи. Саратов: Саратовский ГУ.
- АДЛУ – Археологічні дослідження Львівського університету. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка.
- АДУ – Археологічні дослідження в Україні. Київ: Інститут археології НАН України.
- АЛЮР – Археологическая летопись Южной России. Киев: Императорский университет Св. Владимира.
- АМИГКС – Архив Музея истории города-курорта Сочи.
- АН – Академия наук.
- АО – Археологические открытия. М.
- АР – Автономная Республика.
- АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л./СПб.: Изд-во ГЭ.
- АЭС – атомная электростанция.
- ВАС – Всероссийский археологический съезд.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВИНИТИ – Всероссийский институт научной и технической информации. М.
- ВНУ – Восточно-Украинский национальный университет им. В. Даля. Луганск.
- ВУК – Вестник Университета Кайнар. Алматы.
- ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
- ГУ – Государственный университет.
- ГЭ – Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
- ДБ – Древности Боспора. М.: ИА РАН.
- ЗИИМК – Записки ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин.
- ЗИН – Зоологический институт. Л./СПб.
- ЗНТШ – Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів: Наукове товариство імені Т. Шевченка у Львові.
- ЗООА – Записки Одесского археологического общества. Одесса: Маяк.
- ИА – Институт археологии.
- ИВ – Институт востоковедения. М.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры. Л./СПб.
- ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам АН СССР/РАН. М.
- ИОН – Институт общественных наук АН Украинской ССР. Киев.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.; Л.
- КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР. Киев.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
- ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- ЛФ – Ленинградский филиал.
- МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.
- МГП – Малое государственной предприятие.
- МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів: Інститут українознавства імені І. Крип'якевича при НАН України.

- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР/Наука.
- МОН – Министерство образования и науки.
- МУП – Муниципальное управление печати.
- НА – Научный архив.
- НАВ – Нижневолжский археологический сборник. Волгоград: Волгоградский ГУ.
- НАН – Национальная Академия наук.
- НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Великий Новгород.
- НОО – научное общественное объединение.
- НПЛ – Новгородская первая летопись.
- ОАО – Открытое акционерное общество.
- ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- РА – Рукописный архив (отдел).
- РАЕ – Российский археологический ежегодник. СПб.: СПбГУ.
- РАН – Российская Академия наук.
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд. М.
- РК – Республика Казахстан.
- РСМ – Раннеславянский мир. М.: ИА РАН.
- РФ – Российская Федерация.
- РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований. М.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
- СОН – Серия общественных наук.
- СОРГО – Сочинское отделение Русского географического общества.
- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
- ТД – Тезисы докладов.
- ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР.
- Тр. – Труды.
- ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР.
- ЦЭНДИСИ – Центр научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив при АН СССР. М.
- ADEAUT – Association pour le développement des études d'archéologie urbaine à Tours. Tours.
- AS – Archaeological Studies. Sankt-Petersburg.
- BAR. IS – British archaeological Reports. International Series.
- CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique. France.
- CRAHM – Publications du Centre de recherches archéologiques et historiques médiévales. Caen.
- FERACF – Fédération pour l'édition de la Revue archéologique du centre de la France. Tours.
- ИММС – Institute for the History of Material Culture. Sankt-Petersburg.
- IsIAO – Istituto Italiano per l'Africa et l'Oriente. Roma.
- RN – Revue numismatique.
- UISPP – Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques.
- ZWAK – Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.

**Список авторов статей, опубликованных
в «Записках ИИМК РАН», № 9**

- Алёшкин Вадим Андреевич – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Астахов Сергей Никитович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
- Батасова Анжела Владимировна – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
- Бейсенов Арман Зияденович – Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Шевченко, 28. Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Отдел первобытной археологии.
- Бельский Станислав Викторович – Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Отдел археологии.
- Васильев Сергей Александрович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
- Виноградов Юрий Алексеевич – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
- Вишняцкий Леонид Борисович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
- Воронятов Сергей Вячеславович – Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, Отдел античного мира.
- Галищева Елена Васильевна – Россия, 354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Воровского, 54/11. Музей истории города-курорта Сочи.
- Гасанова Азизаханум – Азербайджан, 370143, Баку, пр. Г. Джавида, 31. Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана.
- Глазов Константин Анатольевич – Россия, 354000, Краснодарский край, г. Сочи, Курортный проспект, 113. Сочинское отделение Русского географического общества.
- Головачева Нина Владимировна – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
- Горончаровский Владимир Анатольевич – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
- Кашаев Сергей Владимирович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
- Кимура Хидэаки – Япония, о. Хоккайдо, г. Энгару, Монбецу-гун, Шираками 138-1. Археологический центр «Шираками Гео-Парк».

- Курбатов Александр Валерьевич – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.
- Малютина Анна Андреевна – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально-трасологическая лаборатория.
- Миняев Сергей Степанович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Мусин Александр Евгеньевич – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.
- Распопова Валентина Ивановна – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Саблин Михаил Валерьевич – Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 1. Зоологический институт РАН, Лаборатория териологии.
- Скакун Наталия Николаевна – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально-трасологическая лаборатория.
- Соловьева Наталья Федоровна – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии.
- Старкова Елена Генриховна – Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
- Терёхина Вера Владимировна – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Цвек Екатерина Васильевна – Украина, 04655, Киев, просп. Героев Сталинграда, 12. Институт археологии НАН Украины, Отдел археологии энеолита и бронзового века.
- Шилик Константин Константинович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.

Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»

Уважаемые авторы! Обращаем ваше внимание, что с 2010 г. в соответствии с требованиями систем цитирования РИНЦ и SCOPUS правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН» существенно изменились!

Все поступающие статьи проходят независимое рецензирование. После решения о принятии статей к публикации авторам высылаются для подписания лицензионный договор на право использования научного произведения в периодическом издании.

1. Статьи должны представляться в электронном варианте (желательно файл RTF). К статье обязательно должны быть приложены:

– данные об авторе (авторах) – фамилия, имя, отчество (при наличии), место работы, ученые степени и должности всех авторов, полные почтовые адреса учреждений, номера телефона и факса, адреса электронной почты;

– фамилия, имя автора (авторов), название статьи и специальные термины на английском языке;

– резюме (до 2000 знаков) со ссылками на иллюстрации;

– ключевые слова (не более 15);

– список всех сокращений, включая сокращения в названиях издательств;

– иллюстрации – не более 5 (не ксерокопии, желательно оригиналы). Для электронного варианта – разрешение 600 dpi на дюйм в формате TIF для черно-белых иллюстраций (сканировать в режиме Line Art) или не менее 300 dpi на дюйм в формате TIF или JPEG (сканировать в режиме Gray Scale). Каждый файл должен содержать только 1 иллюстрацию;

– подписи к иллюстрациям должны содержать все использованные условные обозначения и даются либо в конце статьи, либо в отдельном текстовом файле.

Если в статье приводятся таблицы или диаграммы, то они должны быть даны отдельным файлом.

2. Объем статей:

а) статьи: текст – до 25 000 символов, включая резюме и ключевые слова (0,6 а. л.);

б) заметки о конференциях, обзоры литературы, информация о научно-организационной деятельности и т. д.: текст до 10 000 символов вместе с пробелами (до 0,25 а. л.).

3. Оформление библиографии:

в тексте статей ссылки на литературу приводятся в круглых скобках (фамилия автора, год, стр.). Например: (Анисюткин 2000: 12–19).

Общий список работ оформляется следующим образом:

– **монографии**

Смекалова, Дюков 2001 – *Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 204 с.

– **сборники статей**

Проблемы археологии Евразии / Р. М. Мунчаев (ред.). Тула: Гриф и К°, 2002. 356 с.

– **статьи в сборниках статей или периодических изданиях**

Моргунова 2002 – *Моргунова Н. Л.* Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии / Р. М. Мунчаев (ред.). Тула: Гриф и К°, 2002. С. 104–116.

Корзухина 1958 – *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси: По материалам медного литья // ВВ. 1958. № 14. С. 129–137.

Черных, Орловская 2004 – *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // Российская археология. 2004. № 1. С. 84–99.

– **авторефераты**

Моргунова 1997 – *Моргунова Н. Л.* Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита–энеолита–ранней бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА РАН, 1997. 32 с.

– **тезисы научных конференций**

Черленок, Осташинский 2013 – *Черленок Е. А., Осташинский С. М.* Раскопки навеса Мешоко в 2011–2012 гг.: задачи, методы, предварительные результаты // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования: Тезисы науч. конф. молодых ученых Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 44–45.

– **рецензии**

Курбатов 2004 – *Курбатов А. В.* Мех и кожа в раннесредневековой Европе. Рец. на: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology.* Edited by Esther Cameron. London, 1998. 105 p., 22 ill. // АВ. 2004. № 11. С. 350–357.

– **архивные материалы**

экспедиционные отчеты или рукописи работ:

Шумкин 1994 – *Шумкин В. Я.* Отчет о работах Кольской экспедиции за 1994 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 22.

Кирчо 1980 – *Кирчо Л. Б.* Культура ранней бронзы Южной Туркмении: (вопросы происхождения по материалам керамических комплексов): Дис. ... канд. ист. наук // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2-д, д. 271.

прочие архивные материалы:

НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 60.

РГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1528.

Редколлегия

Научное издание

**ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
№ 9**

Редактор *Е. А. Гольдич*
Корректор *Е. А. Гольдич*
Верстка *Н. В. Коробовой*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 20.07.2014. Формат 70×100/16.
Гарнитура Newton. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 12,11. Печ. л. 13.
Тираж 300 экз. Заказ 3140.

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга – почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>